

Т.В. Насалевич (Одеса),
В.О. Дмитренко (Харків),
В.Я. Мізєцька (Одеса)

ПОРІВНЯЛЬНЕ ДОСЛІДЖЕННЯ ПОРТРЕТНИХ ОПИСІВ У РІЗНИХ ТИПАХ ТЕКСТУ

Зовнішній портрет, тобто зовнішня характеристика дійової особи, може наочно і глибоко показати особливості внутрішнього світу людини, його соціальні зв'язки. Портрет, як одна з граней художнього образу, зв'язан за всією системою художнього мислення письменника.

Портрет - це різновид композиційно-мовної форми "опис". Нарівні з описом інтер'єру, він грає значну роль у сюжетно-композиційному плані художнього твору.

На різних етапах роль опису то збільшувалась, то зменшувалась. Особливо велику увагу опису приділяли у європейській літературі ХІХ-го сторіччя.

Метою цієї роботи є дослідження портретних описів у різних типах тексту: розповідному прозаїчному тексті великої форми (романі), драматичному творі, фольклорній та літературній казці; виявити загальні особливості у цих описах та специфічні риси у кожному окремому випадку.

Як відоме, портрет складається із зовнішніх характеристик і психологічних. "Зовнішність людини - це тільки зовнішнє, до того ж залякане колись і назавжди. У рисах обличчя, костюмі, манерах чуткий художник вільно чи не вільно відображає соціальне відношення своєї епохи, переважаючи у суспільстві смаки, звички, моду" (Галанов 1967 : 34).

Зовнішні характеристики включають відносно стійкі ознаки, такі як колір очей, форма носу та ін., тобто статичні характеристики, а також кінесичні характеристики. Останні у свою чергу розподіляються на міміку, жести та спосіб переміщення у просторі.

Щодо роману, то для нього у цілому характерні всі вказані особливості, тобто кінесичні і зовнішні характеристики.

В драматургічному творі особливе значення мають такі кінесичні характеристики, як жести та переміщення у просторі, що обумовлене специфікою сприйняття у театрі: міміка та окремі риси залишаються поза межами можливостей зорового сприйняття глядача.

В театрі особливу роль відіграють кольорові характеристики, які нерідко виконують функцію символу. Наприклад, червоний колір із золотом є символом влади.

У казці, як правило, домінують закріплені якості, незалежно від їх кінесичного або зовнішнього характеру. У казках зустрічаються як кінесичні, так і зовнішні ознаки, але їх кількість у цілому обмежена.

З метою проведення кількісного аналізу треба визначити одиницю портретного опису. За одиницю портретного опису пропонується визнавати

відрізок тексту, всі описові елементи якого зосереджуються у межах, обумовлених єдністю міста і часу. Якщо один з цих показників змінюється, ми маємо інший портретний опис, незалежно від того, що у другому контексті описується та ж сама людина. Якщо відрізок тексту вказаних межах повністю складається з елементів портретного опису, такий опис доцільно визнавати за концентрований. Якщо елементи опису у межах єдності міста і часу чередуються з елементами інших композиційно-мовних форм, ми маємо деконцентрований портретний опис.

Зустрічаються також випадки уклінювання, коли тільки один елемент опису включається до неописового контексту:

Annabel Christopher the tawny eyed actress, ... was astonished at the calm achievement so far. (Spark M. The Public Image p. 21).

Уклінювання є одним з різновидів деконцентрованого опису. У наведеній нижче таблиці можна побачити кількість портретних описів, їх середній об'єм у словах та реченнях, середню кількість слів у реченнях у портретних описах у різних типах тексту:

тип тексту	кількість портретних описів (%)			середній об'єм портретних описів (у словах)			середній об'єм портретних описів (у реченнях)			середня кіль- кість слів у реченнях у портретних описах (у словах)		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Роман	100	65	35	49	26	91	1,5	1	2	32	23	42
П'єса	100	91	9	19	14	88	3	1	5	13	11	18
Казка	100	96	4	23	22	54	1	1	1	22	21	36

- усього
- деконцентровані
- сконцентровані

Таким чином, найбільша кількість сконцентрованих портретних описів у романах (35%), найменша - у казках (4%), найбільший середній об'єм описів у словах - теж у романах (91 слово), найменший - у казках (54 слова), також у романі найбільша середня кількість слів у реченнях (42 слова). Це пов'язано з розширеними можливостями романної форми та традиційною відсутністю детальних описів у казках. Найбільший середній об'єм описів у реченнях - у п'єсах (5 речень). Невеликі за кількістю слів речення у п'єсах досить детально відображують дії героїв на сцені.

Можна відмітити певну тенденцію у ХХ ст. до скорочення об'ємного портретного опису, до все більшого використання окремих портретних зарисовок. Замість розгорнутої та докладної характеристики зовнішності, властивій прозі минулого сторіччя, використовуються портретні штрихи, часто у вигляді характерологічних деталей або авторського коментарю до діалогу або дії.

Треба підкреслити, що портрет, показаний на початку твору, як прийом зображення дійових осіб, займає значне місце, складаючи як би експозицію образу у розумінні розкриття основних соціально-психологічних рис персонажу, котрі тільки потім почнуть виявлятися й уточнюватися у його вчинках та діях (Тюхова, 1968 : 36-38).

Дослідження показує, що, як правило, перша поява персонажу зв'язана з наявністю у всіх типах тексту словесного портретного опису його зовнішності. Найбільш важливими лексико-семантичними групами при цьому є елементи так званої "невід'ємної власності" людини (риса обличчя, частини тіла, пози, міміка та ін.), позначення одягу та його атрибутів, позначення кольорів (Домашнев, 1983 : 95).

Для портретних описів, як відомо, характерно використання достатньо широкого арсеналу стилістичних прийомів. Але треба підкреслити, що в різних типах тексту їх застосування має свої особливості.

Якщо у романі переважно зустрічаються всі різновиди метафори, епітету та порівняння, то у більш "жорстких" типах тексту, наприклад, казці, ці прийоми мають більш стандартизований характер, тобто переважно належать до розряду стертих прийомів.

Середню позицію у цьому відношенні займає драматичний текст, де кількість оригінальних та стертих прийомів більш чи менш збалансована. Незалежно від типу тексту у більшій кількості випадків стилістичні прийоми в основі мають зоонімічний або флористичний характер. Наприклад, дуже жвавий портрет з роману "Жовтий кром" О. Хакслі містера Скогана складається завдяки численним випадкам порівняння з тваринами:

"In appearance Mr. Scogan was like one of these extinct bird-lizards of the Testiary. His nose was beaked, his dark eyes had the shining quickness of a robin's. (...) The skin of his wrinkled brown face had a dry and scaly look; his hands were the hands of a crocodile. His movements were marked by the lizard's disconcertingly abrupt clockwise speed" (Huxley, 1976 : 47).

Це зовсім не означає, що не спостерігаються інші джерела образності. Портретний опис може бути індивідуальним або груповим, у першому різновиді автор описує тільки одну людину, у другому - він підкреслює риси групи людей, які розглядаються як єдність.

Всі групові портрети можна поділити на дискретні та недискретні.

У першому випадку персонажі описуються послідовно, хоч автор й показує їх у незмінній обстановці, що забезпечує ефект, який відбувається при розгляді групової фотографії або картини.

При одночасному, недискретному описі дійової особи розглядаються як одне ціле, яке має загальні особливості: *they looked up at us, an expression of perplexed horror collecting on some of their faces; it was as though they were visitors at a zoo who had wandered accidentally into one of the cages* (Capete, 1974 :51).

В цьому випадку автор вказує на враження, яке у розповідача складається від цілої групи персонажів. Щоб передати це враження він звертається до порівняння.

У казках домінують індивідуальні описи. У п'єсах спостерігається багато кількість групових дискретних описів, у першу чергу в інтродукційній ремарці. В художній прозі зустрічаються всі різновиди, вибір яких обумовлюється художніми завданнями та напрямками, до яких належать письменники.

Можна також відмітити описи статичні та динамічні.

Іноді статичними називаються зовнішні характеристики, а динамічними - кінесичні особливості.

Ми вкладаємо у ці терміни інший зміст. Під статичними ми маємо на увазі випадки, коли опис одного й того ж персонажу наче поглиблюється. Автор дає все більш детальні описи, які не призводять до якісних змін.

У випадку динамічного опису персонажу в його портреті трапляється чимало якісних трансформацій.

Для романа, який охоплює значний час, характерні динамічні описи.

Для п'єс статичні характеристики були найбільш характерні, коли домінуючим був принцип трьох єдностей. Зараз й у драмі мають місце динамічні описи.

У казках спостерігаються найбільш різкі динамічні зміни - так звані метаморфози, коли зовнішність змінюється повністю. Це пов'язано з так зvanим ефектом магічних подій.

Це явище також характерно для романів і п'єс фантастичного жанру.

Дуже цікавий випадок функціональної трансформації має місце у романі "Портрет Доріана Грея" О. Уайльда. Довгі роки Доріан із жахом спостерігає зміни на своєму портреті, хоча у житті він залишається красивим юнаком: *"He took it up, as he had done on that night of horror, when he had first noted the change in the fatal picture, and with wild, fear-dimmed eyes looked into polished shield..."* (Wilde, 1979 : 342).

З точки зору характеру сприйняття, тобто спостерігача в усіх типах текста домінує прямий, непосредний показ людини, тобто у процесі зорового сприйняття, зорової перцепції (85%) чи дотикове, коли реципієнт-сприймач є сліпою людиною (біля 5%).

Але в окремих випадках зустрічається і опосередкований портретний опис. Такий засіб показу у першу чергу було зафіксовано у романі і казці.

До опосередкованих способів показів відносяться показ через дзеркало, портрет (картину), фотографію, малюнок. Такі прийоми надають додаткові можливості підкреслити те, що приховано або не дуже чітко виділяється при непосредньому показі. Ці прийоми можна знайти у творчості Уоррена, Хакслі, Уайльда. Так, у казці "День народження інфанти" Карлік уперше у житті побачивши себе у дзеркалі, дізнався про свою потворну зовнішність: *"It was a monster, the most grotesque monster he had ever beheld..."* (Wilde, 1994 : 315).

Дзеркало дозволяє герою також побачити себе на відстані, а автору достати ефект об'єктивованого опису.

Портрет завжди номінативний і головне - завжди аксіологічний.

У казках опис героїв, як правило, моноаксіологічний: персонаж або позитивний, або негативний. Проміжні багатогранні оцінки у цьому випадку не спостерігаються. У романі домінує поліаксіологічний підхід. Персонаж виглядає складною людиною, яка має позитивні й негативні риси. Вони зустрічаються у тісній взаємодії, що допомагає показати багатогранність натури. Поліаксіологічність забезпечується наявністю характеристик, які подаються з точки зору різних персонажів, оповідача, а також за рахунок самохарактеристик, у тому числі через опосередковані способи показу, про які вже було згадано.

Якщо для казки моноаксіологічність - це важлива особливість, для роману таку монофункціональність героїв можна вважати як недолік, відсутність майстерності.

Драматичні твори займають у цьому відношенні проміжний характер. Персонажі у драматургічному тексті мають ведучу рису, хоча в цілому вони показані як складні особи. Це обумовлено необхідністю за короткий час показати складні стосунки між особами, що призводять до концентрації почуттів, дій, а також до виділення найбільш характерних рис людини.

Природньо, ми зупинились тут тільки на деяких особливостях портретного опису у текстах різних жанрів. Це питання ще потребує подальшого дослідження.

Література

- Абрамович Г.Л. Введение в литературоведение. - М.: Просвещение, 1979.
Галанов 1967: Галанов П.Е. Искусство портрета. - М.: Советский писатель, 1967.
Домашнев 1983: Домашнев А.И. и др. Интерпретация художественного текста. - М.: Просвещение, 1983.
Кухаренко В.А. Интерпретация текста. - М.: Просвещение, 1988.
Мизецкая В.Я. Композиционно-речевая организация персонажей подсистемы в драматургическом тексте на материале англоязычных пьес XVI-XX вв.: монография. - Одесса: ОГУ, 1992.
Тюхова 1968: Тюхова Е.В. Портретное искусство Достоевского в романе "Идиот" // Филологические науки. - 1968. - №1 - С. 36-38.
Capete 1974: Capete Tr. The Grass Harp. - Breakfast at Tiffany's. - М.: Progress, 1974. - P.27-118.
Folk-Tales of the British Isles. - М.: Raduga Publishers, 1987.
Huxley 1976: Huxley A. Crome Yellow. - М.: Progress, 1976.
Shaw B. Plays Unpleasant: Widower's houses; The Philanderer; Mrs. Warrwn's profession. - М.: Penguin Books, 1990.
Spark M. The Public Image. - М.: Progress, 1976.
Warren R.P. All the King's Men. - М.: Progress Publishers, 1979.
Wilde 1994: Wilde O. Fairy Tales. - Kamensk-Shakhtinski: Stanitsa Publishers, 1994.
Wilde 1979: Wilde O. The Picture of Dorian Gray. - М.: Progress Publishers, 1979.
Williams T. Four Plays. Summer and Smoke; Orpheus Descending; Suddenly Last Summer; Period of Adjustment. - N.Y.: Crown Publishers, 1976.

ГОВОРЯЩИЕ ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ КАК ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ

Одной из категориальных черт английской литературной сказки в плане языковых средств организации текста является особый тип номинации персонажей. М.А. Виноцкий в своей статье "Литературная сказка эпохи романтизма - традиции и новаторство" отмечает, что для литературной сказки в отличие от народной характерным является то, что "Типы превратились в характеры. ... Большую роль играют личные переживания персонажей. ... Персонажи приобрели личные имена" (Виноцкий, 1989, стр. 30). Практически во всех английских литературных сказках авторы дают своим персонажам говорящие имена собственные, основной функцией которых является дополнительная характеристика персонажей, раскрытие читателю их внутреннего мира, характера, намерений. Иными словами, говорящие имена собственные являются языковым средством выражения тех категориальных черт литературной сказки, которые перечислил в своей статье М.А. Виноцкий.

В целом, имена собственные представляют класс имен, не обладающих смысловой структурой и референциальным значением в плане языка, выполняющих в языке только номинативно-опознавательную функцию: называя, они не указывают признаки объекта и дают о нем минимум информации; например, сообщают "о некотором постоянном свойстве объекта: Вова - человек, который откликается на имя "Вова"" (Падучева, 1974, стр. 99). Но внутри класса имен собственных есть особая группа - говорящие имена, которые используются в языке для выражения "эмоционально-оценочных значений" (Уфимцева, 1974, стр. 159).

В художественной литературе мотивации говорящих имен персонажей различны по своей природе. Они могут быть автобиографическими, связанными с определенной культурой, историческими, символическими и т.п., но почти всегда они сохраняют намерение автора охарактеризовать их обладателей. Так, своей эпической сказке *"The Lord of the Rings"* Дж.Р.Р.Толкин дает следующие имена мирным, приземленным и нелюбопытным жителям Хоббитшира: *Sackville - Bagginses, Boffins, Tookes, Brandybucks, Grubbs, Chubbs, Burrowses, Hornblowers, Bolgers, Bracegirdles, Goodbodies, Brockhouses, Proudfeet* (прагматическая функция этого говорящего имени так сильна, что оно образует множественное число так же, как и нарицательное имя существительное "foot": *Proudfoot - Proudfeet*, полностью сохраняя, таким образом, свое "говорящее значение", т.е. прагматическую функцию (см. *J.R.R. Tolkien "The Lord of the Rings" часть 1 "The Fellowship of the Ring"* стр. 53). В то же время, автор называет черного властелина, главного

антагониста сказки, "Morgoth", представителей черных сил - "Ugluk", "Grishnakh", - именами, значимыми фонетически. На примере вышеуказанного произведения Дж.Р.Р. Толкина можно также убедиться в одной из особенностей использования авторами литературных сказок художественного приема присвоения персонажам говорящих имен: если этот прием используется автором, то интенсивно, т.е. изолированные говорящие имена встречаются в литературной сказке редко, чаще всего автор дает говорящие имена большей части своих персонажей.

Говорящие имена персонажей играют такую значительную роль в литературной сказке, что зачастую они являются сюжетообразующим фактором. Например, сюжет сказки, написанной Фр. Брауне "The Story of Merrymind" основан на том, что главному герою дали нетипичное для тех мест имя "Merrymind", определившее его легкий, веселый, романтический характер и тягу к странствиям. Имена его братьев и сестер - "Hardhead", "Stiffneck", "Tightfingers" - не просто характеризуют их носителей как недалеких, жадных и прозаичных людей, но делают их такими; такова уж сила говорящих имен в английской литературной сказке (см. Browne Fr. "The Story of Merrymind" ст. 3-11). Подобно Фр. Брауне, Дональд Биссет использует говорящее имя своего героя как сюжетообразующий фактор и как индикатор внутреннего мира персонажа: толстый старик - продавец мыла, который не любит детей, - зовется William Cadogan Smythe. С помощью волшебства он становится добрым и тут же меняет свое пышное претенциозное имя, которое как будто мешает ему быть веселым человеком, на простое Bill Smith - имя, позволяющее своему носителю иметь любой характер, а затем открывает кондитерскую для детей. "And I'll stop selling soap and open a sweet shop instead, and I won't let anybody call me William Cadogan Smythe, I'll just be called Bill Smith." (см. D.Bisset "The Magic Wishing-Tree" ст. 31).

Так говорящее имя в литературной сказке не только является языковым средством характеристики персонажа, но и языковым средством развития сюжета и отражения перипетий. Рассмотрим, каким образом говорящее имя выполняет эти две функции, иными словами, рассмотрим, что делает имя собственное говорящим.

Говорящие имена могут приобретать референциальное значение на фонемном, морфемном и лексическом уровнях. На фонемном уровне это выражается в эвфонической или какофонической структуре имени персонажа, достигаемой аллитерацией и ассонансом, причем благозвучные имена, как правило, даются протагонистам, а неблагозвучные - антагонистам. Дж.Р.Р. Толкин широко использовал эвфонию в эльфийских именах для передачи гармоничности и красоты "Дивного народа": "Gilthoniel", "Elbereth", "Gil-Galad", "Elrond", "Arwen", "Mithrandir". Разрушительную природу слуг темной власти превосходно характеризуют их имена, в которых Толкин использовал эффект какофонии: "Shelob", "Uruk-Hai". Имя еще одного пер-

сонажа этой литературной сказки "Gollum", основанное на звукоподражании акту глотания, также характеризует его носителя, раба магического кольца Черного Властелина, как вечно алчущее жалкое существо.

На морфемном уровне наиболее частым для формирования говорящих имен является использование авторами литературных сказок аффиксов, характерных для имен собственных (в особенности фамилий) представителей определенной национальности. Образованные таким образом говорящие имена характеризуют национальную принадлежность их обладателей. В сказке Ч. Диккенса "The Magic Fish-Bone" Prince Certainpersonio явно итальянец по национальности благодаря типично итальянской финальной флексии его имени - io. А Дж.Р.Р.Толкин использовал финальную флексию -ins, характерную для английских фамилий, при образовании говорящей фамилии главного героя сказки "The Hobbit, or There and Back Again", сделав его, таким образом, англичанином: "Baggins".

Формирование говорящих имен на морфемном уровне не ограничивается, однако, использованием аффиксов. В большинстве случаев именно значащая, имеющая денотативное значение корневая морфема формирует говорящее имя персонажа литературной сказки. Так, имена собственные, аналогичные именам "the Boy" (см. Graham K. "The Reluctant Dragon" ст. 26); "the Whale" (см. Kipling R. "How the Whale Got His Throat" ст. 17); "the Student" (см. O.Wilde "The Nightingale and the Rose" ст. 3) характеризуют их владельцев только по небольшому количеству признаков. Это, пожалуй, самый простой способ образования говорящего имени: определенный артикль "the" + капитализированное нарицательное имя существительное, характеризующее возрастную ("the Boy"), видовую ("the Whale"), профессиональную ("the Student") принадлежность персонажа. Однако, подобное имя собственное неизбежно будет иметь еще и побочные референциальные значения: так, например, говорящее имя собственное "the Student" косвенно указывает на бедность персонажа. Иногда подобное говорящее имя является дополнением к антропониму, не имеющему собственного референциального значения. Например, своего главного героя К.Фойл называет "Phelim the Piper" (см. Foyle K. "Phelim the Piper").

Наряду с вышеописанным достаточно простым способом образования говорящих имен на морфемном уровне существуют и более сложные: слияние слов и заимствование.

Слияние слов не является более способом образования говорящих имен, популярным среди авторов современных литературных сказок, однако, оно широко использовалось в литературных сказках прошлого. Например, героев сказки Ч. Диккенса "The Magic Fish-Bone" зовут "the Fairy Grandmarina", (Grand+marina), что является намеком на ее "морское" происхождение (она появляется в лавке, торгующей морской рыбой); и "Prince Certainpersonio", (Certain+person+io), что позволяет оправдать его неожиданное появление. Главный герой другой уже упоминавшейся анг-

лийской литературной сказки, написанной Фр.Брауне *"The Story of Mer-gymind"*, как было замечено выше, своим веселым характером и тягой к приключениям целиком обязан своему имени, образованного из двух слов - *Merry+mind*.

Образование говорящих имен персонажей литературных сказок путем заимствований из других языков (порой несуществующих) достаточно популярно среди английских писателей. Непосредственно характеризую национальную принадлежность его носителя и по сути являясь загадкой, требующей разгадки, такое говорящее имя будит у читателя особое желание расшифровать его (и получить дополнительную характеристику персонажа в качестве отгадки). Порой автор не расшифровывает имя, апеллируя к фоновым языковым знаниям читателя; в некоторых случаях автор не дает разгадки, но дает к ней ключи, и любознательный читатель сможет сам, если захочет, найти ответ; в остальных случаях автор сам переводит заимствованное имя. Как заметил А.А. Реформатский, "в некоторых случаях, в виде исключения, ономастика может быть переведена... если есть необходимость показать апеллятивный характер того или иного топонима или антропонима... Это исключение чрезвычайно важно при переводах фольклора, сказок, где существует огромное количество семасеологизированных имен и прозвищ" (Реформатский, 1972, стр.332). Следуя этой тенденции, А.А. Милн в сказке *"Once on a Time"* называет одну из героинь, коварную графиню, занимающуюся литературным плагиатом, *"Countess Belvane"* Имя остается непереведенным, и читатели должны сами догадываться, полагаясь на свое знание французского языка, что это имя произошло от французского *"bel vent"*, "флюгер", и характеризует персонаж-носитель как лицемерную и пустую особу. Дж.Р.Р. Толкин, создатель эльфийского языка и многочисленных эльфийских имен, составил словарь значений корневых морфем эльфийского языка и основных эльфийских имен собственных. Так, любознательный читатель может самостоятельно расшифровать имя светлого эльфийского короля *"Gil-Galad"* как производное от эльфийского *"gil"* - "звезда"; а в имени Черного Властелина *"Morgoth"* обнаружить корень *"mor"*, означающий "темный, черный". Именно необходимость точного перевода с эльфийского на языки людей заставила Толкина изменить имя одного из главных героев, мага Гэндальфа Серого, с *"Bladorthin"*, в котором лишь вторая основа является значащей (*"Thin"* по-эльфийски - "серебристо-серый"), на *"Mithrandir"*, означающее "серебристый" (*"Mith-"*) поток (*"ant"*). А Р. Киплинг сам расшифровывает придуманные им имена неолитических людей из сказок *"How the First Letter Was Written"* и *"How the Alphabet Was Made"*: *"His name was Tegumai Bopsulai, and that means, 'Man-who-does-not-put-his-foot-forward-in-a-hurry'; but we, O Best Beloved, will call him Tegumai, for short. And his wife's name was Teshumai Tewindrow, and that means 'Lady-who-asks-a-very-many-questions'; but we, O Best Beloved, will call*

her Teshumai, for short. And his little girl-daughter's name was Taffimai Metallumai, and that means, "Small-person-without-any-manners-who-ought-to-be-spanked"; but I'm going to call her Taffy." (см. Kipling R. "How the First Letter Was Written" ст. 8-17).

Таким образом, формирование говорящих имен на морфемном уровне не происходит изолированно от лексического уровня. Формирование говорящих имен возможно также на уровне дискурса, в таком случае имя собственное становится говорящим, приобретая нарицательных характер.

Приведенные выше примеры наводят на мысль о еще одной, помимо сюжетообразующей и характеризующей, функции говорящих имен: игровой. Говорящие имена собственные дают множество возможностей, как видно из приведенных примеров, игры со словом, столь свойственной английской литературной сказке.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод о категориальной роли говорящих имен собственных в тексте английской литературной сказки как отдельном типе текста и об их уникальной роли в плане языкового носителя такой жанрообразующей категории английской литературной сказки как усложнение внутреннего мира ее персонажей по сравнению со сказкой народной; превращение типов персонажей в характеры.

Литература.

Виницкий М.А. Литературная сказка эпохи романтизма - традиции и новаторство // Литературная традиция и современность. Ташкент: ТашГУ, 1989. С 29-33. Падучева Е.В. Анафорические связи и глубинная структура текста // Проблемы грамматического моделирования / Отв. Ред. А.А. Зализняк. - Москва, 1973. Уфимцева А.А. Типы словесных знаков. Москва, 1974. Реформатский А.А. Перевод или транскрипция? // Восточно-славянская ономастика / Отв. ред. А.В. Суперанская. Москва, 1972.

О.И. Панасенко (Харьков)

ШКАЛА МАРКЕРОВ ИЛЛОКУТИВНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ОБЩЕВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ОТРИЦАНИЕМ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Известно, что любой речевой акт содержит локутивную, иллокутивную и перлокутивную части. Локуция представляет информативную составляющую речевого акта, под иллокуцией подразумевается речевой акт в его отношении к манифестируемой говорящим цели высказывания в оп-

ределенных условиях, а перлокуция предполагает само воздействие говорящего на собеседника посредством данного высказывания.

В такой интерпретации пропозиции отсутствует упоминание о синтаксической структуре выражения. Между тем, в рамках "интегральной" прагматики (MOESCHLER, REBOUL 1994: 30-32) принимаются во внимание три аспекта: 1) синтаксис; 2) семантика; 3) прагматика.

Если спроецировать три составляющих речевого акта на содержательную структуру пропозиции, то очевидно, что локуция предполагает структурно-семантическое содержание, тогда как иллокутивная и перлокутивная составляющие речевого акта - прагматическое.

В таком каноническом речевом акте, каким является общий вопрос, во французском языке используются различные лексико-грамматические формы (инверсия, интонация, вопросы с *est-ce que*).

В соответствии с концепцией "интегральной" прагматики (MOESCHLER, REBOUL 1994: 87) важным представляется семантико-прагматический анализ общевпросительного предложения (ОВП). При этом основным прагматическим показателем предложения выступает его аргументативное содержание, т.е. целевая направленность, которая в дискурсе является первичной по отношению к содержанию информативному (ANSCOMBRE, DUCROT 1988 : 169).

Исходя из этого, рассмотрим аргументативные особенности общих вопросов. Среди аргументативных маркеров необходимо разграничить постоянные, такие как инверсия и прямой порядок слов (когда вопросительность выражается интонацией) и переменные, такие как предикативное отрицание, морфемы *n'est-ce pas, hein, non, etc.*

Как отмечают многие авторы (MULLER 1994 : 207 ; MOESCHLER 1996 : 136, BORILLO 1979 : 34), предикативное отрицание, функционирующее в ОВП, также необходимо рассматривать, различая его информативное (или "логическое" по терминологии К. Мюллера (1994)) значение и значение "аргументативное". В первом случае, т.е. когда имеет место "логическое" отрицание, оно сохраняет свою собственно информативную функцию, выражая сомнение говорящего в условиях "когнитивного дефицита" :

(1) - *Vous n'avez pas encore annoncé notre projet à Mme de Marelle ? - Non, mon ami. Vous ayant promis le secret je n'en ouvre la bouche à âme qui vive.* (MAUPASSANT 1993: 183). Говорящий готов допустить как истинность, так и ложность суждения, выражаемого в пропозиции.

В случае же "аргументативного" употребления, отрицание используется говорящим как оператор вербального взаимодействия. Другими словами, отрицая суждение, содержащееся в пресуппозиции, говорящий дает понять собеседнику, что он не готов принять его отрицание без объяснений, оправданий, извинений и т.п. со стороны собеседника:

(2) - *Il est devenu poli. - Ne l'étais-il pas auparavant ? Gérard hésita. Il ne pouvait pas dire que Cottard fût impoli, l'expression n'aurait pas été juste...* (CAMUS 1995 : 55)

Употребление отрицания во многом обусловлено содержанием пресуппозиции как элемента общего контекста, что показывает действие принципа уместности (MOESCHLER ET AL. 1994 : 23-28). Так, в вопросе (1) содержание пресуппозиции будет отрицательным. В данном случае выражается повторная констатация, что говорящий акцентирует, используя морфему *encore*, поэтому отрицание в (1) расценивается как "логическое". Вместе с тем, следует отметить, что значение "логического" отрицания в ОВП не равнозначно употреблению отрицания в повествовательном предложении, аргументативное значение остается, хотя иллюкутивная сила значительно уменьшается по сравнению с "аргументативным" отрицанием. Таким образом можно говорить о комбинации информативного и аргументативного значения.

Различные типы отрицания, функционирующего в ОВП, имеют свои способы выражения в структурном плане. Кроме предикативного отрицания *ne ... pas*, во французском языке существует целый ряд средств, которые в том или ином семантическом объеме содержат сему отрицания. При этом они имеют разную иллюкутивную силу. К семантико-прагматическим элементам, варьирующим целевую установку ОВП относятся :

1. Структурный тип конструкции. Так, инверсия в общем вопросе с отрицанием всегда ориентирует ответ на подтверждение предварительного мнения говорящего (чего нельзя сказать об интонационных вопросах):

(3) - *Mais peut-être ai-je été mis au monde pour vivre avec une femme. Cela n'est-il pas dans l'ordre ? Rieux dit qu'en tout cas cela paraissait raisonnable.* (CAMUS 1995 : 82).

Особый аспект взаимодействия информативного и аргументативного содержания в ОВП с отрицанием представляет употребление модального : вопросы типа (4) и чаще всего ориентированы на подтверждение, что обуславливается сочетанием вероятности и отрицания (МИНКИН 1988 : 16) :

(4) - *Ça ne vous ferait rien d'arrêter un peu la musique ?* (BORNICHE 1977 : 112).

2. Вопросы с *est-ce que*, которые по мнению О. Дюкро (1981: 81) всегда имеют отрицательную пресуппозицию [P -]. Следовательно, при включение в ОВП с *est-ce que* отрицания, пресуппозиция становится утвердительной и изменяется на противоположную аргументативная направленность :

(5) *Est-ce qu'il ne peut pas y avoir de pardon pour une femme comme moi ?* (AYMÉ 1952 : 53).

(6) *Est-ce qu'il ne vous suffit pas d'avoir une femme innocente calomniée ?* (AYMÉ 1952 : 90).

Очевидно, что в силу ярко выраженного аргументативного значения отрицания в первых двух группах, эти вопросы по своему содержанию

приближаются к риторическими, поскольку часто остаются без ответа, так как содержание очевидно для говорящего и собеседника.

3. Морфемы различного рода, обычно употребляющиеся в интонационных вопросах: *au moins, quelqu'un, quelque chose, pratiquement, un peu, n'est-ce pas, hein, non, etc.* :

(7) - *Ce n'est pas un flic, au moins ?* (BORNICHÀ 1977 : 296) ;

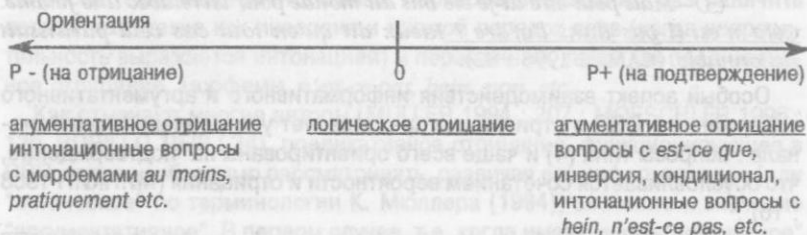
(8) - *Ce que tu fais, je peux le faire aussi, non ? - Si...* (BORNICHÀ 1977 : 242) ;

(9) - *C'est la police, hein ? - Oui, dit Rieux...* (CAMUS 1995 : 38);

(10) - *On ne peut pas toucher à un malade, à un homme qui s'est pendu, n'est-ce pas, docteur ?* (CAMUS 1995 : 38).

Часть этих маркеров служат для выражения как вопроса так и коммуникативной направленности (*n'est-ce pas, hein, non*).

По степени направленности, ориентации иллюкутивной силы отрицания в ОВП возможно представить следующую шкалу. При этом "аргументативное" отрицание в конструкции с инверсией играет идентифицирующую роль, поскольку обладает наибольшей иллюкутивной силой. Остальные маркеры располагаются в зависимости от их направленности на характер ответа. Возможно их также распределить в зависимости от их иллюкутивной силы.

Очевидно, в зависимости от характера предполагаемого ответа возможно представить три типа прототипных конструкций ОВП с отрицанием: 1) простой запрос информации; 2) запрос информации с положительной детерминацией ответа; 3) запрос информации с отрицательной детерминацией ответа. В двух последних случаях значительную роль играют маркеры, содержащие сему отрицания. Однако в условиях реального вербального взаимодействия изменение коммуникативной установки может быть обусловлено также целым рядом дискурсивных факторов (контекст, пара- и невербальные каналы коммуникации).

Литература.

ANSCOMBRE, DUCROT 1988 : Anscombre J.-C. et Ducrot O. *L'argumentation dans la langue*. - Liège - Bruxelles : Pierre Mardaga, 1988. AYMÉ 1952 : Aymé

M. *La tête des autres*. - Paris : Bernard Grasset, 1952. BORILLO 1979 : Borillo A. *La négation et l'orientation de la demande de confirmation // Langue française*. - Paris, 1979. - Décembre. - P. 27-41. BORNICHE 1977 : Borniche R. *L'indic*. - Vanves : Grasset et Fasquelle, 1977. CAMUS 1995 : Camus A. *La peste*. - Saint-Amand : Gallimard, 1995. DUCROT 1981 : Ducrot O. *La valeur argumentative de la phrase interrogative // Logique, argumentation, conversation*. - Fribourg, 1981. - P. 79-110. MAUPASSANT 1993 : Maupassant G. de. *Bel-ami*. - Paris : Booking International, 1993. OESCHLER, REBOUL 1994 : Moeschler J., Reboul A. *Dictionnaire encyclopédique de pragmatique*. - Paris : Seuil, 1994. MOESCHLER ET AL. 1994 : Moeschler J., Reboul A., Lusher J.-M., Jayer J. *Language et pertinence : référence temporelle, anaphore, connecteur et métaphore*. - Nancy : Presse Universitaire de Nancy, 1994. MOESCHLER 1996 : Moeschler J. *Théorie pragmatique et pragmatique conversationnelle*. - Paris : Armand Colin, 1996. MULLER 1994 : Muller C. *La négation comme jugement : une application aux interrogatives // La Négation*. - Nanterre. - Numéro spécial de LINX, 1994. - P. 205-223. МИНКИН 1988 : Минкин Л.М. К вопросу о конкретных речевых реализациях (на материале французского языка) // ИЯШ. - 1988. - №3. - С. 14-18.

В.Г. Пасынок (Харьков)

КУЛЬТУРА РЕЧИ УЧИТЕЛЯ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Процесс восприятия и понимания устной речи в любых условиях происходит очень по-разному, вызывая всегда свое отличное от других отношение как со стороны тех, кто слушает, так и тех, кто говорит. Будучи главным средством общения, выражения адекватного отношения и основным способом установления соответствующих отношений на базе взаимопонимания, речь (слово, звучание его) является предметом изучения многих гуманитарных наук: философии, социологии, психологии, педагогики, медицины и других специалистов. Каждый исследователь находит в этой области науки свою нишу, чтобы сделать открытие. Не является исключением и наша работа. Мы ставим и пытаемся решить вопросы культуры речи студента - будущего педагога - учителя иностранного языка и референта-переводчика в контексте профессионального мастерства посредством совершенствования личностной культуры, составляющим компонентом которого является речь.

В настоящее время накоплен большой фактический исследовательский языковой материал, позволяющий приступить к созданию совершенно новой концепции языковой культуры личности. Мы подходим к ее раскрытию, руководствуясь такими основными исходными позициями, которыми являются:

1) осознание слова/речи, членораздельного звучания голоса, "говoreния" как феномена совершенно уникального и универсального в процессе выражения отношения говорящего (оратора) к слушателям, к самому себе, к окружающему миру;

2) принятие постулата о том, что речь является источником информации для слушающих;

3) речь является основным средством общения, коммуникации, связи с миром, установления адекватного взаимопонимания и налаживания гармонии.

Языковеды изучают феномен речи, языка вообще с точки зрения законов лингвистики, пользуясь при этом не только филологическими методами исследования, но и сравнительно-историческим, диалектическим методами философии и других наук. И в этом сложнейшем процессе взаимодействия разных научных подходов постоянно возникали противоречия между "чистой" наукой и практическим ее использованием в целях поиска взаимопонимания, консенсуса, достижения высшего уровня культуры устной и письменной речи.

XIX век, ознаменовавший расцвет классической отечественной литературы России и западной Европы, вызвал бурное обсуждение теоретических и практических проблем стилистики и культуры устной речи, понимаемых еще М.Ломоносовым. В то время и появилась тенденция широкого "хождения" в народ за мудростью, за демократическими тенденциями поиска живой струи, нового жизненно важного чутья чаяний и желаний народа. И тогда-то возникли и различные варианты подходов к решению вопросов культуры речи. Известны два основных подхода к нему: запретительно-туристический и законодательно-грамматический. Представители первого направления подрывали саму идею законодательного подхода к проблеме культуры речи.

Именно в этом XIX веке появляется серия талантливо написанных педагогических книг, пособий, учебников по русскому языку К.Д.Ушинского /1952/. Его "Родная речь" выдержала более 40 переизданий, а его основной труд антрополого-педагогического и психолого-личностного характера "Человек как предмет воспитания" и на сегодня остается одним из основных источников педагогических поисков.

В лингвистической литературе конца XIX начала XX века весьма привлекательной была точка зрения А.А.Шахматова, считавшего (с сугубо исторических и историко-лексикографических позиций), что борьба с узаконенной употреблением неправильностью бесплодна и что само дело нормализации совершенно чуждо академической науке. Он говорил, что странно было бы вообще, если бы ученое учреждение вместо того, чтобы показывать как говорят, решалось указывать, как надо говорить. Здесь, конечно ярко сказались вкусы, наклонности и научные принципы А.А.Шахматова — историка языка, диалектолога и лексикографа.

После Октябрьской революции в прежнем Союзе широко была поставлена задача "нормализации" устной и письменной речи. Необходимость ее решения возникала из социальных ситуаций, основной из которых была: достижения в процессе совершенно новых общественных преобразований.

Активные поиски обществоведов, политологов периода существования СССР стимулировали внимание лингвистов к проблемам культуры речи, нормализации литературного языка "нового времени". Острые дискуссии прошли в 20-е годы нашего столетия под общим названием "Язык революции или революция языка?". Ясным было одно: преобразования социальные, экономические, культурологические невозможно было проводить без коренного масштабного преобразования в системе народного образования, воспитания и обучения широких слоев населения.

Начатое в XIX веке массовое вхождение в проблемы культуры речи продолжалось в XX веке.

Данный период ознаменовался интересными и педагогически важными работами А.М.Пешковского, С.П.Обнорского, Л.В.Щербы, Г.О.Винокура, А.М.Горького, Е.М.Верещагина и др. Вопросы культуры речи личности становились интересными не только для филологов. И хотя лингвисты постоянно держали в поле зрения своих научных интересов и решение практических, прагматических проблем развития речи молодых и взрослых поколений страны, педагоги и психологи тоже начали активные поиски совершенствования учебно-воспитательного процесса посредством повышения речевой культуры учителей и учащихся.

Активизировалась работа филологов, издательской деятельности по вопросам культуры речи в таких теоретических направлениях, как:

- вариативность норм;
- функциональность в оценках нормативного характера;
- соотношение внеязыковых и внутрилингвистических факторов в становлении, развитии и функционировании литературных норм;
- место и роль литературно-нормированных элементов в структуре национального языка;
- культура речи в условиях двуязычия и некоторые другие.

Приобретает особое звучание в лингвистике и педагогике проблема двуязычия (билингвизм). В связи с распространением русского языка как средства межнационального общения и взаимопонимания и потребностями сохранения речевых и языковых достижений малых народов, отдельных национальностей, которые влились в Союз, возникли сложные социальные проблемы, которые в основном разрешались педагогическими средствами. Для таких подходов был накоплен к тому времени достаточно серьезный научный багаж в виде работ И.А.Бодуэна де Куртене, Л.В.Щербы, В.В.Виноградова, С.И.Ожегова, А.М.Пешковского и др.

Нам представляется очень продуктивным обращение лингвистов к прикладным вопросам культуры речи личности. Именно человек со своими индивидуальными и неповторимыми особенностями представляет выс-

шую ценность в этой жизни /Конституція, 1996/, а потому и нуждается во всемерной поддержке, развитии его всесторонних дарований в гармонии и согласии с окружающим миром и самим собой.

Новый совершенно особый период наступил в подходах к решению проблемы культуры речи личности в Украине после обретения ею независимости и суверенности. Новая Конституция Украины /1996, 10/ справедливо провозгласила украинский язык государственным. В то же время в наследство страна получила преобладающее распространение русского языка как ведущего, основного средства общения, ведение документации.

Проблема билингвизма является сегодня для исследователей и научной и прикладной. Е.М.Верещагин усматривает в билингвизме признаки трех основных наук:

Во-первых, билингвизм является исследовательским предметом психологии, и в этой отрасли знания он рассматривается в первую очередь под углом зрения механизмов производства речи. В этой науке выделяется специальный частный раздел, называемый психологией билингвизма.

Во-вторых, билингвизм изучается в лингвистике, но здесь он прежде всего рассматривается только в связи с текстом. Механизмы производства речи человеком в лингвистике, как правило, не рассматриваются. В этой науке выделяется частное специальное знание, называемое теорией языковых контактов.

В-третьих, билингвизм является исследовательским предметом социологии, в которой в первую очередь разбираются проблемы, связанные с поведением или местом двуязычного человека или группы людей в обществе. В этой науке так же может быть выделено частное знание, еще не получившее, правда, постоянного обозначения. Условно его можно назвать социологией билингвизма /Верещагин, 1969/.

Нам представляется уместным предложить и еще один, четвертый подход к проблеме билингвизма — педагогический. Именно он, педагогический аспект изучения вопросов культуры речи предполагает обращение к личности с предложением ей набора учебно-воспитательных правил, советов, принципов освоения и присвоения литературных цивилизованных норм устной и письменной речи в условиях реального двуязычия и даже более. Все шире становится распространение в нашей стране и других иностранных языков.

Механизмы производства звука, слова, речи, которые изучаются теорией языковых контактов педагогикой рассматриваются с точки зрения приложения их к реальной языковой и речевой деятельности личности.

В интересной статье И.А.Бодуэна де Куртенэ "Человечество языка" рассматривается вопрос о природе и форме звукообразования у высокоорганизованных животных (птиц, млекопитающих) и человека. "Возникновение строго определенных, следующих друг за другом звуков языка и вообще присущей языку артикуляции было гигантским шагом вперед. В результате этого шага, существо, которое с языковой точки зрения предшествовало

человеку, сделалось подлинным человеком и противопоставило себя остальному животному миру. Это было первоначальное человечение языка, который позже, в доступные нам периоды истории человеческого рода, уже не претерпел существенных изменений. Современный человек должен был с самого начала уметь артикулировать примерно также, как он артикулирует сейчас. Итак, с этой стороны процесс человечения завершился появлением настоящего человека" /Бодуэн де Куртенэ, 1963:259.

Нам кажется очень своевременным рассматривать не только вопросы артикуляции, но и дикции, тембра, тона, стиля, "говорения", культуры устной речи в широком общепедагогическом плане, имея при этом в виду его методические аспекты. В контексте же подготовки учителя, формирования его личностной культуры /Нечипоренко 1992/ и культуры речи как ее элемента является актуальной задачей. Решение ее находится на стыке нескольких наук: лингвистики, театрального и вокального искусства, экологии, валеологии, психологии, педагогики, социологии. Собственно социологизация личности совершается прежде всего в процессе овладения умениями говорить, слушать, слышать, реагировать адекватно на информацию.

А обучение и усвоение основных правил произношения, выражения своих мыслей в слове и является задачей педагогики.

Литература.

1. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I. - М.: АН СССР. - 1963. - 384 с.
2. Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия /билингвизма/. - М.: Изд-во Моск. ун-та. - 1969. - 160 с.
3. Конституція України. - 1977. - 80 с.
4. Нечипоренко Л.С. Педагогика личности. - Харьков: ХДУ, 1992.

Ю.Г. Перлина (Днепропетровск)

ГИБРИДНЫЕ ФОРМЫ В РАМКАХ ЭПИГРАММАТИЧЕСКОГО ЖАНРА

В настоящей работе предпринята попытка описать так называемые гибридные образования в рамках эпиграмматического жанра с учетом признака "двухчастность композиции" собственно эпиграмматических текстов.

Традиционно эпиграмма состоит из заголовка и собственно текста, который, в свою очередь, делится на 2 тексты. Соответственно содержательной, языковой и модальной специфике, а также выполняемым функциям начальная часть эпиграмматического текста называется экспозицией, а завершающая — клаузулой.

Среди формальных показателей членимости эпиграмматического текста (ЭТ) на две части обращают на себя внимание прежде всего графические (всевозможные пунктуационные средства), синтаксические (полное со-

впадение тексты с предложением и/или синтагмой) и стиховые (рифма, совпадение тексты с окончанием стиха или строфы, либо — в каноническом варианте — с гекзаметром и пентаметром элегического дистиха). Но перечисленные сигналы возможного перехода от одной тексты к другой не являются для ЭТ абсолютно релевантными. Наиболее характерными ориентирами являются относительная смысловая законченность сегментов и смена ракурса рассмотрения предмета на противоположный, провоцирующая нарушение семантической когерентности между текстами (что на языковом уровне находит выражение в неожиданном языковом повороте мысли). Поэтому в основе разграничения экспозиции и клаузулы как текстом лежат содержательно-логический и коммуникативно-прагматический принципы членения. Имеются в виду в первую очередь специфическое распределение семантической субстанции в разных частях ЭТ и способ выражения авторской модальности. Двухчастная структурно-композиционная модель прослеживается во всех трех подтипах ЭТ: сатирическом, юмористическом и медитативном.

Отсутствие четко обозначенной структуры — тенденция к одно- или трехместной композиции — прослеживается в миниатюрах гибридного характера, тяготеющих к другим видам текстов. В зависимости от перевеса остальных текстообразующих признаков, одночастные произведения могут быть квалифицированы как эпиграмматическая пословица или эпиграмматический шпрук, а трехчастные — с намечающейся фабулой — как эпиграмматическая сказка, эпиграмматический анекдот или эпибасня.

Здесь уместно развернуть тезис о том, что композиционно-стилистический признак "двухчастность" является для ЭТ конкретизацией стилевой черты лирического рода "бессюжетность". На первый взгляд, бессюжетность эпиграммы, конституируемая ее принадлежностью к лирике, представляется самоочевидной и не требует особых доказательств. Кроме того, термины "фабула — бесфабульность", "сюжет — бессюжетность" традиционно находятся в компетенции литературоведения и лишь в последнее время стали изредка привлекать внимание лингвистов, главным образом, интерпретаторов текстов. Однако тот факт, что именно литературоведы довольно часто и, на наш взгляд, некорректно оперируют термином "сюжет" применительно к эпиграмме (Мальчукова 1972: 161, Тяпугина 1982: 71, Матяш 1991: 56), побуждает остановиться на этом моменте подробнее и доказать отсутствие сюжета в ЭТ лингвистическими средствами.

Так, из изложенного выше явствует, что поверхностная структура ЭТ включает 3 тексты — заголовок, экспозицию и клаузулу, иными словами, только имя произведения, его начало и конец. Отсюда следует, что ЭТ состоит, по сути, из одних выдвинутых сильных позиций (Арнольд 1978), между которыми не находится места для таких классических ступеней в развитии сюжета, как завязка, развитие действия, кульминация, спад действия, развязка. Соответственно, такая внешняя организация произведения из "начала" и "конца" не позволяет описать в глубинной структуре ЭТ какое-либо развернутое событие. А между тем, в основе понятий

"сюжет" и "фабула" лежит прежде всего представление о динамике события, принятого за мельчайшую нерасторжимую единицу сюжетного построения (Лотман 1970: 280).

Вопрос о том, что считать событием и каковы его семантические границы, еще до конца не решен. В лингвистических, литературоведческих и когнитивно-психологических работах термин "событие" определяется по-разному, но в любом случае через понятия движения, действия, изменения (Лотман 1970: 28).

Под минимальным изменением обычно понимается такое изменение, которое отличает последующую ситуацию от предыдущей на одну атомарную пропозицию. Отсюда — событие характеризуется прежде всего инициальным и финальным состоянием (ситуациями). Предложена универсальная модель события в виде триединства: I — пресобытие, II — эндособытие, то есть собственно маркированное событие, о котором идет речь, с его собственной внутренней структурой / 1) потенциал, 2) реализация, 3) результат / в рамках его темпоральных и локальных границ и III — постсобытие. В свою очередь, событие может состоять из последовательностей микрособытий, под которыми понимается каждая часть реализации эндособытия, имеющая собственную протяженность во времени и свои индивидуальные потенциал, реализацию и результат. Таким образом, событие должно рассматриваться как комплексная когнитивно-семантическая единица, фиксирующая определенное изменение фрагмента отражаемой действительности (Шабес 1989: 15, 56, 78, 129).

Заполучая более или менее развернутую фабулу, текст эпиграмматической миниатюры закономерно удлиняется и одновременно смещается из рамок типа текста "эпиграмма" к границе с родственными типами текстов, характеризующимися признаками фабульности. При этом варианты перевоплощения ЭТ могут быть самыми разными. Нижеследующий пример проиллюстрирует момент перехода эпиграммы в анекдот:

Rezensent

Da hatt ich einen Kerl zu Gast,

Er war mir eben nicht zur Last;

1) { *Ich hatt just mein gewöhnlich Essen,*

2) { *Hat sich der Kerl pumpsatt gefressen,*

3) { *Zum Nachtsb, was ich gespeichert hatt.*

4) { *Und kaum ist mir der Kerl so satt,*

{ *Tut ich der Teufel zum Nachbarn führen,*

5) { *Über mein Essen zu räsonnieren:*

{ *"Die Supp hätt können gewürzeter sein,*

{ *Der Braten brauner, firner der Wein."*

Der Tausendsakermel!

Schlagt ihn tot, den Hund! Es ist ein Rezensent.

(Die unmögliche Tat Sache...1967:302)

} Экспозиция
(пресобытие)

} Фабула
(эндособытие)

} Клаузула
(постсобытие)

Композиционная схема миниатюры включает, кроме заголовка, еще 3 текста: 1 — экспозицию, 2 — фабулу, 3 — клаузулу. Экспозиция содержит вербализацию коммуникативного пресобытия: приход к эпиграмматисту гостя. Вторая текста дает описание реализации эндособытия в его предметном и умственном аспектах. Эндособытие "Потчевание гостя" оказывается континуальной последовательностью дискретных микрособытий (= собственно действий агентов): 1) гостю была предложена повседневная еда; 2) гость наелся "до отвала"; 3) предложенный десерт (из спец. запасов) был также съеден; 4) насытившись, гость отправился к соседу; 5) сплетни гостя с соседом о только что потчевавшем его хозяине. Развитие собственно действия обеспечивается здесь движением повествовательных глагольных форм: претерита (*hatt, war, hatt*) — перфекта (*hat sich pumpsatt gefressen*) — плюсквамперфекта (*gespeichert hatt*) — презенса (*ist satt, tut führen*) и, наконец, конъюнктива претеритума с модальным глаголом для выражения нереального требования (*hätt sein können*). Сугобо повествовательный характер придают тексту и темпоральные указатели: *da, eben, just, kaum*.

Третья текста содержит реплику адресанта, являющуюся постсобытийным коммуникативным микрособытием, в котором освещен лишь умственный аспект (= озарение: "дошло, но поздно!").

По совокупности признаков, общих для эпиграммы и анекдота (краткость, сжатость, пуантированность), а также признаку трехчастной структурной организации анекдота можно назвать данную миниатюру эпиграмматическим анекдотом.

Для сравнения приведем еще один текст из эпиграмматического сборника, однозначно озаглавленный анекдотом, но не являющийся таковым:

Anekdote

"Zum Teufel" sprach ein Kavalier,
der neben einem Fräulein stand,
"Ihr Diamantring wäre mir
Weit Schätzbarer als ihre Hand!"
Und mir, begann das Fräulein, heir
Die Halfter lieber als das Tier!
Und faßte schnell sein Ordensband.

Экспозиция

Клаузула

(Deutsche Epigramme... 1973: 239)

Композиционная схема последнего примера содержит, помимо заголовка, лишь две текста: 1 — экспозицию и 2 — клаузулу, смысловое и графическое разграничение которых определяется диалогическим характером текста: реплика-стимул составляет первую часть текста, а реплика-

ка-реакция — вторую. Участники диалога статичны: глаголов *sprach, stand* (относящихся к первому агенту) и *begann, faßte* (соответственно, ко второму) для демонстрации действий в развитии явно недостаточно. Кроме обмена репликами и жестами ничего более не происходит. События как такового нет. Есть только статичная сценка, смысл которой отдаленно напоминает анекдот. Отсутствие повествовательной фабулы не позволяет отнести данную миниатюру к типу текста анекдот.

Композиционно-стилистический признак “двухчастность” не всегда обнаруживается явно и определяется бесспорно. В относительно длинной экспозиции могут наметиться некоторые скупые штрихи фабульности. Рассмотрим тот едва уловимый момент балансирования миниатюры, когда текст, продолжая оставаться в рамках эпиграмматического жанра, уже приобретает некоторые признаки басни:

Der Tänzer und der Minister

Ein großer Tänzer aus Paris,	} Экспозиция
Den einst ein deutscher Fürst zur Oper kommen hieß,	
Bekam, war gleich das Land so ziemlich tief in Schulden,	
Für seinen Tanz, mich dünkt, zehntausent Gulden	
Und sagte zum Minister, der	} Клаузула
Die Stirn etwa von ohngefähr	
In Falten zog: // Wenn Sie so viel verdienen wollen,	
Hätt Ihre Exzellens was Rechtes auch lernen sollen.	

(Deutsche Epigramme... 1973: 151)

В миниатюре изображена единичная (лингвистические маркеры единичного случая — темпоральные обстоятельства *einst è gleich*) сцена: известный танцор, получив высокий гонорар за свое мастерство, бросил колкую реплику возмущенному расточительством министру. С точки зрения синтаксиса весь текст, состоящий из одного предложения, представляет собой сложный грамматический конгломерат — прерывистый или развертывающийся период с многоступенчатой системой придаточных предложений. Специальный прием экспансии синтаксической структуры главного предложения (*Ein großer Tänzer ... bekam ... für seinen Tanz ... zehntausent Gulden und sagte zum Minister: “...”*) в проблематизирующей манере изложения “*Schachtelstil*” служит не только цели создания специфического напряжения в ЭТ, но и, главным образом, цели максимальной компрессии динамики развития ситуации — панорамного ее показа.

Развернув придаточные предложения в простые самостоятельные, которые могли бы стать номинациями последовательного ряда сцен, попы-

таемся спроецировать заданную коллизию между танцором и министром на универсальную модель события:

1. Страна погрязла в долгах.	}	Пресобытие
2. В это время один из немецких князей ангажировал для своего театра известного балетмейстера из Парижа.		
3. За свое мастерство артист получил большой гонорар.	}	Эндособытие
4. Министр финансов выразил недовольство подобным расточительством в тяжелое для страны время.		
5. Артист ответил министру колкостью.	}	Постсобытие

Увы, в анализируемом тексте такой последовательный ряд сцен свернут в одно предложение, и событийная сторона сведена до крайнего минимума. Как видим, реальная последовательность (т. е. фабула в ее традиционном понимании) нарушена. Автором определен иной порядок максимально сжатого изложения материала, который, однако, весьма далек от развитого сюжета. Акциональные глаголы с семой изменения состояния *kommen* hieß, bekam, sagte, (*die Stirn in Falten*) zog намечают некоторую динамику описываемой ситуации, но, тем не менее, здесь отсутствует главный элемент сюжетодвижения — цепь значимых самостоятельных событий в их развитии.

Поверхностная структура текста, в которой отчетливо выделяются лишь две текстымы, также подтверждает отсутствие сюжета в произведении. Деление первой пространной текстымы на экспозицию и фабулу лишено оснований за отсутствием смысловой границы: интуитивно ощущаемое требование локальной, темпоральной и акциональной целостности сцены во фразе *“Ein großer Tänzer ... bekam ... und sagte ...”* выдерживается.

Отсутствие глобальной событийной структуры и вербализация в тексте единичной сцены лишают миниатюру фабулы и тем самым удерживают данный текст в рамках эпиграмматического жанра. Одновременное введение в текст трех действующих агентов (князь — приглашает, танцор — получает деньги и говорит, министр — недовольству, включая импликацию действий: танцор зарабатывает на жизнь талантом и потным трудом, а министр не умеет ничего “стоящего”, но получает деньги даром) намечает динамику ситуации. Частично моралистическая направленность клаузулы, а также антитетичность заглавия характерны и для басенного типа текста, а потому сближают данную миниатюру с басней.

Как видим двухчастное построение (в отличие от трехчастной басни) оказывается в этом случае решающим фактором отнесения данного текста к эпиграмматическому жанру.

Итак, переход эпиграммы к гибридным образованиям или другим типам текста сигнализируется введением в семантическую структуру текста

двух и более подвижных агентов как активных субъектов деятельности, очерченностью локально-темпоральных границ и социального пространства, последовательным рядом значимых самостоятельных событий. В синтаксисе это обнаруживается временной соотносительностью сказуемых, включая временную разнотипность с целью установления связи фактов прошлого с излагаемыми фактами и событиями.

Все сказанное служит подтверждением мысли Ю. М. Лотмана о том, что "в художественном произведении отклонения от структурной организации могут быть столь же значимыми, как и ее реализация" (Лотман 1972: 120). Ориентируясь на этот тезис, мы считаем, что отсутствие четко обозначенной двухчастной структуры (тенденция к одно- или трехчастности) не позволяет относить миниатюры гибридного характера к типу текста "эпиграмма", оставляя их на периферии жанра. Проведенный анализ подтверждает взаимозависимость между композиционной структурой текста и типом текста. Таким образом, двухчастность композиции выполняет текстообразующую функцию и является надежным критерием ограничения эпиграмм от смежных малых форм, в частности, анекдота и басни.

Литература.

1. Арнольд 1978: Арнольд И. В. Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // ИЯШ. — 1978. - № 4. - С. 23-31.
2. Лотман 1972: Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. — Л.: Искусство, 1972.
3. Лотман 1970: Лотман Ю. М. Структура художественного текста. — М.: Искусство, 1970.
4. Мальчукова 1972: Мальчукова Т. Г. Творчество Лукилии и античная скоптическая эпиграмма: Дис. ... канд. филол. наук. — Л., 1972.
5. Матяш 1991: Матяш С. А. Вопросы поэтики русской эпиграммы: Учебн. пособие. — Караганда: КарГУ, 1991.
6. Тяпугина 1982: Тяпугина Н. Ю. Эволюция русской эпиграммы в первую треть XIX (в.: Дис. ... канд. филол. наук. — Томск, 1982.
7. Шабес 1989: Шабес В. Я. Событие и текст: Монограф. — М.: Высш. школа, 1989.
8. Deutsche Epigramme ... 1973: Deutscher Epigramme aus vier Jahrhunderten. — Leipzig: Reclam, 1973.
9. Die unmögliche Tatsache. Deutsche Poeten heiter bis undsoweiter. — Halle — Leipzig: Mitteldeutscher Verlag, 1967.

Н. Петрищева (Харьков)

ТЕМАТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕСТАНДАРТНОЙ ИНИЦИАЛЬНОЙ ФАЗЫ ДИАЛОГА

В последние годы устная диалогическая речь неоднократно становилась объектом лингвистического исследования и описания. С точки зрения языкознания, "учет спонтанной устной речи позволяет показать спе-

цифику строения разговора как текста, т. е. выйти за пределы структуры одного высказывания, лучше понять специфику репродукции устной речи на письме, в частности, в художественной литературе, показать все то, что объединяет реализации устной речи в различных стилистических сферах" /Гаспаров, 1978:18/.

С точки зрения методики обучения иностранному языку, изучение диалогической речи позволяет рассмотреть способы организации общения, вычленив разговорные модели, наиболее характерные для той или иной фазы диалога (традиционно выделяют три фазы диалога : инициальную, основную и финальную). В наибольшей степени вышеуказанные модели присущи инициальной и финальной фазам диалога, как принадлежащим сфере речевого этикета.

Аппарат языковых единиц, обслуживающий речевой этикет, является наиболее стандартизированным, изобилует шаблонами и клише. Это отмечал еще М.В. Соковнин: "Прежде всего в социальном общении подвергаются стандартизации простейшие, многократно повторяющиеся коммуникативные проявления, совокупность которых образует жизненно важную ипостась человеческих отношений. Это, в первую очередь, отношения этикета, поддержания неантогонистических контактов в человеческом общении" [Соковнин, стр. 85].

Одним из требований этикета является обмен формулами приветствия в начале коммуникации и представление (если собеседники незнакомы). Желательным является непродолжительный обмен репликами, не имеющими прямой тематической связи с основной фазой, конкретной информационной нагрузки, чья функция - установление контакта, указание на кооперативную направленность диалога.

Однако существуют многочисленные примеры невыполнения вышеупомянутого требования. Не смотря на то, что подобное поведение нарушение речевого этикета, оно далеко не всегда является (и рассматривается как) указание на конфронтативную направленность общения. В данной работе мы рассмотрим, в каких сферах общения наиболее вероятно отсутствие этикетных формул приветствия, каковы при этом социальные роли говорящих и их прагматические цели. Кроме того, мы попытаемся установить, существуют ли какие-либо общие темы нестандартных инициальных фаз диалога и выявить наличие высказываний, объединяющих интенцию установления контакта с какими либо другими коммуникативными намерениями.

На начальном этапе работы мы опираемся на классификацию сфер общения, предложенную Алексеенко Л.П. и вслед за нею выделяем сервисную, бытовую и производственную сферы [Алексеенко, стр. 25]. Наибольшая унифицированность высказываний, заменяющих формулы приветствия, наблюдается в сервисной сфере общения. Для нее неактуальна степень знакомства коммуникантов (как правило, они не знакомы). Их

социальные роли строго определены (обслуживающий персонал / клиент) и характеризуется асимметрией (в англоязычной культуре более высокое положение занимает посетитель). Если общение начинает представитель обслуживающего персонала, то наиболее распространенной инициальной репликой является вопрос

May I / Can I help you?

В ответ клиент непосредственно излагает цель визита и, возможно, представляется

"May I help you?" the receptionist asked.

"I need to see Chester Tanfill"

или

"Can I help you?"

"Yeah, I'm with the Times Picayune, you know O, 1 Arnie Capentier. Looking for Reggie Love".

Отсутствие вопроса *May I / Can I help you?* служит индикатором симметрии социальных ролей (посетитель столь же заинтересован в общении, как и обслуживающий персонал).

"Yes, dear", said the woman at the desk by the door.

"I was told you are looking for somebody to catalogue the collection".

Другой случай подобной симметрии социальных ролей наблюдается, когда инициальная реплика исходит от посетителя. Обычно она сразу указывает на цель визита и лишь после ответной реплики, возможно, следует представление

He walked through the secretary's office and opened the 1door. The face was strange.

"Looking for Jack Nance", the man said.

"That's me".

The man stretched out his hand. They shook.

"My name's Paul Gronk. Can I come in?"

Ситуации, при которых асимметрия социальных ролей коммуникантов предполагает более высокое положение обслуживающего персонала, крайне редки. Они возможны, в основном, в тех случаях, когда клиент человек, значительно младше по возрасту или лицу, явно занимающее самые низшие ступени социальной лестницы.

Mark (an eleven-year-old boy) decided to leave when someone called out cudeley.

"What do you want? You, kid, you want something".

"I'd like to see Mr Teal", he said softly.

При официальной обстановке общения в производственной сфере отсутствие этикетных формул приветствия возможно в том случае, если собеседники не знакомы и на первый план выходит процедура представления и объяснение цели визита (если он не запланирован). Социальные роли говорящих обычно симметричны.

The door opened and Reggie entered O. 1 She offered her hand to Foltrigg.

"Reggie Love O. 1 You must be Roy Foltrigg".

"I am O. 1 Nice to meet you".

"Please, be seated, Sorry. I'm late".

"No problem".

(визит запланований)

Или, визит не запланований.

A knock at the door and MacThune said "Come in".

An attractive lady of fifty walked in.

"You're in the wrong room", said MacThune.

"I don't think so", she said "My name's Reggie Love.

I'm an attorney and I represent Mark Sway".

При явно вираженій асиметрії соціальних ролей лицо, займаюче більш високе положення, може не представлятися. Требуваннє жє редставитися со сторони нижестоящєго може рассматриватися как способ урівняти соціальніє роли.

A talk between an 11-year - old child and an FBI agent.

"You must be Mark". Mark nodded.

"Where's your mother?"

"Uh, who are you?"

The man looked surprised.

"I'm Jason McThune".

В бытовій сфері общення отсутствиє етикетних формул привітствія може наблюдатися в нескольких ситуаціях. Во-первых, в случае, если один из коммуникантов находится или появляется где-то, где его присутствие не предполагалось. Инициальная реплика тогда, обычно, вопрос, касающийся причин появления, а ответная - объяснение.

Suddenly a strong hand grabbed his neck and a voice said

"What's up, kid? What are you doing here?"

"Just watching".

Во-вторых, между близкими, хорошо знакомыми людьми, для которых соблюдение этикетных норм в общении между собой необязательно.

Her embrace, dear Julia, was more like a collision.

"Freddy, Freddy, Freddy, Freddy!"

"Julia".

В-третьих, если сама ситуация дает достаточный контекст, чтобы определить направленность общения или причины отсутствия формул приветствия.

(After an accident)

"I owe you an explanation. My name is Frederick Fairly".

В-четвертых, если общение окрашено сильными эмоциями, причем негативно, положительными или отрицательными.

"Clumsy little slut", he hissed with venom.

"Hello".

(отрицательные)

или

"Will, thank God", said Arthur with relief.

(положительные)

Дистантное положение общающихся (разговор по телефону) также зачастую характеризуется отсутствием формул приветствия. Коммуниканты довольствуются представлением.

He pounced the number of his lawyer's office. "Yeah, this is Barney. Where's Jerome?"

Итак, мы выяснили, что начало диалога, при отсутствии этикетных формул приветствия, наиболее унифицированно в сервисной сфере общения - контактоустанавливающую функцию выполняет вопрос: *"May / can I help you?"*. Социальные роли говорящих имеют большое значение, а степень знакомства - не важна.

Инициальные реплики в производственной сфере в большей мере зависят от того, знакомы ли коммуниканты.

Наибольшее разнообразие проявляется в бытовой сфере общения, где внелингвистический контекст играет решающую роль в выборе инициальных реплик.

Таким образом, по началу диалога, даже при отсутствии собственно этикетных формул приветствия, можно судить о тональности общения, о социальном статусе собеседников, их возрасте, и степени знакомства.

Литература.

1. Гаспаров Г.М., 1978. Гаспаров Г.М. 7"Устная речь как семиотический объект"/"Семантика номинации и семиотика устной речи", Тарту, 1978.
2. Соковнин М.С., 1974. Соковнин М.С. "О природе человеческого общения; опыт философского анализа", Фрунзе, 1974.
3. Алексеев Л.П. "Речевые средства в завершающей фазе английского диалога"/Автореф. дис. канд. филос. наук, К. 1994.

О.Г. Пироженко (Харьков)

“КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ” КАК ЕДИНИЦА РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

Термин "коммуникативная стратегия" вошел в отечественное языкознание сравнительно недавно, и, несмотря на то, что за рубежом уже давно не является "новым", к сожалению, еще не успел занять в полной мере свое место в отечественной системе терминологии речевого общения. К сожалению, потому что изучение речевого общения не может ограничиваться только лишь изучением и описанием речевых актов. Следует

вспомнить, что теория речевых актов появилась еще во времена расцвета структурализма, а как писал Г.В. Колшанский, структурная лингвистика абстрагирует каждую единицу языка и превращает ее в самостоятельную модель, дальнейшее преобразование которой оправдывается не коммуникативным заданием соответствующей единицы, а ее внутренним потенциалом всевозможных трансформаций. Модели утрачивают связь с языком, превращаясь в самостоятельный объект... (Колшанский 1984: 5). Напротив, "коммуникативная лингвистика рассматривает язык как динамическую систему, другими словами, как речевую деятельность и последовательно охватывает собой как единство отдельные изолированные элементы с их внутренней, относительно обособленной структурой и обосновывает каждый элемент как составную часть интегральной системы языка" (Там же: 5). Тот факт, что структурная лингвистика не оправдала себя, и что именно коммуникативная лингвистика на данный момент является магистральным направлением исследования дискурса, определил необходимость появления новых, более разносторонних и разноплановых подходов изучения общения. "Разработка проблем диалогического общения с самого начала оказалась связанной с пересмотром ряда положений теории речевых актов. Представителей теории диалога (или конврсационного анализа) не удовлетворяло то, что теория речевых актов ограничивалась рассмотрением только отдельных, изолированных высказываний, и то только лишь с точки зрения их иллокутивных типов и условий удачности совершения определенных иллокутивных актов говорящим, допуская неизменный внеконтекстуальный набор правил для каждого соответствующего типа реализуемого высказывания" (Сухих 1986: 71-72). По мнению таких лингвистов, как Г.Хенне, И.П. Сусов, теория диалога "выдвигает в фокус внимания обмен речевыми действиями, речевую интеракцию, примером которой является диалогическое единство как минимум речевого общения" (Цит. по Сухих 1986: 72).

Все это не могло не повлиять на выделение принципиально новой единицы речевого общения - коммуникативной стратегии (КС). Проблема определения КС достаточно сложна. Т.А. ван Дейк охарактеризовал КС как "свойство когнитивных планов" (ван Дейк 1989: 272). Далее он поясняет свою мысль: "Такие планы представляют собой общую организацию некоторых последовательных действий и включает цель или цели взаимодействия". Такая характеристика несколько проясняет, что же понимается под этим термином, но ее трудно назвать определением, в особенности лингвистическим. Обобщенное определение КС, полученное на основе анализа данного понятия у Т.Г. Винокур, Л. Миллера, С. Рида, Д. Таннен и др., следующее: КС - реализация мысли и интенции говорящего, проявляющаяся в дискурсе, причем выбор средств ее реализации зависит от цели и интенции говорящего. Мы разделяем понятия цели и интенции, так как под интенцией мы понимаем намерение, инициирую-

щее коммуникацию, тогда как цель коммуникации всегда подразумевает конечный результат коммуникативного действия.

Следует отметить, что данное определение опирается на интеракционный характер КС, что позволяет рассмотреть коммуникацию в целом, а не только ее отдельные фрагменты. Также на первый план в изучении разговорного общения посредством КС выступает цель говорящего, которую не учитывало изучение РА. А ведь по словам Е.Ф. Тарасова, "люди, общаясь друг с другом, никогда не передают информацию ради того, чтобы только сообщить нечто своему собеседнику. Всегда за речью, за каждым речевым сообщением стоит иная, неречевая задача, всегда речевое сообщение является средством достижения некоторой неречевой цели" (Тарасов 1990:13).

В процессе исследования, КС первоначально выделялись на макро-, а потом и на микроуровнях дискурса. Поэтому целесообразно разделять "макро-" и "микростратегии".

Изучению "макροстратегий" посвящены Т.А. ван Дейка. Ван Дейк выделяет общую стратегию дискурса, которую называет "речевой стратегией", и дает ей следующее определение: "...речевые стратегии суть специфические свойства взаимодействия. При наличии наиболее общей коммуникативной цели, например реализации дискурсного плана, такие стратегии определяют общий "стиль" взаимодействия. Другими словами, как и какими средствами (или возможными способами) такие цели могут быть достигнуты. Локальные возможности прагматического, семантического или стилистического выбора будут ограничиваться такой ... стратегией" (ван Дейк 1989:277).

Определяя понятие "микростратегия", Б.А. Ермолаев пишет: "Всякая деятельность мотивируется некоторой общей целью, которая выступает как отражение конечных продуктов этой деятельности с точки зрения различных условий их получения. Эта общая цель ... порождает конкретные цели реализации, претворение которых в жизнь в их системном отношении между собой и приводит в результате к достижению общей цели" (Ермолаев 1990: 48). Такой "конкретной целью реализации" и является "микростратегия".

Что же касается исследований по теории РА, то они проводились от "простого к сложному", т.е. вначале были выделены простые, а только затем сложные РА. Интересно само определение сложных РА. Сложными называются РА, "состоящие из нескольких простых РА-функций, объединенных сложной акторечевой интенцией..." (Карабан 1990: 24). Как можно видеть, данное определение РА носит исключительно структурный характер и не учитывает сложные процессы, протекающие в разговорном общении, что еще раз подтверждает необходимость вычленения такой единицы, как КС.

Говоря о необходимости исследования такой единицы речевого общения, как КС, мы не имеем в виду, что проблема РА более не является

актуальной. В связи с этим, уместно сослаться на И.С. Шевченко, которая утверждает, что "в лингвистике нет открытий, опровергающих старые знания ... Новая парадигма знаний играет важную направляющую роль. Она открывает возможности новых решений, казавшихся тупиковыми проблемами, определяет перспективные пути анализа, связанные с видением объекта в новом ракурсе" (Шевченко 1997: 293). По словам Е.С. Кубряковой, "новые подходы в современной лингвистике ... приводят к обнаружению новых реальностей" (Цит. по Шевченко 1997: 293). Такой "новой реальностью" когнитивной парадигмы стала КС. Ее использование позволит не только изучать речевое общение на более глубоком уровне, не ограниченном рамками "эффективности", но и дать ответ на такие вопросы, как: что определяет направленность и построение речевого общения, каким образом реализуется цель говорящего, какова природа министратегий, и многие другие. При этом, РА может являться компонентом в строении КС, который не обязательно совпадает с фазами диалога (Сухих 1986:72). Различные РА могут быть подчинены одной и той же КС так же, как и разные КС могут использовать один и тот же РА. Как явление мало изученное, КС является чрезвычайно перспективным объектом исследований и может пролить свет на многие проблемы речевого общения.

Литература.

1. ван Дейк 1989: ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. - М.: Прогресс. 1989.
2. Ермолаев 1990: Ермолаев Б.А. Целеобразование в коммуникации. // Оптимизация речевого воздействия. - М.: Наука, 1990. - С. 46 - 56.
3. Карабан 1990: Карабан В.И. Речевые универсалии и универсальность сложных речевых актов // Вестник Киевского госуниверситета: романо-германская филология, № 24, 1990. - С. 23 - 27.
4. Колшанский 1984: Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М.: Наука, 1984.
5. Сухих 1986: Сухих С.А. Речевые интеракции и стратегии / Языковое общение и его единицы: Межвуз. сб. науч. тр. / - Калининск. гос. ун-т; Редкол.: И.П. Сусов (отв. ред.) и др. - Калинин, 1986. - С. 71-77.
6. Тарасов 1990: Тарасов Е.Ф. Речевое воздействие: методология и теория // Оптимизация речевого воздействия. - М.: Наука, 1990. - С.5-18.
7. Шевченко 1997: Шевченко И.С. Об историкопрагматической парадигме в лингвистике // Ученые записки Харьковского гуманитарного института "НУА", т.3., 1997. - С. 293-297

А.С. Пихтовникова (Харьков)

ЭВОЛЮЦИЯ НЕМЕЦКОЙ СТИХОТВОРНОЙ БАСНИ В СИСТЕМНО-СТИЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Предметом данной статьи является описание новых подходов к исследованию стихотворной басни, начатому нами ранее (Пихтовникова 1992). В новом исследовании продолжается изучение стилистических особенностей басни в диахронии (18-20 вв.).

18 век принимается как точка отсчета, так как это венец развития немецкой басни предшествующих эпох (13-18 вв.). Басенный материал 18 века вобрал в себя все богатство предыдущей литературы. Здесь созревают тенденции развития жанра, которые можно проследить до наших дней.

Предварительное исследование показывает, что стихотворная басня 19-го и, в особенности, 20-го века переживает значительные изменения, приобретает новую форму и внутреннюю структуру, инновации и вариации в результате слияния с другими малыми формами.

Главный принцип рассмотрения формы и содержания басни в прежнем исследовании - системно-структурный, что давало хорошую статическую картину стиля басни данной эпохи.

Дальнейшее развитие системно-структурного подхода - это исследование механизмов самоорганизации текста басни - синергии басни. Модели самоорганизации системы басни в свою очередь также могут быть показаны в диахронии, что в конечном итоге отражает эволюцию жанра.

Наука о саморазвивающихся системах - синергетика (Князева, Курдюмов 1994) может дать новый, нетрадиционный взгляд на эволюцию басни, поскольку басня также является сложной развивающейся системой.

Рассмотрим основные положения синергетики в приложении к жанру басни, а следовательно и к его эволюции.

1. Открытость и диссипативность системы

Саморазвивающаяся система должна быть открытой и диссипативной (сброс, потеря ненужной информации). Это означает, что есть возможность обмена информацией между системой и окружающей средой, и более того, система поддерживает свое существование путем обмена информацией со средой.

Эволюционирующая басня как жанр заведомо удовлетворяет этим условиям: очевидна ее открытость читательской и писательской среде, требованиям эпохи и социальному заказу, обмен информацией, идеями, художественными образами басен между разными поколениями баснописцев. Таким образом, открытость системы является одним из основных качеств, необходимых для описания эволюции.

2. Нелинейность развития

Внутренние изменения в саморазвивающихся системах происходит нелинейно (Князева, Курдюмов 1994; Николис 1989).

В стихотворной басне это может означать, что по мере прочтения текста басни ее окончательный образ-символ проявляется не равномерно, а с нарастающей скоростью (эффект снежного кома).

Нелинейности развития системы басни могут способствовать:

а) иерархичность метафоры в басне, т.е. применение разноуровневых аллегорий одного и того же (аналогия матрешки). Характерные басни такого типа находим у Й.Г. Гердера (18 в.) (Lindner 1978; Deutsche Fabeln 1991) и Э. Вайнерта (Weinert 1963).

б) разветвление возможностей событий сюжета (точки бифуркации событий, выбора вариантов - "витязь на распутье").

в) итерации, т.е. последовательные уточнения характеристик образа-символа.

Что касается эволюции жанра в целом, то здесь нелинейность проявляется, например, в зигзагообразном развитии жанра, т.е. в отклонении от основной линии собственно-басни в сторону других смежных жанров.

3. Самоорганизация

"Под самоорганизацией мы понимаем способность открытой системы МОДЕЛИРОВАТЬ окружающую среду или даже части (низшие иерархические уровни) самой себя."

(Николис 1989:10).

Это утверждение одного из создателей синергетики Николиса хорошо подтверждается в такой открытой, иерархичной и саморазвивающейся системе как басня. Басня и есть модель социальной ситуации, человеческих качеств, взаимоотношений и типичной жизненной ситуации.

Если считать частями басенной системы сюжет (или текст с персонажами) и образ-символ, то моделирование одной части другою происходит путем метафоризации. Более точно, происходит метафоризация (посредством аллегорий) персонажей, их поведения, вследствие чего и рождается (моделируется) окончательный обобщенный образ-символ.

Процесс метафоризации происходит нелинейно, создавая с нарастающей скоростью образ-символ. Нелинейность этого процесса выражается в сжатии информации, представленной сюжетом и персонажами. А сжатие информации, отсеивание читателем несущественной информации о персонажах есть предпосылка моделирования.

4. Наличие аттракторов (внесистемных зон притяжения)

Чтобы понять, что такое аттракторы применительно к жанру басни, следует поставить вопрос: является ли нормативным образ-символ басни, полученный, как было сказано, путем метафоризации (которая с иной точки зрения является сжатием информации, моделированием)?

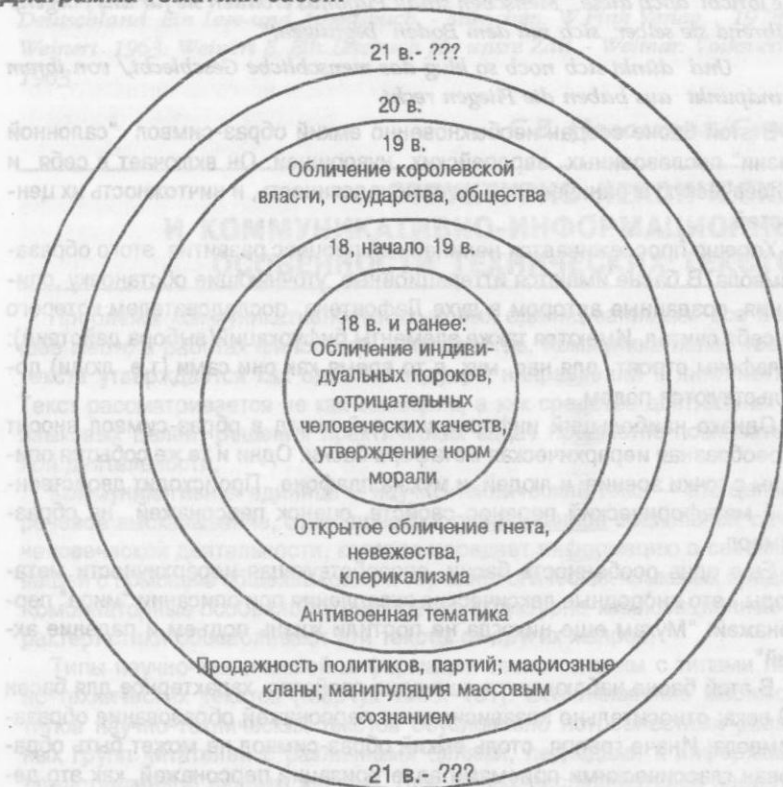
Если бы образ-символ совсем не был социально-нормативным, т.е. непривычным, неузнаваемым для читателей, то басня потеряла бы свою социальную значимость. Однако и абсолютно узнаваемый, привычный образ был бы плоским, тривиальным.

Видимо, в любом литературном жанре с сильной социальной ориентацией (как басня) образы, идеи являются нормативными плюс некоторый допуск. Но такое сочетание (норматив понятия + допуск) в синергетике является аттрактором. Аттракторы, как центры притяжения идей, понятий, образов, играют решающую роль в самоорганизации системы, являясь для них целью и корректируя развитие системы путем отрицательной обратной связи и все того же сжатия информации. Не существуют саморазвивающиеся системы без заранее заданной цели (аттрактора).

В мире басни это означает, что каждая эпоха формирует темы (так называемый социальный заказ), к которым притягиваются образы-символы басен. Используя положение об аттракторах, развитие басенной

тематики на протяжении 18-20 вв. можно изобразить наглядно следующей диаграммой. Каждый круг тематики в последующие эпохи сохраняется, но актуальность его уменьшается по сравнению с новой тематикой (изображенной в объемлющих кругах).

Диаграмма тематики басен:

В качестве примера приложения понятий синергетики к исследованию басни приведем краткий анализ басни швейцарского поэта Н.О. Скарпи (20 век) "Мир, видимый с плафона".

Die Welt vom Plafond aus gesehen

*In eines Neureichen Prunksalon/ stehn Möbel Louis Quinze und
Chippendale,/an der Wand hängen Bilder aus feinstem Öl,/ und drüber
wölbt sich ein Stückplafond./ Der Hausherr berät sich mit seinem Bankier/
Wird's steigen? Wird's fallen? Genau weiss man's nie./ Die Hausfrau trinkt*

mit einem Jüngling Tee/ und zeigt die Betne bis weit übers Knie/ Droben auf dem Plafond spazieren zwei Fliegen munter/ und schauen voller Hohn aufs Menschenvolk hinunter/ Ob IBM steigt, ob Royal Dutsch fällt,/ bat ihnen noch nie das Leben vergällt,/ und von Erotik verstehen sie genug/ dergleichen erledigen sie im Flug,/ Und so sagt das Männchen: "Du siebst, mein Kind,/ wie iöricht doch diese Menschen sind!/ Plafonds erbauen sie für uns Fliegen,/ während sie selber sich mit dem Boden begnügen!"

Und dünkt sich noch so klug das menschliche Geschlecht,/ von ihrem Standpunkt aus haben die Fliegen recht.

В этой басне создан необыкновенно емкий образ-символ "салонной жизни" послевоенных европейских нуворишей. Он включает в себя и человеческую ограниченность, и самонадеянность, и ничтожность их ценностей.

Хорошо прослеживается нелинейный процесс развития этого образа-символа. В басне имеются итерационные, уточняющие обстановку, описания, созданные автором в духе Лафонтена, последователем которого он себя считал. Имеются также элементы бифуркаций (выбора действий): "Плафоны строят для нас, мух, в то время как они сами (т.е. люди) довольствуются полом.

Однако наибольший информационный вклад в образ-символ вносит своеобразная иерархическая метафора басни. Одни и те же события описаны с точки зрения и людей, и мух на плафоне. Происходит двойственный метафорический перенос свойств, оценок персонажей на образ-символ.

Еще одна особенность басни, способствующая иерархичности метафоры - это инородные лексические вкрапления при описании "мира" персонажей: "Мухам еще никогда не портили жизнь подъем и падение акций".

В этой басне наблюдается еще одно свойство, характерное для басен 20 века: относительно независимое от персонажей образование образа-символа. Иначе говоря, столь емкий образ-символ не может быть образован классическими приемами аллегоризации персонажей, как это делали баснописцы 18 века

Подобный анализ позволяет определить место каждой басни в системе жанра, что является необходимым шагом в построении общей модели эволюции жанра. Таким образом, синергетический подход дает удобный инструментарий для исследования эволюции жанра басни на всех уровнях, в данном случае на содержательном и образно-символическом.

Литература.

1. Князева, Курдюмов 1994: Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. - М.: Наука, 1994.
2. Николин 1989: Николин Дж. Динамика иерархических систем. Эволюционное пред-

ставление. - М.: Мир 1989. 3. Пихтовникова 1992: Пихтовникова Л.С. Композиционно-стилистические особенности стихотворной басни (на материале немецких басен 18 века): Дис. ... канд. филол. наук. - Киев, 1992. 4. *Deutsche Fabeln* 1991: *Deutsche Fabeln aus neun Jahrhunderten*. Hrsg. von Karl Wolfgang Becker. - Leipzig: Reclam, 1991. 5. Lindner 1978: Lindner H. *Fabeln der Neuzeit: Kritische Information. England, Frankreich, Deutschland. Ein Lese- und Arbeitsbuch*. - München: W.Fink Verlag, 1978. 6. Weinert 1963: Weinert E. *Ein Lesebuch für unsre Zeit*. - Weimar: Volkverlag, 1963.

С.В. Подолкова (Сумы)

СТРУКТУРНО-ЛЕКСИЧЕСКИЕ И КОММУНИКАТИВНО-ИНФОРМАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Проблемы коммуникативности языковых единиц занимают все большее место в работах филологов и методистов. Коммуникативная теория текста утверждается как одно из ведущих направлений в лингвистике. Текст рассматривается не как самоцель, а как средство достижения неязыковых целей, решения практических задач предметно-познавательной деятельности.

Коммуникативная единица — научно-технический текст — это цельное речевое высказывание, относящееся к определенной социальной сфере человеческой деятельности, которое передает информацию о состоянии вещей с помощью общеязыковых и терминологических языковых средств. Комбинаторные особенности последних, структурно-композиционные характеристики обособливают эти тексты от других жанров.

Типы научно-технической информации тесно связаны с типами научно-технических текстов (Марчук 1983: 191). Возникновение множества типов научно-технических текстов обусловлено потребностями различных групп читателей с различными целями, подходами к информации, представленной данным жанром. Для ученых-исследователей представляют интерес монографии, статьи, обобщающие и описывающие экспериментальные исследования; для конструкторов и инженеров — спецификации и другая техническая документация; для пользователей — инструкции по эксплуатации. Тексты малых форм: аннотации к научным статьям, рекламные статьи технического характера, информационные письма и т. п. на определенном этапе удовлетворяют информационные потребности любой группы читателей. Информация, представленная в сжатой форме, позволяет сконцентрировать внимание на сути сообщения, а экспрессивные средства (характерные особенно для рекламных текстов) помогают заинтересовать читателя в предмете сообщения, как бы выпол-

няя роль "интриги" художественных текстов, как элемент структуры текста, привлекающий и удерживающий внимание читателя.

Информация, представленная в научно-технических текстах, рассчитана на то, что читатель владеет специальными фоновыми знаниями. Для сверки, корректировки, контроля и координации механизма развертывания смысла технического текста в распоряжении читателей законы, эксперименты, формулы и другие включения, представленные "текстами малой формы" (Швачко, Журавлева, Кобякова 1995). Таким образом, научно-технические тексты ориентированы прежде всего на интеллект, который оперирует понятиями, суждениями, умозаключениями, формулировками и терминами, связанными с непосредственными закономерностями материального мира.

Для английских научно-технических текстов характерно употребление существительных в атрибутивной функции в препозиции, т. е. левосторонние терминологические цепочки, когда на определяемое слово "навязываются" (Хайруллин 1992:3) левосторонние определения. Для научно-технических текстов характерно меньшее количество аффиксальных деривационных терминологических единиц и большее число конвертированных дериватов (возвращение к проблеме словосочетаний типа *"stone wall"* в техническом подязыке). Например: *microlit glass fiber mat, aluminium vapour barrier sheet, vapour pressure equalizer sheet, high temperature engineering thermoplastics, textile glass fiber slivers*. Такие цепочки можно рассматривать в качестве примера действия закона экономии языковых средств. В развернутом виде подобные словосочетания были бы представлены "бесконечной" последовательностью *of*-фраз, а в переводе на русский язык они дают сложные предложения с многоступенчатым подчинением. Например: *canopy manual operating handle* — рукоятка ручного управления фонарем кабины; *cabin pressure regulator* — регулятор давления (воздуха), установленный в кабине; *valve spool dirt excluding ribber washer steel spacer* — стальная прокладка грязеочистой резиновой шайбы втулки клапана.

Преобладание именного стиля в технических текстах дает возможность большего обобщения. Например, в текстах рекламных проспектов фирмы *Fluidex* на один глагол в среднем приходится от 11 до 19 существительных, из них от 2 до 3 существительных — в атрибутивной функции в препозиции.

Научно-техническим текстам тоже свойственна функция воздействия. В них преобладает не качественная, а количественная экспрессивность: *a veri high thermal stability; to the greatest extent; the superior properties*. Встречается также образная экспрессивность: *dualitu is the cornerstone of our corporate philosophy; to offer genuinely responsible solution*. Используя также образные языковые средства (метафоры, сравнения), фразеологизмы: *our reliability can give you peace of mind; the ideal awareness tool for*

past and current developments in the scientific arena; if you want to stop tossing and turning in the middle of the night.

Таким образом, к структурным читателям. Информация, представленная в сжатой форме, позволяет сконцентрировать внимание особенностей научно-технических текстов относятся: 1) наиболее полная реализация принципа языковой экономии за счет введения точных формулировок и четкой организации изложения материала; 2) тесная связь типов научно-технической информации с типами научно-технических текстов. Возникновение множества типов научно-технических текстов обусловлено потребностями различных групп читателей с различными целями и подходами к информации.

К лексическим особенностям можно отнести: 1) высокий процент существительных в атрибутивной функции (левосторонние терминологические цепочки); 2) большое число конвертированных дериватов; 3) преобладание именного стиля; 4) наличие языковых средств, выражающих экспрессивность (количественную и образную).

Информационные особенности: рассматриваемые в статье тексты малых форм (рекламные статьи технического характера) на определенном этапе удовлетворяют информационные потребности любой группы на сути сообщения, а экспрессивные средства помогают заинтересовать читателя в предмете сообщения.

Литература.

1. Марчук 1983: Марчук Ю. Н. Проблемы машинного перевода. — М.: Наука, 1983. 2. Хайруллин 1992: Хайруллин В. И. Перевод научного текста. — М.: ВЦП, 1992. 3. Швачко, Журавлева, Кобякова 1995: Швачко С. А., Журавлева С. И., Кобякова И. К. Категории нетипичных текстов: Депон. рукопись. ДНТБ Украины, № 175 — УК94. — Киев, 1995.

В.С. Полина (Харьков)

УЧЁТ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ТРАНСФЕРЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ФОНЕТИКЕ

В исследовании Штундера (Штундер, 1981) актуальная задача методики обучения английской фонетике определена как разработка соответствующей системы фонетических действий, направленных на выработку речедвижений, свойственных данному иностранному языку и, следовательно, способствующих предупреждению ошибок учащихся.

Считается, что чем меньше типологическое расстояние между родным и изучаемым языками, т.е. чем больше степень их сходства и меньше различия, тем больше вероятность появления интерференции.

Если это расстояние велико, т.е. языки генетически не родственные, то случаев автоматического переноса, а, следовательно, ошибок будет меньше.

Из психологии известно, что одним из законов нашего сознания является принцип контраста, согласно которому человек легче воспринимает то, что как-то выделяется из общего недифференцированного поля, особенно то, что контрастирует с окружающими предметами и явлениями (Артёмов, 1976).

Значит, чем больше маркирована система или отдельные её элементы, тем меньше возможность появления интерференции и наоборот.

При совпадении различаемых содержательных единиц и способов их выражения, т.е. в случае полной симметрии, между коррелируемыми единицами контактирующих языков возможен положительный перенос ("positive transfer"). Когда нет полного совпадения, а есть только сходство, перенос требует коррекции и уточнения, выработки новых (по отношению к родному языку) слуховых и артикуляционных навыков.

В случае асимметрии обучающийся стремится компенсировать такую неадекватность средствами языковой системы родного языка, результатом чего является интерференция.

"Главная трудность при обучении произношению чужого языка - не овладение чужим, а борьба со своим. Для овладения чужим произношением надо прежде всего оттолкнуться от своего." (Реформатский 1970 : 507)

Начальный курс обучения английской интонации на I курсе переводческого отделения ХГУ основывается на реализации возможностей трансференции, т.е. положительного переноса навыка с родного языка на иностранный.

Курс строится из двух моментов:

- 1) Учёта лингвистического опыта студентов.
- 2) Специальной организации обучения, т.е. системы упражнений, направленных на автоматизацию данного навыка на новом фонетическом материале (Штундер, 1981).

Чтобы целенаправленно управлять приобретенным в родном языке лингвистическим опытом студентов, необходимо определить его уровень, для чего проводится тест:

1. Студенты получают напечатанный текст на русском/украинском языке.
2. Выполняют задание:
 - 2.1. разбить текст на смысловые группы (поставить паузы);
 - 2.2. подчеркнуть главное слово в каждой смысловой группе;
 - 2.3. записать чтение этого текста на магнитную плёнку;

Преподаватель переносит на напечатанный текст его фонетическую разметку согласно звуковой интерпретации, выполненной каждым студентом, и производит их качественный анализ. Обычно, результаты анализа свидетельствуют о недостаточном уровне общей фонетической подготовки наших вчерашних абитуриентов.

Интерферирующее влияние родного языка особенно сильно на начальном этапе обучения из-за отсутствия умения дифференцировать языковые явления. Интонационные ошибки ведут к искажению смысла высказывания, поэтому наш коррективный курс нацелен на развитие умения дифференцировать мелодические структуры на слух и определять их связь со смыслом и строением предложения.

ЗАДАНИЕ 1: прослушать пары предложений и обозначить на раздаточном материале знаком "+" одинаковые мелодические структуры и знаком "-" различные. Пары предложений комбинируются в таком сочетании: русское/укр. - русское/укр; английское - английское; русское/укр. - английское; английское - русское/укр.;

ЗАДАНИЕ 2 : прослушать и обозначить движение тона вверх и вниз стрелками ↗ и ↘ соответственно;

ЗАДАНИЕ 3: прослушать и определить смысловую нагрузку повышения и понижения тона в сопоставляемых языках;

ЗАДАНИЕ 4 : выявить сходства и различия в комбинациях синтаксических типов высказываний с интонационными моделями, составленных для реализации коммуникативной функции высказывания в сравниваемых парах.

За коррективным следует тренировочный курс на положительный перенос автоматизированных в родном языке фонетических навыков на новый фонетический материал в иностранном (английском) языке.

Такой перенос возможен для фонетических явлений, которые практически совпадают в английском и русском / укр. языках, а именно:

1. Синтагматическое и логическое членение высказываний.
Например: "Встреча в Берлине / послов Великобритании, / Франции / Соединенных Штатов и Советского Союза / подошла к концу."

"The meeting in Berlin / between ambassadors of Britain, / France / the United States and the Soviet Union / has ended."

2. Употребление низкого нисходящего тона.

2.1. В командах. Упражнение разработано Лукнищым (Лукницкий, 1966).
"Тише! Silence."

2.2. Перенос навыка употребления английского (сходного с русским в командах) низкого нисходящего тона (отренированного в п. 2.1.) на новый материал возможен при условии следующей коррекции и уточнения: если английские предложения ниже приведенных типов звучат естественно с низким нисходящим тоном, то русские предложения соответствующих типов с низким нисходящим тоном звучат с иностранным акцентом.

2.2.1. Одноакцентные повествовательные предложения.

He's come. Он пришёл.

2.2.2. Вопросы с вопросительным словом.

How many? / Сколько?

What's this? / Что это?

2.2.3. Всклицательные предложения.

How funny! / Как смешно!

What a day! / Ну и день!

2.2.4. Разделительные вопросы.

He's gone, hasn't he? / Он ушел, не так ли?

Далее можно переходить к дву- и более - акцентным предложениям, тренируя с конца.

Например: a hat / a straw hat / a dirty straw hat / a very dirty straw hat / wearing a very dirty straw hat / Peter was wearing a very dirty straw hat.

Следующим этапом может быть формирование навыков употребления среднего, а затем и высокого нисходящего тона, что означает перемещение в средний и высокий регистры.

Литература.

Артемов 1969: Артемов В.А. Психология обучения иностранным языкам. - М.: Просвещение, 1969. Лукницкий 1966: Лукницкий И.А. Предупреждение ошибок учащихся в английском произношении. - М.: Просвещение, 1966. Реформатский 1970: Реформатский А.А. Фонология на службе обучения произношению неродного языка: из истории отечественных фонологий. - М.: Просвещение, 1970. Штундер 1981: Штундер Я.Ч. Пути предупреждения ошибок учащихся в английском произношении. - Минск.: Нар. асвета, 1981.

В.І. Пушкар (Полтава)

АРХІТЕКТОНІКА ТВІРНИХ ТА ПОХІДНИХ ОСНОВ АНГЛІЙСЬКИХ ПРЕФІКСАЛЬНИХ ДІЄСЛІВ

В сучасну епоху розквіту науки та техніки процес поповнення словникового складу особливо стосується області термінологічної лексики. Ось чому велике значення має вивчення продуктивних способів та засобів словотворення. Знання словотвірної структури уже існуючих лексичних одиниць, моделей та правил словотворення дає нам можливість створювати слова та терміни в процесі мовлення із твірних основ (ТО) тієї чи іншої частини мови.

В даній статті ми розглядаємо архітектуру твірних основ префіксальних дієслів та співвідносних з ними основ похідних іменників, прикметників, прислівників. Як відомо, під архітектонікою ми розуміємо словотвірчу структуру та семантику твірних основ та співвідносних з ними основ похідних слів (Левковская 1962:32; Зернова 1992:5).

Дослідження проводиться в руслі нового нетрадиційного напрямку вивчення словотвору, а саме від твірних основ до співвідносних з ними основ похідних слів (Зернова 1992).

Для аналізу архітекτονіки твірних та похідних основ були відібрані англійські префіксальні дієслова з автохтонними англійськими префіксами: *a-, be-, fore-, mis-, un-* та прийменниками та прислівниками в функції префіксів: *for-, out-, over-, under-, up-, with-*. В сучасній лексикології немає єдиної точки зору щодо префіксів типу *out-, over-, under-* та подібних. Одним з перших Г.Марчанд вказує на деякі особливості цих елементів, говорячи про їх подвійний характер, оскільки вони мають самостійні кореляти в мові, напр.: *under the table, for him, over the sofa, with my sister* (Marchand 1969). Карашук П. М., Бортнічук О. М. та інші вважають ці елементи префіксами, що походять від відповідних прислівників та прийменників, і прирівнюють їх до "чистих" префіксів (Карашук 1965; Бортнічук 1988). Кубрякова О. С. підтримує Г.Марчанда і визначає префікси *for-, over-, out-, under-, up-, with-* як окремий тип морфем – відносно вільних, котрі в різних випадках виступають або кореневими вільними (*to look up, under the bridge, for me*), або афіксально зв'язаними (*to overcome, to misuse, to unload*) морфемами. На рівні словотвору ці афіксально зв'язані морфеми прирівнюються до "чистих" префіксів (Кубрякова 1964). В нашому дослідженні ми дотримуємося точки зору Кубрякової О. С., вважаючи вище перераховані препозитивні елементи відносно вільними морфемами та розглядаючи їх в функції префіксів.

Словотворчий аналіз проводився на матеріалі деяких загальновживаних дієслів та дієслів, співвідносних з похідними термінами, які вживаються в англійській економічній терміносистемі. З метою формалізації словотворчого аналізу нами використовуються такі формули: *SVpref* - основа префіксального дієслова; *SVa+* - основа англійського неправильного дієслова; *SVa* - основа англійського правильного дієслова; *SVbor* - основа запозиченого дієслова; *SNa* - основа англійського іменника; *SNbor* - основа запозиченого іменника; *SAa* - основа англійського прикметника; *SAbor* - основа запозиченого прикметника. В кутових дужках < > приводиться етимологія запозичених основ.

В результаті словотворчого аналізу (CA) шляхом членування основ префіксальних дієслів на словотворчі максимальні компоненти (СМК) аж до морфем виявлена така словотворча структура префіксальних дієслів в англійській мові, в т. ч. в англійській економічній лексиці: 1) англійський дієслівний префікс + основа англійського правильного дієслова (*SVpref* = *pref+SV*): *to forebode* – передувати, *to outlast* – пережити (кого – небудь, що – небудь), *to underwork* – працювати не досить добре; 2) англійський дієслівний префікс + основа англійського неправильного дієслова (*SVpref* = *pref + SVa+*): *to arise* – виникати, *to overbid* – перебити ціну, *to unbind* – розв'язувати; 3) англійський дієслівний префікс + основа запозиченого дієслова (*SVpref* = *pref + SVbor*): *to forjudge* <фр. *jugier*> - позбавляти

(чого-небудь) по суду, to miscalculate <лат. *calcolare*> - неправильно рахувати, to outproduce <лат. *producere*> - перевищувати по продуктивності; 4) англійський дієслівний префікс + основа англійського іменника (SVpref = pref + SNa): to befriend - сприяти, to behead - страчувати, to beland - позбавляти землі; 5) англійський дієслівний префікс + основа запозиченого іменника (SVpref = pref + SNbor): to befool <фр. *fol*> - обдурювати, to beslave <фр. *esclave*> - підкоряти, поневолити, to outclass <фр. *classe*> - перевершити; 6) англійський дієслівний префікс + основа англійського прикметника в позитивній ступені (SVpref = pref + SAa): to beblind - засліплювати, to belittle - переменшувати, to belate - затримувати; 7) англійський дієслівний префікс + основа запозиченого прикметника в позитивній ступені (SVpref = pref + SAbor): to bedim <фр.> - затемняти.

Словотворчий аналіз структурних типів префіксальних дієслів свідчить про те, що, утворюючи основи префіксальних дієслів, лише англійські префікси be- та out- можуть сполучатися з ТО іменників, напр.: friend - друг → to befriend - допомагати, class - клас → to outclass - перевершити, machine - машина → to outmachine - мати перевагу в техніці, slave - раб → to beslave - поневолювати. ТО прикметників можуть утворювати основи префіксальних дієслів лише сполучаючись з префіксом be-, напр.: little - малий → to belittle - переменшувати, late - пізній → to belate - затримувати, numb - заціпенілий → to benumb - паралізувати (енергію). В той же час всі англійські дієслівні префікси беруть участь в утворенні префіксальних дієслів від основи дієслова, напр.: to show - показувати → to foreshow - передбачити, to build - будувати → to unbuild - руйнувати.

ТО префіксальних дієслів з англійськими автохтонними префіксами є продуктивною базою для утворення як загальнонавчальної, так і термінологічної лексики. Розглянемо архітектуру похідних основ, співвідносних з розглянутими вище структурними типами префіксальних дієслів. Словотворчий аналіз показав:

І. ТО префіксальних дієслів структурного типу SVpref = pref + SVa утворюють такі віддієслівні основи похідних слів: 1) іменники з суфіксами -ment, -er/-or, -ing, напр.: to overfulfill - перевиконувати (план) → overfulfillment - перевиконання (плану), to overlook - оглядати → overlooker - наглядач, to overstock - затоварювати → overstocking - затоварювання; 2) іменники, утворені шляхом конверсії, напр.: to overload - перевантажувати → overloading - перевантаження; 3) складні іменники з першим компонентом основою префіксального дієслова, напр.: to overflow - витікати → overflow-dike - спуск для води; 4) дієприкметники теперішнього та минулого часу, напр.: to overcrowd - переповнювати → overcrowded - переповнений, to

overwhelm – завалювати замовленнями → overwhelming – безчисельний; 5) прислівники від віддієслівних дієприкметників з суфіксом -ly, напр.: to forebode – передчувати → foreboding → forebodingly – тривожно, стурбовано.

II. TO префіксальних дієслів структурного типу SVpref = pref + SVa+ утворюють такі віддієслівні основи похідних слів: 1) іменники з суфіксами -ance (-ence), -al, -er/-or, -ing, -ment, -th, -ness, напр.: to abide – залишатися вірним кому-небудь, чому-небудь → abidance – дотримування чого-небудь, to withdraw – знімати (з рахунку) → withdrawal – зняття (з рахунку), to uphold – підтримувати → upholder – прибічник, to forgive – пробачати → forgiveness – пробачення; 2) іменники, утворені шляхом конверсії, напр.: to outlay – витрачати → outlay – витрати, to overset – порушувати порядок → overset – порушення порядку; 3) складні іменники з першим компонентом основою префіксального дієслова, напр.: to withdraw – відзивати → withdrawing-chamber, withdrawing-room – вітальня; 4) прикметники з суфіксами -able, -ful, напр.: to forget – забувати → forgetful – забудькуватий, to misunderstand – розуміти неправильно → understandable – незрозумілий; 5) дієприкметники теперішнього та минулого часу, напр.: to forbid – забороняти → forbidding – загрозливий, forbidden – заборонений; 6) прислівники, утворені від дієслівних дієприкметників з суфіксом -ly, напр.: to forbear – терпіти → forbearing – терплячий → forbearingly – терпляче, стримано.

III. TO префіксальних дієслів структурного типу SVbor дають такі віддієслівні основи похідних слів: 1) іменники з суфіксами -ing, -ation (-ion, -ition, -tion, -cation), -ment, -er/-or, -ure, -ance (-ence), напр.: to forecast <сканд. kasta> - прогнозувати → forecasting – прогнозування, to misallocate <лат. allocare> - нераціонально використовувати (ресурси) → misallocation – нераціональне використання (ресурсів), to misarrange <фр. aranger> - неправильно розміщати → misarrangement – неправильне розміщення, to misuse <фр. user> - неправильно використовувати → misuser – людина, яка зловживає, to overpress <фр. presser> - дуже напоягати → overpressure – дуже велика напруга; 2) іменники, утворені шляхом конверсії, напр.: to mistrust <гол. treysta> - не довіряти → mistrust – недовіра; 3) складні іменники з першим компонентом основою префіксального дієслова, напр.: to outrage <фр. raige> - порушити закон → outrage – могогер – політик, що спекулює на народному обуренні; 4) прикметники з суфіксами -ive, -ful, -ous, -ant (-ent), напр.: to misapprehend <фр. apprehender> - зрозуміти помилково → misapprehensive – помилковий,

to outrage <фр. raige> - порушити закон → outrageous – надмірний, to mistrust <гол. treysta> - недовіряти → mistrustful – недовірливий, підозрілий; 5) дієприкметники теперішнього та минулого часу, напр.: to outdate <фр.> - застарівати → outdated – застарілий, несучасний, to overpower <фр.> - перевершувати → overpowering – неперевершений; 6) прислівники, утворені від віддієслівних дієприкметників, напр.: to overpower → overpowering → overpoweringly – неперевершено.

IV. Серед досліджуваних ТО префіксальних дієслів структурного типу SVpref = pref + SNa була виявлена лише одна похідна основа іменника з суфіксом -ing: to behead – страчувати → beheading – страта.

V. ТО префіксальних дієслів структурного типу SVpref = pref + SNbor утворюють тільки одну похідну основу іменника з суфіксом -ry: to outlaw <сканд.> - оголошувати поза законом → outlawry – оголошення поза законом.

VI. Серед розглянутих ТО префіксальних дієслів структурного типу SVref = ref + SAA були виявлені дві похідні основи дієприкметників минулого часу: to belate – затримувати → belated – пізній, to benumb – паралізувати (енергію), приводити в зацеплення → benumbed – притуплений, зацепений.

VII. Похідні основи від ТО префіксальних дієслів структурного типу SVpref = pref + SAbor нами не виявлені.

Таким чином, словотворчий аналіз архітекτονіки твірних основ префіксальних дієслів та співвідносних з ними основ похідних слів показав, що префіксальні дієслова з англійськими автохтонними префіксами утворюються по семи структурним моделям: 1) префікс + основа англійського правильного дієслова; 2) префікс + основа англійського неправильного дієслова; 3) префікс + основа запозиченого дієслова; 4) префікс + основа англійського іменника; 5) префікс + основа запозиченого іменника; 6) префікс + основа англійського прикметника; 7) префікс + основа запозиченого прикметника.

Твірні основи перших трьох структурних типів префіксальних дієслів з англійськими автохтонними префіксами є досить продуктивною базою для утворення основ похідних слів та термінів. Так, ТО префіксальних дієслів першого структурного типу: префікс + основа англійського правильного дієслова можуть утворювати іменники з суфіксом -ing, -er/-or, дієприкметники теперішнього та минулого часу, прислівники з суфіксом -ly, іменники, утворені шляхом конверсії, та складні іменники. ТО префіксальних дієслів зі структурою: префікс + основа англійського неправильного дієслова служать продуктивною базою для творення іменників з суфіксами -er/-or, -ing, -ance (-ence), -th, -ness, прикметників з суфіксами -ful, -able, дієприкметників теперішнього та минулого часу, прислівників та іменників, утворених шляхом конверсії. ТО префіксальних дієслів структурного типу: префікс + основа запозиченого дієслова досить продуктивні при утворенні іменників

з суфіксами -ation (-tion, -ion, -cation), -er/-or, -ment, -ance (-ence), -ing, дієприкметників минулого часу, прикметників з суфіксами -ive, -ant (-ent), -ops, та іменників, утворених шляхом конверсії. ТО префіксальних дієслів зі структурою: префікс + основа англійського іменника, префікс + основа запозиченого іменника, префікс + основа англійського прикметника, префікс + основа запозиченого прикметника нараховують невелику кількість співвідносних з ними основ похідних слів, твірні основи цих дієслів не характерні для англійської економічної терміносистеми і не служать продуктивною базою для утворення основ похідних слів.

Що стосується джерел запозичених основ префіксальних дієслів, то за результатами словотворчого аналізу, це в основному запозичення з латинської та французької мов. В незначній кількості зустрічаються запозичені основи зі скандинавських мов, іспанської та італійської.

Отже, найбільш частотними в англійській економічній терміносистемі є основи префіксальних дієслів зі структурою: префікс + основа англійського правильного дієслова, префікс + основа англійського неправильного дієслова, префікс + основа запозиченого дієслова. Найбільш частотними основами похідних слів від твірних основ префіксальних дієслів з англійськими автохтонними префіксами є суфіксальні утворення (іменники, прикметники, дієприкметники) та іменники, утворені шляхом конверсії.

Таким чином, на матеріалі префіксальних дієслів ми показали структуру префіксальних дієслів з англійськими автохтонними префіксами та структуру співвідносних з ними основ похідних слів.

Література.

1. Бортничук Е.Н., Василенко Н.В., Пастушенко Л.П. Словообразование в современном английском языке, - К.: В.шк., 1988; 2. Зернова В.К. Архитектоника производящих и производных основ в современном немецком языке (на материале терминологической лексики), АДД, - М, 1992; 3. Карашук П.М. Афиксальное словообразование в английском языке, - М.: В.шк., 1965; 4. Кубрякова О.С. об относительно связанных (относительно свободных) морфемах языка // Вопросы языкознания, №1, 1964; 5. Левковская К.А. Теория слова. Принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала, - М.: В. шк., 1962; 6. Marchand N. The categories and types of present - Day English Word - Formation. - Munchen. 1969.

А.В. Ребрий (Харьков)

ПРАКТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В ПОТОКЕ РЕЧИ

Универсальным дифференцирующим критерием классификации лексических инноваций выступает вхождение/невхождение в узус, что позволяет разделить все новообразования на два класса: неологизмы иokka-

зионализмы. Оказиональные слова представляют собой инновации, не вошедшие к определенному (данному) моменту в состав лексической системы исследуемого языка и, как следствие, обладающие следующими характерными свойствами: принадлежность к речи, нерегулярность употребления, творимость, ненормативность, контекстуальная зависимость, новизна/непривычность прагматическая маркированность.

Данное определение позволяет включить в класс окказионализмов не только единицы "для данного случая", но и образования, которые в дальнейшем могут быть приняты языковым сообществом. Специфика окказионального статуса противопоставляет исследуемые единицы как неологизмам, так и узуальным лексемам.

Актуальной на сегодняшний день остается проблема практического выделения окказиональных инноваций в потоке речи.

Особую сложность представляют новообразования, созданные по регулярным, продуктивным моделям словообразования поскольку они имеют менее ярко выраженный окказиональный характер по сравнению с единицами, чьи структурно-семантические характеристики сводят к минимуму возможность их принятия языковым коллективом.

Проанализированные выше характерные признаки окказионализмов лишь в известной степени могут быть использованы для практического выделения инноваций и, тем самым, не снимают актуальности анализируемой проблемы.

Мы выделяем два возможных способа разграничения окказиональных и узуальных единиц: опрос информантов и лексикографическая проверка. Проанализируем данные способы.

Опрос информантов подразумевает опознавание единицы как знакомой или незнакомой, т.е. окказиональной. Однако подобный эксперимент требует особых условий проведения и имеет ряд недостатков.

Согласно данным некоторых психолингвистических исследований, во-первых, как знакомое может опознаваться любое новое слово, построенное по типовой модели и имеющее в своем составе известные испытуемому компоненты, а, во-вторых, при восприятии инноваций могут иметь место операции "субъективного отождествления", при котором, опознавая новообразование как известное, информант оперирует прежде всего не вербальным материалом, а мысленными образами соответствующих объектов и знаниями об их качествах. Основанием подобного псевдоотождествления может выступать актуальность для информанта того идеального содержания, которое предшествует возникновению единицы и формируется в результате отражения в сознании человека объективной действительности (Залевская 1988:10). Однако подобные выводы вызывают возражения со стороны ряда исследователей, полагающих, что независимо от структуры инновации оттенок новизны, необычности, непривычности при ее восприятии будет присутствовать всегда (Leech 1990:21).

По нашему мнению, противоречивость мнений относительно проблемы восприятия инноваций и недостаточная ее разработанность делают метод опроса информантов для проверки окказионального статуса инноваций недостаточно надежным.

Кроме того, опознание единицы как незнакомой может быть обусловлено ограниченностью внутреннего лексикона информанта, параметры которого определяются социальным, профессиональным, образовательным статусом данного индивида.

Таким образом, опрос информантов как способ верификации окказионального статуса инноваций отличается высокой степенью субъективности и может дать надежные результаты только при условии проведения эксперимента в достаточно широком масштабе.

Определение статуса инновации на основе словарных источников основано на том, что окказиональные образования, как принадлежащие речи, не имеют лексикографического закрепления. Для проверки не рекомендуется использовать словари новых слов, так как в них могут быть включены инновации, остающиеся на уровне окказионального употребления. Исследование, проведенное американским лингвистом Дж.Алджео, показывает, что из 3565 новых слов, включенных в ежегодное издание *Britannica Book of the Year (Words and Meanings)* в период с 1944 по 1976 год, 58% не были зарегистрированы в последующие годы, а, значит, сохранили свой окказиональный статус. Дж.Алджео приходит к выводу о том, что "успешные образования", представляя собой исключения, а неуспешные - правило, поскольку творческий импульс человека производит гораздо больше слов, чем способно удержать общество. Следовательно, словарь в состоянии зафиксировать не более чем частицу создаваемых новых слов... Устаревшие слова постепенно исчезают, а новые часто бывают не в состоянии приобрести устойчивый статус и гибнут" (Algeo 1993:281-282).

Дж.Эйтчисон сравнивает новые слова, получающие распространение в языке и принимаемые его системой, с дождевыми каплями, попадающими в пустое ведро: "Они составляют только крошечную часть от общего числа капель, упавших с неба, тогда как подавляющее их большинство без следа уходит в песок" (Aitchison 1987:152).

При проведении лексикографической проверки окказионализмов необходимо помнить о двух основных условиях включения инновации в словарный корпус:

(а). Определенная частотность употребления, составляющая, по данным редакционной коллегии Merriam Webster, не менее 10-15 фактов в различных источниках за период до 5 лет;

(б). Социальная значимость и "новизна" значения, определяемая как субъективный критерий прежде всего на основе личного опыта специалистами-лексикографами.

По нашему мнению, значительная часть инноваций не включается в словари как раз по второй причине, что делает метод лексикографической проверки, так же как и метод опроса информантов, достаточно субъективным. Очевидно также и то, что современная лингвистика не располагает более точными и объективными методиками. Выход в данном случае мы видим в комплексном использовании описанных методов с одновременной опорой на характерные свойства и структурно-семантические характеристики исследуемых единиц, наличие которых значительно усиливает степень окказиональности новообразований, одновременно снижая вероятность их последующей лексикализации.

Окказиональные инновации не выходят за рамки отдельных ситуаций общения и остаются на уровне речевого употребления. Определяя границы класса окказионализмов, необходимо исходить из того, что в конкретный момент развития языка в нем наряду с единицами, не вошедшими и не способными когда-либо войти в систему языка, существуют новообразования, вероятность лексикализации которых достаточна велика.

Принятие или непринятие нового речевого факта говорящим узусом зависит от ряда условий, таких, например, как общественный статус автора инновации или печатного органа, впервые поместившего её. Однако наиболее важным фактором является социальная значимость инновации, определяемая говорящим сообществом на основе её структурных и/или семантических характеристик. В лингвистической литературе известны попытки сформулировать качества нового слова, способствующие его лексикализации: "Идеальным для быстрого принятия в обществе является тот неологизм, в котором совмещаются максимум простоты структуры с максимумом информативности" (Заботкина 1991:30-31).

Исходя из специфики данного исследования, свою задачу мы видим в том, чтобы попытаться сформулировать структурно-семантические характеристики окказионализмов, препятствующие их лексикализации. Отсутствие каких-либо исследований по данному вопросу определяет актуальность поставленной задачи, а её решение должно, на наш взгляд, способствовать быстрейшему выделению окказионализмов в потоке речи.

К структурно-семантическим характеристикам окказиональных инноваций, препятствующим их вхождению в систему языка, относятся, по нашим наблюдениям, следующие:

(а). Избыточное количество структурных компонентов (как, например, при фразовом словосложении) и/или отсутствие четкого морфемного членения между ними (как, например, при контаминации, межсловном наложении, изобретении слов, субститутивном словообразовании, аббревиации, акронимии и пр.) :

The menu, however, bears the imprimatur of the original's distinctive breed of cooking, which has a notable Franco/Italian feel to it, of let-those-chunky-flavours-roll variety (GW, 23.9.95).

Holi-Gays. Tycoon Richard Branson is chasing America's gays - to sell them holidays in Europe (DM, 25.5.95).

Animalympic Games (cartoon)

Zoolympic Games (cartoon).

(б). Нарушение правил морфемной комбинаторики, предполагающее использование в составе окказиональной единицы элементов, нетрадиционных для данной структурной модели: имен собственных, словосочетаний, целых предложений или фразеологических единиц:

And then, in an orgy of understanding, of mutuality, of same-wavelengthedness, of one-could-finish-the-other's-sentence-ness, they made love (Rossner:292).

In the good old days Hollywood genres knew how to take their turns nicely...In these Apocalypse Now-ish times, things ain't so easy (OL, 31.12.95)

(в). Наличие близких по смыслу узуальных аналогов (т.н. "блокировка" - "blocking" - Bauer1983:87):

Mat Williamson is a great believer in the bang as an argument. Simple people respect it. Not-so-simple people can often be fooled by it (Ambler:266).

A friend...left his keys with a neighbour while he and his family went on holiday...The conscientious chap...took his responsibility very seriously...So when a furniture van turned up...to deliver a new wardrobe for his neighbours, the curtain-twitcher let them in...and kept a beady eye on the deliverymen (GW, 28.10.95).

(г). Специализация значения, под которой мы понимаем особую семантическую характеристику окказионального слова, отражающую возможность его применения в ограниченном количестве ситуаций общения и нетипичность для повседневной коммуникации. Окказиональные слова с "узким" значением наиболее отчетливо выделяются на фоне семантически близких (родственных), но более "широких" по значению узуальных единиц. Так, в следующей лексической цепочке слова будут размещены по мере сужения их значения и, соответственно, смещения из области узуального в область окказионального: *Collector -doll - collector — Barbie Doll - collector*.

Channel 4 introduces the Girlie Show, presented by...

Barbie Doll- collector Clare Corkam (OL, 31.12.95).

Необходимо подчеркнуть, что наличие одной, нескольких или даже всех перечисленных характеристик не гарантирует автоматического сохранения словом окказионального статуса, а лишь способствует этому.

Таким образом, двумя основными методами выделения окказионализмов в речи являются опрос информантов и лексикографическая проверка. Однако несовершенный характер обоих методов заставляет исследователя обращать пристальное внимание на наличие в инновации специфических структурно-семантических характеристик, препятствующих ее возможному вхождению в узус. Выделение данных характеристик мы считаем необходимым и практически целесообразным не только потому что

они облегчают обнаружить окказиональные слова в потоке речи, но и позволяют точнее определить лингвистический статус данного класса новообразований.

Литература.

1. ЗАБОТКИНА 1991: Заботкина В.И. Семантика и прагматика нового слова: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. - М., 1991. - 51 с.
2. ЗАЛЕВСКАЯ 1988: Залевская А.А. Специфика единиц и механизмов индивидуального лексикона // Психолингвистические исследования значения слова и понимания текста: Межвуз. тем. сб. науч. тр. - Калинин: Изд-во КГУ, 1988. - С. 5-15.
3. AITCHISON 1987: Aitchison J. Word in the Mind. An Introduction to the Mental Lexicon. - New York: Basil Blackwell Inc., 1987. - 207 p.
4. ALGEO 1993: Algeo J. Desuetude among New English Words // International Journal of Lexicography, 1993. - Vol.6. - P. 281-293.
5. BAUER 1983: Bauer L. English Word-Formation. - Cambridge: Cambridge University Press, 1983. - 296 p.
6. LEECH 1990: Leech G.N. Semantics. - London: Penguin Books, 1990. - 383 p.

Н.В. Рябых (Харьков)

ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА С УЧЁТОМ НЕКОТОРЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК УЧАЩИХСЯ

В исследовании была сделана попытка подтвердить результаты лабораторного эксперимента, проведенного автором данной работы, и свидетельствующие о возможности преодоления негативного влияния избыточной тревожности учащихся на эффективность усвоения ими иностранного языка.

Цель эксперимента состояла в подтверждении гипотетической связи между степенью развернутости ориентировки, уровнем тревожности (у учащихся с тенденцией к его повышению), и эффективностью обучения.

В качестве испытуемых были отобраны 31 студент факультета иностранных языков Харьковского госуниверситета, для которых английский является вторым иностранным языком. 24 испытуемых - женщины, 7 - мужчины. Возраст - от 18 до 21 года. Все испытуемые в течение одного года изучали английский язык в университете. Испытуемые были разбиты на три группы (условно Г1, Г2 и Г3).

Испытуемые, принимавшие участие в эксперименте, изучали английский язык на факультете иностранных языков Харьковского госуниверситета в течение одного года до начала экспериментального обучения. Некоторые из них изучали английский язык в школе до поступления в университет, что может быть причиной разного уровня владения английским языком. В связи с этим необходимо было определить уровень владения английскими видо-временными формами до начала экспериментального обучения. Наличие мотивации у испытуемых подтверждает их старатель-

ная работа во время экспериментального обучения. Поэтому с точки зрения мотивационного фактора испытуемые были более или менее равны.

Определение уровня владения испытуемыми видо-временными формами английского глагола и их характеристик по склонности к определенному способу ориентировки.

Предэкспериментальный срез представлял собой перевод предложений с русского языка на английский. Все испытуемые справились с переводом за предложенное время (25 минут), и выполнили перевод полностью. Результаты предэкспериментального среза указывают на недостаточно сформированный навык образования и употребления видо-временных форм английского глагола (у подавляющего большинства испытуемых правильность употребления не доходит до 70%, а лучшие показатели не превышают 90%), и позволяют сделать вывод о том, что студенты групп Г1, Г2 и Г3 могли быть использованы в качестве испытуемых для проверки корреляции между степенью развёрнутости ориентировочной основы, уровнем тревожности и эффективностью усвоения.

Испытуемым также была предложена анкета, вопросы которой были направлены на выявление склонности учащихся к определенному способу ориентировки (имплицитный, нейтральный, эксплицитный). Кроме того, некоторые вопросы анкеты были направлены на получение информации относительно уровня тревожности испытуемых. Эта информация затем сравнивалась с результатами наблюдений за поведением испытуемых на занятиях.

Для подтверждения существования и характера связи между объёмом ориентировочной основы действия, уровнем их тревожности и эффективностью усвоения, было проведено экспериментальное обучение по схеме, представленной в таблице 1. Обучение проводилось в течение трёх месяцев (сентябрь - ноябрь 1997 г.), заняло 27 занятий, по 90 минут на каждом занятии. Таким образом, все три группы прошли обучение всем трём грамматическим явлениям, причём по каждому конкретному явлению каждая группа обучалась в условиях разного состава ориентировки действия.

	Г1	Г2	Г3
Past Future Continuous	PO	PO+M	PO+M+Алг
Present Perfect	PO+M	PO+M+Алг	PO
Past Perfect	PO+M+Алг	PO	PO+M

Таблица 1. Схема экспериментального обучения испытуемых групп Г1, Г2 и Г3.

Обсуждение результатов эксперимента с учётом типологических особенностей тревожности испытуемых.

Для наглядного анализа зависимости эффективности усвоения (и соответственно, уровня тревожности) от характера ориентировки испытуемых в процессе обучения, все испытуемые (группы Г1, Г2 и Г3) были разделены на типы, в соответствии с их склонностью к тревожности, которая была установлена в результате анкетирования и наблюдения за поведением испытуемых в ходе экспериментального обучения. В соответствии с 10 - балльной шкалой тревожности (10 баллов - максимальный уровень тревожности, 0 - баллов - минимальный уровень), принятой в данном исследовании, испытуемые были разделены на три типа по склонности к тревожности. Тип А = 10 - 8 баллов - высокий уровень тревожности, тип Б = 7,5 - 4,5 - средний уровень тревожности, тип В = 4 - 0 баллов - низкий уровень тревожности. Затем были собраны испытуемые принадлежащие к типу А из всех групп и обработаны их результаты по всем трём грамматическим явлениям по трем вариантам обучения (РО, РО+М, РО+М+Алг). Потом такая же процедура была выполнена с результатами испытуемых типов Б и В. Результаты вычислений представлены в таблице 2.

Типы испытуемых по склонности к тревожности	Уровень усвоения в процентах		
	РО	РО+М	РО+М+Алг
Тип А	54%	70%	80%
Тип Б	74%	80%	88%
Тип В	81%	82%	88%

Таблица 2. Зависимость между типами испытуемых по склонности к тревожности и уровнем усвоения

Как следует из таблицы 2, наблюдается сильное снижение уровня усвоения от типа В к типу А при обучении с опорой только на речевой образец (разница составляет 27%). При обучении с использованием как речевого образца так и модели также наблюдается снижение успеваемости, но значительно меньшее, чем в предыдущем случае (разница составляет 12%). При обучении с использованием полной ориентировочной основы (РО+М+Алг) снижение успеваемости от типа В к типу Б вообще не происходит, а снижение успеваемости от типов В и Б к типу А не столь значительно (разница составляет 8%). Такие данные свидетельствуют о том, что использование более эксплицитных типов учебной информации позволяет снизить тревожность у учащихся с тенденцией к её повышению и таким образом повысить эффективность обучения. Для более чёткого представления возможности понижения уровня тревожности (и, соответственно, повышения эффективности усвоения) у учащихся, имеющих склонность к ней, с помощью применения более развёрнутой ориентировочной основы обучения был построен график.

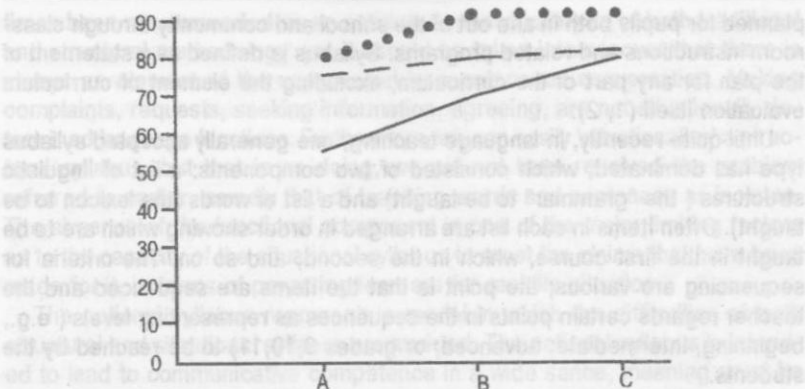

Рис. 1. Залежність рівня усвоєння від рівня тривожності
 испытуемых (— обучение с опорой на РО, — — обучение с опорой на РО+М, • • • обучение с опорой на РО+М+Алг).

Как следует из рисунка 1, корреляция между уровнем тривожности и ефективністю усвоєння має місце при навчанні з опорою на всі три типи орієнтовочної основи. Причём, конфігурація кривої навчання з опорою на РО складає 26 умовних одиниць (у.е.), що свідчить про сильну кореляцію між рівнем тривожності та ефективністю усвоєння. Конфігурація кривої навчання з опорою на РО+М (14 у.е.) свідчить про те, що явна, але незначительна кореляція між порівнюваними величинами. Конфігурація кривої при навчанні з опорою на повну орієнтовочну основу дійства (РО+М+Алг) (7 у.е.) свідчить про слабку кореляцію між рівнем тривожності учасників та ефективністю усвоєння ними іноземного мови. З цього випливає, що рівень тривожності у учасників, які мають схильність до неї, можна ефективно знизити, забезпечив повну орієнтовку в процесі навчання.

I. Sverdlova (Kharkiv)

EVOLUTION OF SYLLABUS DESIGN

The notion of a syllabus is not at all new in the context of education. Ministers of education regularly produce descriptions of overall curricula to be followed in schools of all sorts. "Syllabus" is often used interchangeably with "curriculum". But it is necessary to preserve the distinction between "syllabus" and "curriculum", especially while referring to the place of language studies "across the curriculum". Curriculum includes the goals, objectives, content, processes, resources, and means of evaluation of all the learning experiences

planned for pupils both in and out of the school and community through classroom instructions and related programs. Syllabus is defined as a statement of the plan for any part of the curriculum, excluding the element of curriculum evaluation itself (1, 2).

Until quite recently, in language teaching, one generally accepted syllabus type has dominated, which consisted of two components: a list of linguistic structures (the "grammar" to be taught) and a list of words (the lexicon to be taught). Often items in each list are arranged in order showing which are to be taught in the first course, which in the second, and so on. The criteria for sequencing are various; the point is that the items are sequenced and the teacher regards certain points in the sequences as representing levels (e.g., beginning, intermediate, advanced; or grades 9,10,11) to be reached by the students.

During the transition from traditional grammar-translation methodology to audio-lingual teaching and then cognitive code-learning theory, shifts occurred in views of the psychological processes involved in second-language learning. The synthetic strategy produced a structural syllabus. What happens in the classroom is that the teacher may use either a grammar-translation method or an audio-lingual one, or a combination or 'eclectic' approach. Whichever one he uses, the constraints are the same: the content of the syllabus has been determined by giving top priority to teaching the 'grammar' or 'structure' of the language. The selection and sequencing of items for inclusion in the structural syllabus has been a matter of concern for a long time. As a result it was suggested that vocabulary has to be selected and ordered. Structures are not selected, merely ordered, since all the target-language structures must be taught sooner or later. Staging is carried out according to the criteria of simplicity, regularity, frequency and contrastive difficulty. Questions of social utility may also be considered in the construction of appropriate teaching materials, but they are not of the same order of importance. Structural syllabus has its shortcomings. In teaching approaches based on it, form and meaning are assumed to be in one-to-one relation, and meaning is to be learned together with particular grammatical forms. Meaning (other than purely lexical meaning) is thought to be self-evident, and is not taught as such. Yet, even when we have described the grammatical and lexical meaning of a sentence, we still have not accounted for the way in which it is used in an utterance, and still less in an exchange of utterances between two or more speakers.

The situational model is closely related to topical or thematic syllabuses. All of these syllabus types have situational need as their starting point, and thus are concerned with language in a social context. The situational model will comprise units indicating specific situations, such as 'At the Post Office', etc. The topical or thematic syllabus is similar, but generally employs the procedure of grouping modules or lessons around a topic. Very often topics may be treated within a situation. The adoption of a situational approach has some-

times been recommended as an antidote to the drawbacks of both traditional and structural methodology. yet it should be taken into account that there is always an element of the unexpected in spontaneous conversation. Making complaints, requests, seeking information, agreeing, are not situationally determined language functions. Furthermore, we can easily 'situationalize' a structural syllabus, but that in so doing, we will not have resolved the problem referred to earlier, namely that of teaching words and sentences as isolates. The absence of the functional component is one of the major limiting factors as to the capacity of the situational syllabus to meet the claims that have been made for it, in terms of preparing learners for real life situation.

The notional syllabus represents a model in which the difficulties of both structural and situational syllabus are avoided. The notional syllabus is intended to lead to communicative competence in a wide sence, meaning must be approached through the study of language in use, language in discourse (3). To approach language in this way leads us directly to the study of the communicative functions of the language and their relation to grammatical form. The notional syllabus has its own principles. The first one is that provision for language learning must be considered as a process of language learning systems development, all stages of education are to be seen as contained within a framework of permanent education (Trim, p. 108). The second principle is that language learning systems must be learner-centered, grammatical categories, rules and structures are taught not simply because 'they are there', but in so far they enable the learner to construct those utterances he needs to achieve his personal and social purposes (Trim, 109).

In the notional approach, three categories represent three types of meaning that can be conveyed through language, and are labelled semantico-grammatical, modal and communicative function. The first of these covers the kind of meaning called 'propositional'. It is expressed through grammatical systems of different languages and is considered to be fundamental. The second type, modal meaning, expresses the attitude of the speaker toward his experience. The third category, called communicative fnction, refers to the role of the sentence in relation to other utterances.

Many of those who have been working at the creation of communicative notional pedagogical syllabus have come to the conclusion that what is required now is a more flexible approach to syllabus construction. Assuming that a decision has been made to orient a language-teaching program in a more communicative direction, away from a purely structural base, a choice among options has to be made. There are several possibilities, depending on the learners' objectives. Any of those, described below are the forms of the notional syllabus.

Type 1: Structural-Functional. It can provide a way of developing communicatively of what is already known, while, at the same time, enabling the teacher to fulfil the gaps in the learner's knowledge of the language (Wilkins,

1974, 121). It has wide application: a separation of the two components of form and function is maintained, and it is thus relatively easily implemented.

Type 2: Structural and Functional. It represents a structural progression in a communicative framework. The simplest proposal is to use the grammatical system as the core of the syllabus in a ladder-like series of stages and to be prepared to relate all other essential materials to this series. Thus notional, functional and situational specifications can be conceived of as a spiral round a basically grammatical core (Brumfit, 1980, 5). Syllabus have to be concerned both accuracy and fluency.

Type 3: Variable Focus. Shifting emphasis takes place according to level in a progression from elementary to advanced, rather than in a given unit. Structural progression as well as structural exercises and activities would dominate at the first level, and the emphasis would then change to communicative function and finally to situation or subject-matter (Allen, 1980).

Type 4: Functional. Objectives are stated primarily in terms of communicative function, not in terms of linguistic items, and these objectives determine the functions needed, and the functions determine the selection and sequencing of grammatical materials (Robinson, 1980).

Type 5: Fully Notional. It's a model for generating a syllabus suitable for learners whose proficiency in the second language has to be specified for very particular and essentially narrow purposes (Maley, 1980).

Type 6: Fully Communicative. All teachers' activities are directed exclusively at involving the learners in solving communication problems. In so doing, language learning would take care of itself (Allwright, 1979).

At this stage of theory development the following question is being examined: is it possible to reconcile the views presented above by means of a single framework for syllabus design?

LITERATURE

1. Allen, J.P.B. A three-level curriculum model for second-language education. - Mimeo. Modern Language Centre. - 1980.
2. Allwright, R. Language learning through communication practice // In Brumfit and Johnson, 1979. - P. 167-184.
3. Brumfit, C.J. National syllabuses revisited: a response // *Applied Linguistics*. - 1981. Vol. 2. - P. 3-90.
4. Curran, C.A. Counseling-learning. A whole person model for education. - New York: Grune and Stratton. - 1972.
5. Jordan, R.R. English for academic purposes. - Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
6. Trim, J.L.M. developing a unit/credit scheme of adult language learning // *Across the threshold*. - Oxford: Pergamon Press. - 1984.
7. Wilkins, D.A. National syllabus revisited: a further reply // *Applied linguistics*. - 1981. - Vol. 2. - P.96-100.

ИЗУЧЕНИЕ ПРОЦЕССА СТАНОВЛЕНИЯ ФОРМ ДЛИТЕЛЬНОГО ВИДА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная работа представляет собой диахроническое исследование форм длительного вида в английском языке. Основным материалом для анализа послужили переводы Евангелия: на древнеанглийский язык (995 г.); среднеанглийский (Уиклиф, 1389 г.); ранненовоанглийский (Тиндейл, 1526 г.), так называемый авторизованный перевод (1611 г.). Дополнительно использовались другие тексты, относящиеся к древнеанглийскому и среднеанглийскому периодам развития грамматической системы английского языка.

В древнеанглийском переводе Евангелия форма на "- ende" непосредственно после глагола "beon/wesan" встречается 17 раз, а всего в сочетаниях с глаголом "beon/wesan" с учетом дистантного расположения - 64 раза.

Как подчеркивает Я. Фисяк (Fisiak 1970:109), благодаря свободному порядку слов в древнеанглийском языке предложения, подобные "He is in temple lærende" могли иметь две глубинные структуры:

1) *He is in temple lærende* = *He is teaching in the temple*

2) *He is in temple lærende* = *He is in the temple teaching.*

Такой анализ позволяет считать, что все 64 сочетания beon/wesan с причастием на "- ende" можно было бы анализировать как древнеанглийский праобраз современных длительных форм.

Следует все же признать, что в древнеанглийский период форма на "- ende" по своему значению и функциям была ближе к прилагательному, чем к глаголу. В случаях, когда причастие на "- ende" было атрибутом дополнения, оно согласовалось с ним в падеже:

And he andswarode hym secgendum and cwæð; Hwylc ys min modur and hwylce synt mine gebroþra (Matthew 12:48. Anglo-Saxon. 995).

С другой стороны, форма на "- ende" не употреблялась в косвенных падежах в предикативных сочетаниях с глаголом "beon/wesan" в отличие от причастия II в сочетаниях с глаголами "beon/wesan" и "habban".

Soþlice he wæs bi lærende swa se ðe anweald hæfð næs swa boceras. (Mark 1:22. Anglo-Saxon. 995).

... On ðe ealle on ðone cyning wærun feobtende, oþþæ he hine ofslægenne hæfdon. (The Chronicle 755, 16).

Несмотря на то, что формы на "- ende" в сочетании с "beon/wesan" согласовались с подлежащим, а также управляли дополнением, они описывали как динамические, так и статические ситуации.

Ср.: ... and big næfdon nan bearn forðam þe; Elizabeth wæs unberende and by on beora dagum butu forðeodon (Luke 1:7. Anglo-Saxon. 995).

... eall werod þæs folces wæs ute gebiddende on þære offrunga himan (Luke 1:10. Anglo-Saxon. 995).

Совместная встречаемость сочетаний *beon/wesan* + причастие на "-ende" и простых форм глагола также свидетельствует о том, что значение длительности не было дифференцирующим признаком данного сочетания; не было дифференцирующим признаком и значение ограниченной длительности. Форма на "-ende" могла означать как временное, так и постоянное свойство субъекта.

Ср.: And þæt folc wæs zachariam geanbidiende and wundrodon þæt he on þam temple læt wæs (Luke 1:21. Anglo-Saxon. 995).

Ond æfter þæm Euftrate þa ea, seo is mæst eallra ferscra wætera ond is irrende þurh middewearde Babylonias burg, þe þie eac mid gedelfe on montige ea upp

forlet ... (Alfred's Orosius 4, 234 - 236).

В раннесреднеанглийских текстах причастие I все еще имеет окончание "-ende", в Лондонском и северо-восточных диалектах - "-inde".

Ср.: þa wes bi þon time, as redunge tellað, Maximian, þe modi Ketser the Rome, beinde ant berende beðene mawmets wið unmeð muchel bīrd and undubt ... (The Life of Saint Juliana, южный диалект (Fisiak 1996:20, 41)).

... beo stedefæst and i-lestinde in alle þinge abuten ænde. (The Proclamation of Henry III, лондонский диалект (Fisiak 1996:27,42)).

Poubte he, als he him bi stod, Starinde als he were wod (Havelok the Dane, северный Линкольншир (Fisiak 1996:30, 43)).

Существительное в раннесреднеанглийских текстах имеет суффикс "-ing", в средне- и юго-западных диалектах - "-ung".

Ср.: Nim nu geme hwet uel beo i- cumen of totunge (The Ancrene Riwe (Fisiak 1996: 13, 38)).

Ne singe ich þom no foliot; for al mi song is of longinge ad i- mend sumdel mid woninge (The Owl and the Nightingale (Fisiak 1996: 16, 40)).

Примечательно, что в функции прилагательного в тексте "The Owl and the Nightingale" встречаем другую форму, не на "-ende".

þu neawer ne singst in Irlonde. Ne þu ne. Cumeþ noht in Scollonde; hwi nultu fare to Noreweie, and singin men of Galeweie? (Fisiak 1996: 17).

Как утверждает Трауготт (Traugott 1972:143), форма на "-ing" как маркер прогрессива начала употребляться к концу XII века, а ко времени Чосера была единственной формой, употребляемой в южных и среднеанглийских диалектах.

В переводе Уиклифа и причастия, и отглагольные существительные имеют одну и ту же форму - на "-yng (e) / -ing (e)".

That the prophecie of Ysay seyunge be fulfilled in hem (Matthew 12:18. Wycliffe. 1389).

... and he was al nygt dwellinge in the preter of God (Luke 6:12. Wycliffe. 1389)

Анализ древнеанглийских, среднеанглийских и ранненовоанглийских текстов показывает, что все формы на "- ende" последовательно сменились на формы с "- ynge/ - inge": вначале находим "- ende", потом "- inde", потом "ynge/ - inge".

Cr.: Twa beoð æt cwyrne grinende, an byð genumen oðer byþ læfed (Matthew 24:41. Anglo-Saxon. 995).

Two wymmen shulen be gryndynge in oo querne, oon shal be taken to, and the oðer forsaken (Matthew 24:41. Wycliffe. 1389).

Two shalbe gryndynge at the myll ... (Matthew 24:41. Tyndale. 1526).

Two women shall be grinding at the mill ... (Matthew 24:41. Authorized Version, 1611).

По-прежнему, в раннесреднеанглийский период сочетание "be + форма на - ing/ynge" употребляется для обозначения как динамических, так и статических ситуаций, ограниченной и неограниченной длительности.

he wente away sorwful, for he was hauynge many possessions (Matthew 19:22. Wycliffe. 1389).

And he was preching in the synagogis of Galilee (Luke 4:44. Wycliffe. 1389).

Whidur is this to goynge for we schulen not fynde him? Wber be is to goynge in to scateringe of bethene men, and is he to techinge bethene men? (John 7:35. Wycliffe. 1389).

Последний пример любопытен тем, что неясна роль "to". В первом предложении (вопросе) можно допустить, что еще сохраняется свободный порядок слов, и что возможна интерпретация "Whidur is this to goynge" как "Whidur is this goynge to", но такая интерпретация "and is he to techinge hethene men" невозможна. В связи с этим упомянем, что и в древнеанглийском переводе библии встречается форма на "- ende" после "to":

be ondred Pyder to farende (Matthew 2:22. Anglo-Saxon. 995).

Редактор издания древнеанглийского Евангелия (Liuzza 1994:5) в примечаниях указывает, что в других рукописях употреблен инфинитив - "to faranne/farene"; "to gefyllene". Я. Малак (Malak 1993:126) пишет, что "beon/wesan + -ende" употреблялось при переводе латинского сочетания "esse" и "participium futuri activi". Вполне возможно, что и инфинитив использовался для той же цели.

В связи с этим следует подчеркнуть, что форма причастия и форма инфинитива встречались после "to" со значением будущего и в непереводных, оригинальных текстах на английском языке.

Ср.: ... *Christ whanne he schulde go up into heune diligently commandid his disciplis, and in hem alle disciplis of office Pat weren to comynge aftir Pat tyme. (The Sermon of William Taylor, 13).*

В начале ранненовоанглийского периода, ко времени окончания перевода Евангелия Тиндейлом (1526 год) произошли резкие перемены в употреблении сочетания "be + причастие на - ing". Если в переводе Уиклифа (1389 год) находим 31 такое сочетание, то в тех же предложениях в переводе Тиндейла находим лишь одно:

Two wymmen shulen be gryndynge in oo querne, oon shal be taken to, and the other forsaken (Matthew 24:41. Wycliffe. 1389).

Two shalbe gryndynge at the myll ... (Matthew 24:41. Tyndale. 1526)

Этот факт объясняется тем, что к ранненовоанглийскому периоду сочетание "be + причастие на - ing" перестало быть свободным от контекста, и в подавляющем большинстве случаев не выражало значения неограниченной длительности. По данным выборки, из 10 длительных форм в переводе Евангелия 1526 года 7 имеют значение ограниченной длительности.

С другой стороны, в переводе Тиндейла появляется не встречавшаяся в более ранних переводах побудительная конструкция с формой на "- ing(e)".

Ср.: *Ryse gee, go wee (Matthew 26:46. Wycliffe. 1389).*

Ryse, lett vs be goinge (Matthew 26:46. Tyndale. 1526).

В переводе 1611 года функциональная нагрузка сочетаний "be + причастие на - ing" резко возрастает: количество примеров увеличивается в 3,5 раза. Во всех проанализированных контекстах употребление длительных форм соответствовало современному, и они выражали ограниченную длительность или же обозначали действие, которое должно наступить в недалеком будущем.

Ср.: *And they come again to Jerusalem and as he was walking in the temple, there come to him the chief priests, and the scribes, and the elders. (Mark 11:27. Authorized Version, 1611).*

The hour is coming, and now is, when the dead shall hear the voice of the Son of God: and they that hear shall live. (John 5:25. Authorized Version, 1611).

Тем не менее, в данном переводе нередко простые формы употребляются в контекстах, где в современном английском языке могла бы быть длительная форма.

Jesus saith unto her, Woman why weepest thou? whom seekest thou? She, supposing him to be the gardener, saith unto him ... tell me where thou hast laid him (John 20:15. Authorized Version, 1611).

Как отмечает Дородных (Dorodnikh 1989:107), то же наблюдаем и в текстах У.Шекспира:

Yonder comes my master Yonker, sure, they are coming.

Из этого можно сделать вывод, что в рассматриваемый период развития форм современного длительного вида еще только начинает набирать темпы.

Література.

1. Dorodnikh 1989: Dorodnikh, A. The English Progressive and other Verb Forms in a Historical Perspective // Folia Linguistica Historica. Acta Societatis Linguisticae Europaeae. Vol. IX. - Berlin - New York: Mouton, 1989. - P. 105 - 115.
2. Fisiak 1970: Fisiak J. Review of: Nickel G. Die Expanded Form in Altenglischen. Vorkommen, Funktion und Herkunft der Umschreibung "beon/wesan + Partizip Prasens" // Studia Anglica Posnaniensia. - 1970. - 2. - P. 109 - 110.
3. Fisiak 1996: Fisiak J. An Early Middle English Reader. - Warszawa: PWN, 1996. - 113 p.
4. Liuzza 1994: Liuzza R.M. (ed.). The Old English Version of the Gospels. - Oxford: Oxford Univ. Press, 1994. - 202 p.
5. Malak 1991: Malak J. The Function of the Present Participle in the Predicative Position in Old English // Studia Anglica Posnaniensia. - XXV - XXVII, 1991 - 1993. - P. 123 - 141.
6. Traugott 1972: Traugott E. C. A History of English Syntax: A Transformational Approach to the History of English Sentence Structure. - New York et. al.: Holt, Rinehart and Winston, Inc., 1972. - 216 p.

В.П. Сімонок (Харків)

ВЗАЄМОДІЯ МОВ

Проблема взаємодії мов являє собою невід'ємну частину проблеми запозичення, як засобу збагачення словника. Історичне вивчення словникового складу української літературної мови досі лишається одним із важливих завдань у галузі українського мовознавства. Невизначеність меж словника мови зумовлюється саме безперервністю його розвитку, постійною рухливістю і мінливістю, постійним його поповненням новими словами і втратою застарілих слів. Саме лексика є тією галуззю мови, де в першу чергу відбуваються зміни, що мають місце у суспільному житті, оскільки зміни в соціально - економічному та культурному житті викликають необхідність постійного поповнення словникового складу новими словами. Джерелом збагачення словникового складу, як відомо, можуть бути не тільки ресурси рідної мови, але і запозичення з інших мов.

Одним із перших підкреслив виняткову важливість вивчення взаємодії мов Г. Шухардт, який розглядав у відповідності зі своєю концепцією "слово і річ" запозичені слова у зв'язку із запозиченням речі. Прикладами для нього є циганська сім'я, яка мешкає серед руїн палацу, негритянський вождь, який носить як корону циліндр, негритянська красуня, що носить в вухах замість сережок консервні банки. Усі ці речі не є культурним надбанням цих народів; це "чужі речі, аналогічні чужим словам. Якщо ці речі пристосовуються відносно до їх потреб, то вони стають запозиченими речами, які складають аналогію запозиченим словам" (Звегинцев, 1956: 282).

Його сучасник І.О. Бодуен де Куртене теж вважав, що мовна взаємодія — це актуальна галузь лінгвістичних досліджень, і навіть одну з своїх праць назвав "Про мішаний характер усіх мов". І Шухардт, і Бодуен де Куртене користувалися молодогораматичним терміном "змішування мов", який кінець кінцем, походить від біблійської легенди про "вавілонське стовпотворіння" і "см'єшення язичів". Паралельно використовувався термін "схрещування", запозичений із біології, причому всередині схрещування розрізняли "метисацію" — взаємодію споріднених мов і "гібридизацію" — взаємодію неспоріднених мов. Проти вживання цих термінів виступили лінгвісти-компаративісти. Особливо неприйнятним задавався їм термін "мішана мова", оскільки він породжував уявлення, що названа так мова є результатом змішування двох мов у рівних пропорціях і, отже, не можна сказати, чи вона є продовженням однієї мови чи іншої.

Представник неолінгвістів Дж. Бонфанте вважав, що "кожна мова відкрита для незчислених впливів любого роду і що немає в принципі реальної різниці між запозиченням тисячі слів і форм - аж до повного витискування однієї мови іншою, як це було у випадку з корнською, полабською або гальською, які були відносно витиснуті англійською, німецькою і латинською" (Звегинцев, 1956: 313). Він критикував молодогораматиків за те, що погоджуються на суворо обмежений мінімум іншомовних слів, з появою нових продуктів харчування, таких як *tobako*, *tomato*, *potato*, *coffe* у французькій мові, оскільки ці продукти стали відомими у Франції порівняно пізно. Вони відмовлялися від галло - романського *giomo* - день в італійській мові, мотивуючи тим, що дні завжди існували в Італії, італійці завжди говорили про них і ось чому не було ніякої потреби запозичати французьке слово для такого поняття.

Ці погляди поділяв і Л.В. Щерба, який запропонував нову назву - "взаємний вплив мов". Однак і цей термін не набув популярності. Нині найпоширенішими термінологічними сполученнями є "взаємодія мов" і "мовні контакти".

Відомо, що Л.В. Щерба виступив (на нашу думку цілком справедливо) проти отожднювання назв "запозичення" і "змішення мов". Він вважав, що перший і другий терміни не є назвами явищ даного і того ж порядку, побудованих на двомовності. "Оскільки процеси змішування відбуваються не тільки між різними мовами, але й між різними груповими мовами все-

редині однієї мови, то можна сказати, що ці процеси є кардинальними і постійними у житті мов" (Щерба, 1958: 42).

С.В. Семчинський визначає термін "взаємодія мов" таким чином: "Дві мови взаємодіють, якщо висловлювання однією мовою включають до свого складу елементи чи відношення другої мови, або навпаки — висловлювання другою мовою включають до свого складу елементи чи відношення першої мови, а також якщо елементи й відношення першої мови входять до системи другої мови і навпаки" (Семчинський, 1974: 273).

Інші розрізняють значення цих термінів: взаємодія мов розуміється як комплекс явищ, що виникають внаслідок встановлення міжмовних зв'язків, а мовні контакти — як певний тип міжмовного зв'язку, поряд з яким стоять дистантні міжмовні зв'язки (коли немає безпосереднього контакту носіїв взаємодіючих мов і двомовності) та інтермедіарні міжмовні зв'язки, що встановлюються між двома мовами, які безпосередньо не контактують, але кожна з них перебуває в контакті з третьою мовою, що виконує роль посередника.

На основі інших критеріїв можна побудувати інші типології взаємодії мов. Так, якщо спиратися на критерій напряму дії (впливу) та на рівень мовної системи, на якому відбувається взаємодія, можна виділити такі типи: 1) однобічний вплив на одному рівні мовної системи (наприклад, вплив латинської мови на українську. Цей тип реалізується лише на рівні лексики, а вплив має лише один напрямок, вплив української мови на латинську виключається); 2) обопільний вплив на одному рівні взаємодіючих мов (наприклад, російсько-італійські мовні зв'язки обмежуються лише рівнем лексики, але і в російській мові маємо лексичні запозичення італійського походження, в італійській мові є лексичні запозичення російського походження); 3) однобічний вплив на різних рівнях однієї мови (наприклад, вплив арабської мови на турецьку відчутний на різних рівнях її системи, вплив же турецької мови на арабську майже непомітний); 4) обопільний вплив на різних рівнях взаємодіючих мов (наприклад, взаємодія мов східних романців і слов'ян в період їх співжиття, наслідки цієї взаємодії засвідчені на всіх рівнях східно-романських мов, а мова слов'ян Дакії зазнала такого впливу, що, взагалі зникла, слов'янські пам'ятки, писані на території придунайських князівств, засвідчують східнороманські впливи на різних рівнях).

Мовні контакти можуть бути казуальними і перманентними. Перші відбивають тимчасові або випадкові зв'язки, для них характерна дуже слабка інтенсивність мовної взаємодії. Другі свідчать про тісні міжмовні зв'язки, засновані на постійному і тривалому спілкуванні носіїв різних мов.

Одні вчені вважають, що термін "мовні контакти" має такий самий обсяг значення, отже, вони синонімічні.

Зовсім інакше розуміє "мовний контакт" У. Ванрайх: "Ми будемо говорити, що дві або більше мов перебувають у контакті, якщо вони по черзі вживаються тими ж самими особами. Індивідуальні мовці являють собою місце контакту". (Weinreich, 1953:1) Це визначення приймається Е.Хауге-

ном, а серед радянських лінгвістів В.Ю. Розенцвейгом та Є.М. Верещагіним.

Але більшість мовознавців розуміють "мовні контакти" як більш широке поняття, яке охоплює різноманітні мовні зв'язки, що проявляються на всіх лінгвістичних рівнях і які встановлюються за певних історико-географічних, суспільно-політичних, культурних, психологічних та інших чинників між мовами, незалежно від їх генеалогічної спорідненості чи типологічної близькості.

Важливе значення має розрізнення форм мовних контактів: **природної** (в умовах безпосереднього спілкування носіїв мов) та **штучної** (в умовах шкільного вивчення певної мови). Тут варто сказати й про особливі природно-штучні форми мовного контактування.

Зокрема вивчення російської мови народами колишнього СРСР є специфічним, оскільки російська мова вивчалася представниками інших радянських народів не лише в навчальних закладах, а і в безпосередньому спілкуванні мовців.

Очевидно, деякі аналогічні риси можна знайти і в процесі опанування англійської мови представниками іммігрантських груп в США як через школу, так і в процесі прямого спілкування з носіями англійської мови. Та поряд з аналогією існують і вагомі розбіжності, які пояснюються функціями, що їх виконують мови народів колишнього СРСР та мови іммігрантських груп в США.

Деякі мовознавці отожднюють поняття "мовні контакти" і "двомовність", інші протиставляють їх як видове і родове поняття, але обидві ці точки зору неправильні, бо двомовність і мовний контакт — це різні аспекти взаємодії мов, які найтісніше між собою пов'язані. **Двомовність**, або **білінгвізм** — це практика напередмірного користування двома мовами з метою спілкування, яка властива мовній діяльності однієї особи чи певному колективу.

Можна розрізняти окремі типи двомовності:

1) субординативна двомовність, коли володіння білінгвом неоднакове і коли соціальні моменти сприяють переважному використанню однієї мови за рахунок іншої;

2) координативна двомовність, коли дві різні мови використовуються двомовцем у різних ситуаціях спілкування і між ними встановлюються певні відповідності, які при сприятливих умовах ведуть до інтерференції, що можливі в обох напрямках;

3) чиста (або ідеальна) двомовність, коли мовні механізми двох систем співіснують у свідомості двомовця без будь-якого зв'язку.

Саме цьому варто спинитися на "теорії" англійського психолога І. Епштейна про шкідливість двомовності для розумового розвитку людини. Згідно з цією "теорією" усвідомлення іншомовних елементів при вивченні другої мови порушує вироблені в свідомості індивіда асоціації між ідеями та словами рідної мови, гальмує процес мислення і навіть веде до роздвоєння свідомості. "Багатомовність, — твердив Епштейн, — це соціальне лихо".

Таку концепцію слід рішуче заперечити, бо двомовність і багатомовність не тільки не обмежує інтелектуальних можливостей людини, а навпаки, розширює їх. Практика цілком спростовує цю теорію, спрямовану на роз'єднання і відокремлення народів. К. Маркс, Ф. Енгельс, В.І. Ленін, В. Гумбольдт, О. Пушкін, Т. Шевченко, Л. Толстой та інші видатні представники науки і культури з дитинства були двомовними чи навіть володіли кількома мовами, що не тільки не загальмувало їхнього розвитку, а, навпаки, сприяло ще більшому розкриттю їх генія.

Особу, яка володіє і користується в спілкуванні більше ніж двома мовами, найчастіше називають поліглотом, а саме явище одержало назву **поліглотії** або ще **мультилінгвізму** чи **плюрлінгвізму**. Поряд з індивідуальною може існувати і колективна багатомовність. У нас в країні є окремі райони, в яких населення багатомовне. Є, наприклад, групи каракалпаків, які володіють крім рідної, ще російською, узбецькою чи казахською мовами, є таджики, які одночасно володіють ще й російською та узбецькою мовами; в місті Мукачеві та його околицях групи жителів одночасно володіють німецькою, угорською, українською і російською мовами. Знання другої мови завжди полегшує засвоєння третьої і подальших мов. В майбутньому людей-поліглотів стане ще більше, ніж їх є тепер.

Література

- Верещагин Е.М. К проблеме разносистемной принадлежности лексем при билингвизме. - М.: Высшая школа, 1966. Звегинцев В.А. Хрестоматия по истории языкознания XIX - XX веков. - М.: Минпрос, 1956. Розенцвейг В.Ю. О языковых контактах // В Я, 1963 - № 1 Семчинський С.В. Семантична інтерференція мов. - К.: Вища школа, 1974. Щерба Л.В. Избранные труды по языкознанию и фонетике. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1958 - Т. 1. Weinreich U. Languages in contact. - N Y, 1953, p. 1.

І.В. Соколова (Суми)

РЕАЛИЗАЦИЯ ПОВТОРОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Поворот лингвистики ко всей общественной реальности языка как к исходному пункту и как к рамке отношений для семантически и стилистически ориентированных исследований актуализировал проблему текста и его категорий.

Несмотря на все разнообразие толкований этого понятия, текст рассматривается, в первую очередь как основное средство коммуникации, одной из главных категорий которого является категория интегративности. Интегративность текста имеет две стороны - семантическую и формально-структурную, что отражается в двух взаимосвязанных аспектах текста - его целостности и связности.

Интеграция текста достигается посредством связующих элементов синсемантического характера; различного рода повторов; тема - рематического соотношения предложений и абзацев в дискурсе; стилистических приемов; коммуникативной соотношенности компонентов текста; композиционно-структурных особенностей текста в целом (Мороховский 1984:212).

Несмотря на семантическое и структурное разнообразие повторов (обычный, синонимический, антонимический повтор; контактный и дистантный повтор; повтор слов и словосочетаний одного тематического ряда и т.п.), принцип их действия для осуществления интеграции текста един - повторение сем/семь в смысловой структуре текста.

Связующая роль семантических повторов выявляется обычно на большом отрезке текста, где они образуют тематические или топиковые цепочки. Так, например, в рассказе С. Мозема "Герман Харри" повторы образуют три тематические нити рассказа, соотношенные с доминантной ремой - идеей рассказа о бессмысленности человеческой жизни вне общества. Показательными в этом плане выступают лексический повтор слов sea, island, harbour, skipper, reef, синонимические ряды seaman - skipper, boat - sailing, vessel - schooner, имеющие тематическую ориентацию "море". Тема одиночества вербализуется посредством лексического повтора hermit и синонимическими единицами hermit - castaway, entirely by himself - the only man alive, lonely place - desert island, desolate sea - vacant sea. Тема ужаса представлена референтной цепочкой: terrible thing - horror - terrible epidemic - dreadful years.

Семантические повторы, являясь средствами тематической избыточности, ведут к стагнации текста, сдерживая, тормозя повествование. В то же время именно средства повторной номинации обеспечивают кореферентность текста, способствуют его прогрессии.

Прогрессию текста обеспечивает тема-рематическая представленность высказывания. С точки зрения развития связанного сообщения тема и рема являются качественно различными. Тема стабильна на период всего связанного сообщения, более того "сущностью связанности текста является передача информации об идентичной теме из одного сегмента текста в другой" (Брчакова 1979:250).

Сохранение идентичности темы и ее обогащение новыми признаками и новыми связями с другими "предметами" референтной субструктуры сообщения неизбежно приводит к ее повторному и многократному упоминанию, а кореферентность номинаций обеспечивает связность сообщения.

Тенденция к повторяемости компонентов тематической структуры сообщения иллюстрируется в рассказе С.Мозема следующим образом. Одна из тем рассказа - море - вводится в интродуктивной его части посредством описания места действия - острова между Австралией и Новой Гвинеей. Если в первом абзаце эта тема связана с рассказчиком (в данном случае - автором), то во втором абзаце презентуется герой рассказа -

отшельник на одном из необитаемых островов в Тихом океане, и тема развивается дальше во взаимосвязи с этим человеком.

Повторы, осуществляя кореферентность номинаций, являются участниками анафорических отношений между антецедентом и заместителем. Показательным здесь является анафорическое употребление личных местоимений. Например:

1) *It appeared that the hermit had lived by himself on this remote and tiny island for thirty years, and when opportunity occurred provisions were sent to him by kind souls. He said that he was a Dane...* (W.S. Maugham).

Повторы полифункциональны. Основными функциями повторов являются:

- когерентная - связь фрагментов текста в единое целое.
- номинативная (топиковая) - выделение ключевых слов и тематических понятий.
- эксплицитная - эмоциональное и логическое усиление смысла.
- кореферентная - соотнесение с ранее названным референтом.
- прагматическая - эмоциональное воздействие на читателя.
- аккумулятивная - преодоление тенденции к стиранию из памяти аккумулированного ранее опыта

Анализ поверхностной, вербализованной структуры рассказа С. Моэма "Герман Харри" показывает, что в художественной прозе реализуется морфемный, лексический, синтаксический и анафорический повторы, причем один вид повтора выполняет несколько функций одновременно. Так, например, синонимические повторы *hermit - castaway, desolate sea - vacant sea, lonely place - deserted island* выполняют номинативную, кореферентную и аккумулятивную функции.

Общей для всех видов повторов является функция обеспечения помехоустойчивости сообщения путем создания его избыточности.

Избыточность тематической субструктуры не является чисто лексической. Явление кореферентности приводит к семантической избыточности, а возможность вовлечения в тематическую субструктуру с помощью смыслового вывода дополнительных референтов, тесно связанных с исходным, приводит к возрастанию семантико-смысловой избыточности тематической субструктуры сообщения.

Избыточность сообщения сводится к повторяемости его компонентов и их взаимосвязи (Miller 1963:103). Оба эти фактора избыточности прослеживаются в семантике как отдельного высказывания, так и связного сообщения.

Таким образом, повторы, являясь одним из средств интеграции текста, участвуют в актуальном членении сообщения, реализуют речевую полифункциональность в анафорической представленности референтов, в их эмоционально-экспрессивной данности, в аккумуляции предыдущего опыта, в обеспечении помехоустойчивости, а также семантической избыточности текста.

Литература.

1. Борчакова 1997: Борчакова, Дагмар. О связности в устных коммуникантах // Синтаксис текста. - М., 1997.
2. Мороховский 1984: Мороховский А.Н., Воробьева О.П. и др. Стилистика английского языка. - К., 1984.
3. Севбо 1969: Севбо И.П. Структура связного текста и автоматизация реферирования. - М.: Наука, 1969.
4. Чернов 1987: Чернов Г.В. Основы синхронного перевода. - М.: Высшая школа, 1987.
5. Miller 1963: Miller G.A. Language and Communication. - N.Y., ect., 1963.

С.И. Сотникова (Харьков)

ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЗМА В НЕМЕЦКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

Комическое и его проявления изучались и изучаются в основном на материале жанров литературы, искусства и фольклора с жанрово-стилистической доминантой комического. Однако комизм проявляется не только в этих жанрах, но и в других, где комическое не всегда составляет доминирующий признак, в частности, в народных сказках.

Элементы комизма, юмор могли проявиться в сказке как результат длительного процесса развития человеческого мышления, познания мира, когда при переходе от архаического способа мышления с его априорностью веры к рациональному мышлению на основе конкретного человеческого опыта происходил постепенный отказ от некоторых заблуждений, и прежняя сакральность, почитание божественного уже не представлялись более неоспоримыми, поэтому человек находил возможным критически переосмыслить свои прежние заблуждения. Так, обман и глупость, вызывающие комический эффект в сказках, часто связаны с ложными представлениями о реальности, в основе которых лежали какие-то неизжитые древнейшие представления (Юдин 1978: 29).

Прагмалингвистические средства создания комического эффекта играют ведущую роль в бытовых сказках (в терминологии немецких исследователей - Schwankmarchen, чем подчеркивается их близость со шванками как с фольклорным жанром с доминантой комического). Сюжет этих сказок строится как раз на использовании прагмалингвистических средств комизма, и само существование бытовых сказок предопределено использованием этих средств. Таким образом, можно говорить о жанрообразующей роли прагмалингвистических средств комизма в бытовых сказках. Они выражены в речевых и неречевых действиях персонажей и передают динамический аспект в изображении сказочных героев. Прагмалингвистические средства комизма в сказках представляют собой несоответствие конвенциональным образцам речевого взаимодействия, или нарушение постулатов коммуникации.

Авторами, исследующими круг проблем, связанных с речевым общением, были выделены основные постулаты коммуникации. (Грайс 1985; Ревзина, Ревзин 1971). Нарушение этих негласных правил может использоваться говорящим намеренно, с расчетом на то, что адресант правильно интерпретирует высказывание. Однако намеренное нарушение постулатов коммуникации может носить и скрытый для адресанта характер. Правила речевого общения могут нарушаться и ненамеренно, из-за незнания одним из собеседников того или иного фактора, релевантного для ситуации общения. Зачастую такие нарушения создают комический эффект. Комизм при этом замечается как собеседником, так и читателем (в случае употребления такого нарушения в художественном произведении). Для идентификации комического иногда позиция собеседника оказывается недостаточной (он не в состоянии оценить правильно отклонение от тех или иных норм, которое встречается в речи и/или поступках партнера по диалогу). В таком случае эффективной оказывается третья позиция - "наблюдателя" (Почепцов 1987: 40), в которой совмещены позиции автора, знающего истинное положение вещей, и читателя/слушателя, на которого автор рассчитывает, изображая тот или иной объект в комическом плане.

Для сказок как произведений коллективного автора, обращенных не к избранному, а к широкому кругу читателей/слушателей и оперирующих общепринятыми, общечеловеческими, хорошо известными понятиями и представлениями, характерно употребление в речевой коммуникации комических элементов, неординарный характер которых легко идентифицируется всеми членами социума и не требует специального объяснения. Поэтому и обнаружение определенных нарушений в коммуникации сказочных персонажей не вызывает затруднений у читателя/слушателя. Наличие или отсутствие комизма в таких нарушениях определяется с привлечением широкого контекстного окружения, с учетом всех элементов, релевантных для ситуации общения: причины, места, времени, условия, следствия, средств, формы, особенностей личности адресанта и адресата.

На основании этого стало возможным выделить встречающиеся в сказках виды отклонений от норм речевого взаимодействия, создающие комический эффект. Они представлены в нарушениях следующих постулатов: об общности кода и коммуникативной компетентности; об общей логике; об общей памяти; об искренности (правдивости).

1). Нарушение постулата об общности кода и коммуникативной компетентности может проявляться:

- в использовании говорящим и слушающим разных диалектных форм. Созданию иллюзии понимания способствует тот факт, что в коде, которым пользуется адресат, есть элементы, имеющие некоторое звуковое сходство с неправильно интерпретированными языковыми единицами (явление омонимии): *Der Mann verstand wegen ... ihrer Sprache nicht, was sie wollten, und fragte auf sein Trierisch: "Wat? Wat?" Da meinte der Herr Schulz,*

er spräche nicht anders als: "Wate, wate durchs Wasser" ... und hub an, ... in die Mosel bineinzugehen." (Grimms Märchen 1992: 375).

- из-за определенных помех в канале связи, в результате чего сообщение доходит до адресата несколько видоизмененным, деформированным (например, из-за большого расстояния в физическом пространстве между говорящим и слушающим). В такого рода коммуникации звуковой комплекс сообщения, имеющего одну семантическую структуру, частично утрачивается, и воспринимающий субъект реконструирует недостающие звенья, которые существенно отличаются от изначальных и имеют совсем иную семантическую структуру: *"Der andere rief zurück: 'Wie man's beut! Wie man's beut!'" Das bedeutet was man der Katze zu fressen gibt. Der Bauer aber meinte, der Wandersmann hätte gerufen: "Vieb und Leut! Vieb und Leut!" (Die Schildbürger: 107).*

- в виде псевдокоммуникации между человеком и животным. В полном смысле этого слова коммуникация между ними невозможна, но поскольку действующее лицо интерпретирует звуки как определенный код, который использует он сам, возникает псевдокоммуникация, неконвенциональный характер которой персонажем не замечается: *"Auf dem Heimweg mußte er an dem Teich vorbei, und da hörte er schon von weitem, wie die Frösche riefen: 'Ak, ak, ak, ak!' - 'Ja,' sprach er... 'sieben sind's, die ich gelöst habe und keine acht!'" (Grimms Märchen 1992: 26).*

- в неумении субъекта речи, который в достаточной степени владеет нужным кодом, использовать его в соответствии с ситуацией, в результате чего продукт речи оказывается неуместным в определенном контексте: *"Da sagte die Mutter: 'Wie kannst du reisen? Wir haben ja gar kein Geld, das du mitnehmen kannst.'" Da sagte der Sohn: 'Ich werde mir schon helfen, und werde immer sagen: 'Nicht viel, nicht viel, nicht viel!'" Da ging er nun eine gute Zeit dahin und sagte immer: 'Nicht viel, nicht viel, nicht viel!'" Kam er zu einigen Fischern und sagte: 'Gott helf euch! Nicht viel, nicht viel, nicht viel!'" - "Was sagst du, Kerl, nicht viel?" Und als sie das Fischergarn herauszogen, kriegten sie auch nicht viele Fische. Einer der Fischer ging daraufhin mit einem Stock auf den Jungen los und sagte: 'Jetzt sollst du mal deine Dresche sehen!'" und verdrosch ihn jämmerlich. "Was soll ich denn sagen?" fragte der Junge. "Du sollst sagen: 'Fang voll, fang voll!'" Da ging er wieder eine Zeitlang und sagte: 'Fang voll, fang voll', bis er an einen Galgen kam, wo gerade ein armer Sünder gerichtet werden sollte. Da sagte er: 'Guten Morgen, fang voll, fang voll!'" - "Was sagst du, Kerl, fang voll? Soll es denn noch mehr böse Leute in der Welt geben? Ist das noch nicht genug?"... "Was soll ich denn sagen?" - "Du sollst sagen: Gott tröste die arme Seele..." (Grimms Märchen 1992: 475). Сказочный глупец, неправильно интерпретируя иллокутивную силу высказываний партнеров по коммуникации, которая заключалась в порицании, осуждении его за действия в прошлом, воспринимает реплики коммуникантов как рекомендации относительно действий в будущем. В его вербальных и невербальных поступках наблюдается нарушение хронотопа, поскольку*

ретроспективная направленность высказываний заменяется на проспективную, и это происходит несколько раз, что способствует усилению, нагнетанию комического эффекта, подчеркиванию определенных негативных черт персонажа.

2). Нарушение постулата об общей логике здравого смысла, который заключается в том, что коммуниканты должны использовать общеизвестные правила логики для установления причины того или иного явления и уметь более или менее одинаково прогнозировать будущее (Ревзина, Ревзин 1971: 243). Комическая речь персонажей отражает особенности их мышления, которое основано на нарушении законов логики, абсолютизации, доведении до абсурда какой-нибудь одной стороны действительности, без связи с другими:

"Katherlieschen ... riegelte ... die Obertüre zu, aber die Untertüre hob es aus, nahm sie auf die Schulter und glaubte, wenn es die Türe in Sicherheit gebracht hätte, müßte das Haus wohl bewahrt sein ... "Da, Friederchen, hast du die Haustüre, da kannst du das Haus selber verwahren." (Kinder- und Hausmärchen der Brüder Grimm 1961: 282-283).

3) Нарушение постулата об общей памяти (Падучева 1982: 86; Ревзина, Ревзин 1971: 243). Одной из предпосылок полноценной коммуникации является наличие у партнеров общего фонда знаний о мире вообще и сведений о конкретной ситуации общения. Основу для комизма создает несоответствие между необходимыми знаниями, которые носят элементарный характер, и фактическими, довольно скудными, которые отражают субъективную картину мира персонажей, отличающуюся от общепринятой: *"Nun kam es <das Katherlieschen> an einen Berg, wo auf beiden Seiten des Wegs tiefe Fabrgleise waren. "Da sehe einer;" sprach Katherlieschen, "was sie das arme Erdröck zerrissen, geschunden und gedrückt haben! Das wird sein Lebttag nicht wieder bell". Und aus mitleidigem Herzen nahm es seine Butter und bestrich die Gleise, rechts und links, damit sie von den Rädern nicht so gedrückt würden". (Grimms Märchen 1992: 279).* Пресуппозицией такого высказывания является неправильное определение качеств референта из-за воображаемого внешнего сходства между дорожной колеей и раной.

4). Нарушение постулата об искренности (правдивости) (Грайс 1985: 222; Ревзина, Ревзин 1971: 243; Giese 1992) носит, в отличие от рассмотренных выше случаев, преднамеренный характер и имеет целью ввести в заблуждение собеседника по коммуникации. Для установления комичности речевого введения в заблуждение нами привлекаются для анализа не только объект высказывания (содержание), его средства и форма, но также и отношения между участниками коммуникации, причина, условия, цель и следствие речевого действия. Речевое введение в заблуждение вызывает комизм, если используется положительным персонажем по отношению к отрицательному или находящемуся в более выгодном, привилегированном положении, имеет цель наказать или осмеять адресата, причиной чего послужили определенные отрицательные черты или действия

последнего. Данное нарушение постулата общения как элемента комизма используется в сказках в таких разновидностях:

а) со стороны говорящего:

- относительно пропозициональной установки (т.е. говорящий совершает иллокутивный акт, не имея на самом деле пропозициональной установки, предъявленной или выводимой в соответствии с правилами искренности (правдивости). Комизм создается тем, что пропозиция такого речевого действия, представляющего собой ложь, содержит указание на неконвенциональные, невозможные события, несуществующие в действительности объекты и т.п.; и такой алогизм носит явный характер (напр., в сказке "Das Bürle" крестьянин выдает ворону в мешке за прорицателя).

- относительно структуры коммуникации (такое речевое действие направлено на создание перлокутивного эффекта по отношению не к партнеру по диалогу, а к третьему лицу, которое считает себя посторонним наблюдателем; в этом случае происходит инсценирование интеракционной структуры, которой на самом деле не существует - напр., в сказке "Die kluge Gretel").

- путем неискренного упущения фактов (нарушение первой максимы количества по Грайсу). Умалчивая информацию, релевантную и необходимую для ситуации общения, говорящий преследует цель заставить реципиента неправильно интерпретировать высказывание (напр., фраза портняжки "Sieben auf einen Streich!" в сказке "Das tapfere Schneiderlein").

б) со стороны слушающего:

- относительно пропозиционального содержания или иллокутивной силы высказывания (слушающий инсценирует непонимание, используя неоднозначность в высказывания собеседника).

- путем умолчания фактов, релевантных для ситуации общения (слушающему выгодно неверная информированность говорящего, и он не сообщает субъекту речи о том, что тот ошибается).

Литература.

1. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // НЗЛ, Вып. 16. - М.: Прогресс, 1985. - С.217-237.
2. Падучева Е.В. Тема языковой коммуникации в сказках Люиса Кэррола // Семиотика и информатика, вып. 18. - М.: ВИНТИ, 1982. - С.76-119.
3. Почепцов Г.Г. Коммуникативные аспекты семантики. - К.: Вища школа, 1987. - 131с.
4. Ревзина О.Г., Ревзин И.И. Семиотический эксперимент на сцене: нарушение постулата нормального общения как драматургический прием // Труды по знаковым системам: Сб.ст. - Тарту, 1971. - Вып. 284. С.235-254.
5. Юдин Ю.И. Роль и место мифологических представлений в русских бытовых сказках о хозяине и работнике // Миф. Фольклор. Литература /АН СССР, Ин-т русской литературы. - Л.:Наука, 1978. - С.16-37.
6. Giese B. Untersuchungen zur sprachlichen Tauschung. - Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1992. - 140S.
7. Grimms Märchen. - Wien, Genf, München, New York: Lechner, 1992. - 640S.
8. Kinder- und Hausmärchen der

Brüder Grimm. - Berlin: Der Kinderbuchverlag, 1961. B.1. - 360S. 9. Die Schilbürger. - Berlin: Der Kinderbuchverlag, 1965. - 115S.

И.И. Степанченко (Харьков)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК СИСТЕМОЕ ЯВЛЕНИЕ В ЯЗЫКЕ

Данная проблема является актуальной, так как, во-первых, изучение языковых контактов занимает важное место в современной лингвистике, во-вторых, исследований достаточно полного состава иноязычных элементов, перешедших из одного языка в другой, все еще мало. Чаще всего иноязычные элементы исследуются в общетеоретическом плане и на материале отдельных принципов, а не сплошной выборки. Этой проблеме, а именно, системному семантическому анализу французских лексических заимствований в украинском литературном языке, посвящена монография В.П. Симонок "Мовна картина світу. Взаємодія мов" /Симонок, 1998/.

В украинском языкознании французские заимствования в украинском языке не подвергались системному исследованию. Обычно лексика французского происхождения рассматривалась попутно с изучением других явлений (И.К. Белодед, М.А. Жовтобрюх, В.М. Русановский и др.). Такие общие суждения имеют большое теоретическое значение, однако не могут дать полного представления ни об объеме лексики французского происхождения в украинском языке, ни о процессе ее заимствования и освоения, ни о месте в лексической системе украинского языка и в языковой картине мира (ЯКМ). В связи с этим выявление роли французских лексических заимствований в ходе становления и развития украинского литературного языка, определение их места в украинской языковой картине мира, рассмотрение многосторонних семантических связей с другими словами является актуальной лингвистической задачей.

Следует отметить интересный подход автора монографии к рассмотрению иноязычных наименований, объединенных семантической общностью не только в таксономическом, но и в структурно-семантическом плане. Впервые французские заимствования рассматриваются в связи с их местом в украинской языковой картине мира, изучаются наиболее проницаемые и непроницаемые для заимствования зоны, место и функционирование иностранных слов в лексической системе украинского языка. Этому вопросу в работах о языковых контактах обычно почти не уделялось внимания. Целесообразным и новым в украинистике является использование понятий языковая картина мира (ЯКМ) и концептуальная картина мира (ККМ).

Говоря о соотношении и различии этих двух моделей мира (концептуальной и языковой) В.П. Симонок отмечает, что основное содержание языковой картины мира покрывает все содержание концептуальной картины мира.

Автор монографии обращает внимание на то, что за пределами концептуальной картины мира остаются периферийные участки, которые выступают как носители дополнительной информации о мире. При заимствовании происходит своеобразное наложение фрагментов языковой картины мира языка-акцептора на языковую картину мира языка-рецептора. Те заимствования, которые входят в систему языковой картины мира, вступают в жесткие структурные связи со словами принимающего языка, но некоторая часть остается на периферии словарного состава, отражая элементы языковой картины мира языка-донора.

Автор подчеркивает, что это положение является существенным для характеристики иноязычной лексики, так как лексические заимствования не просто добавляются к существующему словарю, а включаются в лексическую систему заимствующего языка, и следовательно, в его языковую картину мира.

Рассматривая французские заимствования, В.П. Симонок не только дает им общую характеристику, но и определяет их место в языковой картине мира украинского языка, относя их преимущественно к той части универсума, которая определена словом "человек". Наибольшая часть галлицизмов локализована в тех частях языковой картины мира, которые характеризуют человека по социально-трудовым отношениям, лишь часть из них характеризует человека по физическим и психическим признакам. Автор определяет, что мало проницаемой для заимствования является зона, связанная со Вселенной, где заимствования представлены отдельными словами, нередко имеющими локальные семы. В.П. Симонок вполне логично считает, что такое распределение иноязычных элементов обусловлено тем, что контакты между народами и языками в основном происходят в области трудовых и общественных отношений, мобильных по своей природе и это находит отражение в языке. Понятие же об окружающем мире и соответствующая система наименований формируется на ранних этапах развития языка преимущественно из исконных элементов.

Обращает на себя внимание исторический очерк становления корпуса французских заимствований в украинском языке на различных этапах его развития. Автор прослеживает пути заимствования, определяет языкопосредники, выявляет степень интенсивности заимствования из французского языка в украинский на различных этапах его развития. Интересными являются выводы о существовании в ряде случаев цепочки посредников для проникновения французских слов в украинский (французский-немецкий-польский-украинский; французский-русский-украинский и т.д.). В связи с вопросом о языках-посредниках целесообразно было бы более детально осветить вопрос о путях заимствования французских слов в ук-

раинский на Левобережной и Правобережной Украине и об особенностях их освоения в этих районах.

Интригует гипотеза о том, что после экспедиции Б. Хмельницкого и И. Сирко во Францию некоторая часть заимствований могла проникнуть в украинский непосредственно, однако это, к сожалению, только гипотеза.

Возможно, несколько нарушает композиционную целостность работы раздел о посредничестве украинского языка при заимствовании иноязычных элементов в русском.

Хотелось бы также отметить третью главу, где на материале заимствованных из французского языка в украинский наименований лиц характеризуются результаты семантического освоения иноязычных элементов лексической системой украинского языка, различные типы их парадигматических связей с исконно украинскими и заимствованными из других языков словами. Вполне оправдано стремление автора показать семантические и стилистические различия слов-синонимов различного происхождения. При этом в зависимости от общего семантического содержания группы в ней могут преобладать гипер-гипонимические, синонимические, антонимические связи.

Не вызывает сомнений суждение автора о том, что в украинском языке могут существовать две или несколько парадигм слов, отражающих явления собственно украинского быта или быта других народов, причем слово может выходить за пределы одной парадигмы и входить в разные парадигмы с разным значением.

Таким образом, В.П. Симонок доказывает, что основная часть французских заимствований органически вписывается в языковую картину мира украинского языка, однако существуют слова, которые остаются на периферии картины мира заимствующего языка и употребляются при изображении жизни французского общества.

Представленные в монографии выводы представляют научный интерес и могут найти широкое применение в лингвистической теории и практике.

Литература.

Симонок В.П. *Мовна картина світу. Взаємодія мов.* - Х.: Основа, 1998. - 170 с.

Н.И. Сукаленко (Харьков)

О РАЗЛИЧНОЙ СТЕПЕНИ СОКРЫТИЯ СМЫСЛОВ КУЛЬТУРНЫХ ТАКСОНОВ

Несмотря на тот факт, что язык является главным инструментом для фиксации человеческого сознания в целом и культурного сознания в частности, слово, как правило, выражает свой смысл неэксплицитно. Более того, Л. Витгенштейн в "Логико-философском трактате" подчеркивает,

что "язык скрывает мысль" (цит-ся по Вежибская 1996:17). М.Мамардашвили отмечает, что слово, "наклеенное на вещь, как будто сразу эту вещь от нас закрывает (Мамардашвили 1995:83).

Вместе с тем, по-видимому, существуют различные степени сокрытия смыслов в качественно неоднородных группах культурных концептов, иначе говоря, различная степень отрефлексированности культурных таксонов, эксплицировать которую помогает межкультурная коммуникация.

Наиболее отчетливо отрефлексированы в сознании носителей языка базовые метафоры и устойчивые сравнения, в основе которых лежат как эмпирические, так и мифологические реалии. По всей вероятности. Именно предметная привязка обеспечивает полное погружение членов данного коллектива в глобальный всеохватывающий эфир собственной культуры. По М. Мамардашвили, "между предметом, волнующим меня в мире, и мною (в нашем конкретном случае - между предметом и народом - Н.С.) лежит громадная область проработки" (Мамардашвили 1995:170). Примитивный, "утробный", по выражению известного психолога П.В. Симонова, смех неприятия чужой культуры возникает в тех случаях, если предметные источники метафор и сравнений "проработаны" в двух культурах с диаметрально противоположных оценочных позиций, если при тщательной "проработке" в одной из культур исключительно под знаком положительной оценочной модальности те же самые объекты в другой культуре остаются незамеченными или скорее оцениваются отрицательно. Тем более, что для прямопротивоположной оценки одних и тех же объектов в разных культурах существует глубинное, онтологическое объяснение специфики эстетического восприятия. Ср. в этом плане рассуждение М. Мамардашвили: "Эстетическое качество предмета не имеет никакого значения для открытия красоты. И сколько я увижу цветков, не имеет значения. Одного цветка достаточно. Более того, это может быть даже не цветок, это может быть бензин" (Мамардашвили 1995:51). Как нельзя лучше подтверждает высказанную М. Мамардашвили мысль воспоминание И.А. Бунина о самом ярком впечатлении детства и всей его жизни, связанном с ... ваксой: "Всего же поразительнее оказалась в городе вакса. За всю мою жизнь не испытал я от вещей, виденных мною на земле, - а я видел много! - такого восторга, такой радости, как на базаре в этом городе, держа в руках коробочку ваксы. Круглая коробочка эта была из простого лыка, но что это было за лыко и с какой несравненной художественной ловкостью была сделана из него коробочка! А самая вакса! Черная, тугая, с тусклым блеском и упоительным спиртным запахом!" (Бунин 1966:11-12).

Так, национально-культурная специфика башен, колонн, столбов настолько прочно вошла в плоть и кровь ближневосточного поэтического сознания, что с башнями и мраморными столбами стали сравнивать не только стройные, красивые ноги, руки, шею, но даже нос и сосцы. Японистка Л. Громковская в книге "Сто первый взгляд на Японию", вспоминая годы университетской молодости, пишет о том, в какое безудержное веселье их всегда

приводило придуманное преподавателем-японцем название кружка любителей японской поэзии "невские водоросли", немедленно переделанное участниками в "невских недорослей" (Громковская 1991:241).

Такие же антиномические конструкты, как русск. *душа* и *тело*, *ум* и *сердце*, англ. *body* и *mind* (противопоставление материального компонента - *тела* - интеллектуальному компоненту - *уму* -), русск. *поэзия* и *проза* от-рефлексируются значительно в меньшей степени и эксплицируются только с помощью фразеологии, многочисленных контекстов из художественных произведений, фольклора и т.д. И вследствие их несопоставимо более глубинного уровня бессознательности по сравнению с расхождением предметных, физических реалий несовпадение подобных антиномий при столкновении культур не только не вызывает "примитивного", "утробного" смеха, но и замечается в первую очередь только специалистами.

Наконец с огромным трудом поддаются рефлексии такие трудно уловимые, почти эфемерные для экспликации аксиомы этнопсихологии, по А. Вежбицкой, а может быть, и шире - аксиомы обыденной социологии и даже обыденной философии, как русск. *авось*, исп. *duende*, франц. *engagement* и т.д.

Сущность чувственной иррациональной специфики подобных представлений, необычайно эмоциональных для сознания данного народа и почти не поддающимся логическим определениям, раскрывает А.Ф. Лосев: "Если для вас одно это слово само по себе, без всяких разъяснений, еще ровно ничего не говорит - тогда поможешь ли делу логически точными определениями? Тут не логика. Тут человеческая жизнь. Тут кровь человеческая". / А. Лосев. Родина. // Лит. Газета. - 1990. - 24 янв. - с.6 //.

Тончайшим образцом толкования такого иррационального, специфически испанского понятия, как *duende* является его экспликация в специально посвященной анализу этого объекта лексики Ф.Г. Лорки (Лорка 1986:391-401).

Прежде всего *duende* - это иррациональная сила, которую все испанцы чувствуют и никто не может объяснить. Она наглядно чувственна, поэтому "просторней ей в живом человеческом теле - музыке, танце и устной поэзии". *Duende* надо будить в тайниках крови, это приходит изнутри, "от самых подошв". *Duende* - это празднично демоническая сила, возносящая человека к вершинам его ярости, гнева и плача.

Duende сокрушает в искусстве, литературе все каноны, иссушает, сметает "уютную затверженную геометрию", ломает стиль, вливает свою кровь и жизнь в дотла выжженную форму. *Duende* открывает новое измерение, но при этом старые формы плавятся в усилия, перерастающем их очертания.

Duende - это гибельно-праздничное начало. В русской литературе аналог подобного впечатления дал Пушкин в "Пире во время чумы" в хрестоматийно известных строчках: "Есть упоение в бою и бездны мрачной на краю, и в разъяренном океане, средь грозных волн и бурной тьмы, и в аравийском урагане, и в дуновении чумы". Но в русском национальном

сознании оно не закреплено в языковом словесном понятии, не используется в качестве оценки для произведений искусства, литературы.

В какой-то мере аналогично пушкинскому впечатлению представление, которое скандинавы называют "амоком" (состояние, в котором викинги были непобедимы, сражаясь в каком-то странном опьянении, максимализирующем их силы) (Мамардашвили 1995:186).

А. Вежбицкая, считая, что частица *авось* занимает важное место в русском способе мышления, определяет ее смысл как "отношение, трактующее жизнь как вещь непредсказуемую: нет смысла строить какие-то планы и пытаться их осуществлять; невозможно рационально организовать свою жизнь, поскольку жизнь нами не контролируется; самое лучшее, что остается делать, это положиться на удачу (Вежбицкая 1996:78-79). На невозможность сегодня организовать свою жизнь как на "решающий внутренний психологический и социальный механизм русской культуры" указывает М. Мамардашвили: "Всегда завтра... А сегодня можно делать, что угодно" (Мамардашвили 1995:34). Но и данный культурный архетип можно рассмотреть под несколько иным углом зрения, изменив акценты: не стоит утрачивать надежду и отчаиваться даже в самых безнадежных ситуациях. При подобной актуализации концепта он оказывается связанным с таким архетипом русской культуры, как *лихость*, *удаль* (ср. *где наша не пропадала, будь что будет, была не была!*). Точно так же, как Ф.Г. Лорка о *duende* можно читать лекции о русских представлениях, связанных с *интеллигенцией*, *интеллигентностью*, японском *гири* (букв. лицо) и т.д. и т.п., словом обо всех национально-специфических культурных понятиях, в которых эмоциональный ореол, эмоциональное излучение неизмеримо сильнее сигнификативной части.

Теоретически интерпретаций *duende*, как и других ключевых слов любой культуры, может быть бесчисленное количество (не случайно Ф.Г. Лорка назвал свою лекцию "Тема с вариациями"). Принципиальная неопределенность количества вариантов - следствие спресованности смыслов культурных концептов, которые чрезвычайно сложно разделить на составные компоненты. Так, французская страсть (*engagement*), которая является, по мнению М. Мамардашвили, "устойчивым архетипом французской культуры и архетипом появления всего значительного в ее литературе - это то, что очень трудно ухватить". Это мания и смелость поставить себя целиком на карту в реальном "светском" испытании (Мамардашвили 1995:14).

В причудливой мозаике смыслов ключевых слов культуры соседствуют более поверхностные синхронные компоненты обыденного сознания с глубинными, сокрытыми временем диахроническими интерпретациями. Ср., к примеру, образ *интеллигенции* в сознании обычного носителя языка, с одной стороны, и анализ истории формирования этого культурного концепта в книге Ю.С. Степанова "Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования". - М.: Школа "Языки русской культуры", 1997, с другой стороны.

Преобладание же эмоционального ореола над сигнификативной частью создает принципиально открытый ряд ассоциаций, так как эмоции в силу индивидуальной природы субъективны.

Литература.

1. Вежицкая А. Язык, культура, познание. - М.: Русские словари, 1996.
2. Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. - М.: Худож. лит., 1966. - т. 6.
3. Громковская Л.Л. Сто первый взгляд на Японию. - М: Наука, 1991.
4. Лорка Ф.Г. Избранные произведения: В 2 т. - М.: Худож. лит., 1986. - т. 2.
5. Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте. - М.: Ad. Marginem, 1995.

Y. Tarasova (Kharkiv)

"SOCIAL" BEHAVIOR: A CROSS-CULTURAL SOCIO-PRAGMATIC OVERVIEW OF ENGLISH AND RUSSIAN STRATEGIES

As socialized individuals we spend most of our time interacting with others. Most of the talk we do is "transactional" (Cheepen 1988), i.e. done to accomplish specific pragmatic tasks: to buy something, find out or pass information, get a job, etc. But there are times when we talk just for the pleasure of it. This usually happens when we get together with friends, co-workers, or sometimes total strangers over coffee or dinner (a typical Russian/Ukrainian cultural scenario will certainly include a bottle of vodka), and just "have a chat". And when we do that we want to feel at ease with our interlocutors and ourselves. It is to this type of informal leisured talk in which we are most relaxed and most ourselves and which best satisfies "our human instinct for sociability" (Simmel 1961) that we would normally apply the label "social talk", and which appears to be, on closer scrutiny, a microcosm of surprising cultural richness and relevance.

As a unit of pragmatic analysis social talk can be viewed as a communicative event - an event of being together in a social way bound in time and space and governed by its own rules of interaction. In this highly structured form of social "co-performance", its participants-"actors" follow a shared program, coordinating and organizing their efforts around a certain interactional goal.

Social talk (and the idea of sociability itself) assumes symmetrical relations - a meeting between equals and as such is inseparable from the notions of solidarity and cooperation. The present paper focuses on bonding and supportive solidarity rituals and strategies employed by the speakers of English and Russian by contrasting what is known as "small talk" with what can be regarded as its counterpart in Soviet and post-Soviet tradition of social behavior. It appears that in the two cultures in question, this kind of informal interaction finds expression in dramatically dissimilar forms of talk involving widely different sets of speech acts. It is also known to be extremely error-prone cross-culturally.

Small talk is one amazing cultural activity which to many people from the former Soviet Union probably caused more communication failures and instances of cross-cultural misunderstanding than any other. That was largely due to our negative perception of this speech activity which stemmed from its existing definitions. Thus, Coupland, Coupland and Robinson (1993) characterise it as "referentially deficient and communicatively insignificant". Wolfson (1981) offers insincerity as its outstanding feature. Turner (1973) calls small talk "semantically empty". Leech (1974) stresses the uncontroversial nature of small talk referring to it as "dull and pedestrian".

However, as our interactive experience with the Anglo-Saxons grew, we began - grudgingly - to adopt a more favourable view of small talk. After we reached a certain degree of socialization in the Anglo-Saxon culture we learned to appreciate some of its value. We realized that small talk can in fact be energy and face saving, that banalities, surprisingly, help to develop a non-threatening relationship for the duration of the exchange, reduce the discomfort of being face-to-face with strangers and maintain harmony in interaction. It also penetrated gradually that Anglo-Saxons practice small talk so widely because **the pattern is rooted in their cultural individualism** which restricts spontaneous speech behavior and prescribes low-involvement interactional styles, in which great value is placed on the autonomy of every individual and respect for everybody's privacy. All this determines the nature of small talk which should be non-assertive, non-argumentative, non-confrontational, and releasing very little information. Shared solidarity expectations are met by communicating on a relatively superficial level, avoiding verbal intimacy, choosing non-informative topics (like "the weather", "the beauty of gardens", or "the incompetence of bureaucracies"), and a very limited disclosure of self.

This, inevitably, makes small talk a highly conventional and stylized communicative activity. The participants preference of regulated forms of conversation makes them rely on routines and ready-made scripts - those "islands of reliability" (House 1996:227), - which allow to predict upcoming moves, reduce creative effort and can be realized by means of a fairly small set of speech formulae and cliches. The language is used in very predictable ways and consists of more or less automatic utterances and responses, the syntax of which is formulaic, lexical and grammatical variation minimal. Small talk also involves a rather limited repertoire of speech acts. These are mainly greetings, compliments and vague (also called "mock" or "empty") invitations, like: "We must certainly meet and talk one of these days, I'll give you a call", which people from other cultures lacking in cross-cultural pragmatic competence often make the mistake of taking at their face value.

All this results in small talk tone being predominantly low-keyed: unemotional, dispassionate, impersonal and rather detached.

By contrast, the tone of the Russian/Ukrainian sociable talk is distinctly high-keyed - animated, challenging, and showing a great deal of involvement. We tend to express our opinions forcefully, some even say, dogmatically, with

a tendency to overstate. It is not uncommon to hear interruptions, overlapping speech, incomplete utterances and several people talking simultaneously. There is also a big focus on the personal: Russian and Ukrainian communicators engage in self-disclosures on a large scale, on a large variety of topics and often with great intimacy, they also interact in ways which are more direct and content-focused, and they are much less prone to use verbal routines than their Anglo-Saxon counterparts. All of this makes our sociable chat assertive, self-revealing, often confrontational and displaying strong emotionality. It is also known to entail certain cultural prejudices: feeling threatened by our interactional styles, our Western conversation partners not infrequently assess us aggressive, bossy and domineering.

Like all negative stereotypes, however, these deserve the benefit of a doubt and can be questioned if one tries to explore the cultural logic of Russian sociable talk and look at it as something paradigmatic: as part of a **larger cultural ritual of cooperation and solidarity**. It can be argued that our informal sociable chat constitutes our resistance and our creative reaction to the tensions and contradictions of our social life and a covert assertion of alternative values.

Because spontaneous, unrestrained displays of emotion and involvement are approved cultural norms, the traditional forms our sociable talk takes would typically involve **argument, complaining and trouble-talking, commiseration and advice-giving**.

The pragmatically remarkable feature of our argument is that, though competitive, confrontational and imposing, open expressions of disagreement are experienced by Russian/Ukrainian speakers as, paradoxically, bonding, based on the underlying assumption of mutual trust. The topics we argue about are almost always highly disputable and controversial, the ones that are bound to provoke disagreement: "the fates of mankind", world politics, ideological and philosophic issues, etc. But even neutral and "harmless" topics can lead to disagreement in such cases, because talk that is argumentative in form can and does have **sociable functions** for the participants. Our arguments are not only passionately expansive but are also characterised by "fluidity of argumentative frames" (Shiffrin 1988). Yet such disputes are highly valued as activities designed to show that the interactants' relationship is close enough to withstand even serious disagreement, and this is where the positive solidarity value of argument lies.

But to treat our arguments merely as routinized solidarity displays would be simplifying matters and underestimating their socio-cultural impact. Our preference for argument as a solidarity strategy stems from complex sources: in part, it comes from the pleasure which sociable interaction in itself affords. But there may also be a considerable amount of satisfaction to be gained from competition and struggle, and argument is always a form of conflict, a struggle for dominance and power, and this being the case, it inevitably creates inequality. So, the result is often a unique effort of balancing solidarity and power. No wonder, our sociable talk is not at orderly, and does not

proceed in coordinated blocks (as does small talk) but rather in a series of "jumps", and these "jumps" and unpredictable changes of topics, etc. are all symptoms of an unavoidable tension that characterizes such disputes, guided simultaneously by socio-pragmatic norms of cooperation and competition. And it is this blend of two seemingly incompatible notions that makes participation in an argument so much a feature of our post-communist peer culture and our culturally specific form of solidarity.

A possible cultural interpretation of the phenomenon may be that for decades, our informal sociable chat has remained the only domain where most people could make themselves heard - express their genuine, heart-felt views, attitudes or ideas. And more often than not, our heated discussions are motivated by our pathetic need to gain attention to ourselves, establish who we are, how we rate to others and what we think about how the world around us is. This competition for attention is, in fact, the struggle by each individual to establish his/her relative worth, negotiate his/her personal identity. This can also be the reason why, as distinct from small talk, our sociable chat includes solo and verbal dueling, as well as all-together conversation.

In our highly collectivist culture, we had to operate and survive in a society of supposedly horizontal relationships in which people were not encouraged to stand out from "the ranks". The common slogans were: "individuals are interchangeable", "nobody is irreplaceable", so that people were taught to look at themselves and were treated socially as "spare parts". Given such over-all socio-cultural ecology, it was understandable that individuals sought ways to escape "dispersonalization", express themselves somehow, and thus keep their identity. This could also explain the fact that we see even serious argument as less of a threat to our personal relationships than do members of the Anglo-Saxon cultures, and tolerate a considerable amount of passion and even aggressiveness in our sociable talk.

Other vehicles of solidarity and involvement Russian/Ukrainian communicators favor are **complaining, trouble-telling, commiseration and advice-giving**. Many commented on suffering as part of the Russian (and Ukrainian) identity - personal and national, some even stressing that "Russians elevated suffering to a sophisticated discursive art" (Ries 1997). After all, wasn't it Dostoyevsky himself who said: "Русский народ упивается собственным страданием" (Дневник писателя). But again, as melodramatic as they may seem, all those colorful narrations of grievances, stressful life events, worries and afflictions, those laments of hopelessness and frustration and litanies of suffering represent **culturally patterned expressions** that mirror the conditions of our social life - our social and economic insecurity in the first place. And this is not something that was born of the totalitarian system only but goes much deeper in the history of our people in which spiritual merit has always been associated with hardship and poverty.

The complaints we use are mainly of the kind that Boxer (1993) calls "gripping and grumbling" or **indirect complains**, i.e. those which do not hold the

addressee responsible for a perceived offence and, consequently, are not face-threatening acts. One of the "pet themes" is **self-denigration**: it is believed in our culture that self-disclosures of personal weakness and vulnerability help to generate familiarity and increase intimacy by face-honoring the recipients.

We also indulge in complaining and trouble-telling for their deep remedial potential. Both are so much part of our culture because they are inseparable from receiving compassion and sympathy in return. The complainer or trouble-teller expects and receives what is his due - emotional reciprocity and support - at least temporary and superficial. These would often take the form of "outbursts of heart" - pragmatic strategies whose aim would be to express straightforward agreement, elaborate on the speaker's complaint, confirm its validity - indirect complaints are seldom challenged or contradicted.

Advice-giving is another form of displaying affect towards interlocutors, advice is typically offered in the form of the imperative.

On the whole, we find remedial exchanges of both kinds: complaint-com-miseration and trouble-talkig - advice-giving, extremely suitable for "humanizing" the talk by creating what Coates (1997) calls "collaborative floor", i.e. making conversational space available to all participants.

If we try now to examine cultural variation of sociability and solidarity strategies in terms of Brown and Levinson's theory of politeness (1987), and their notions of positive and negative face, and if, following Lim and Bowels (1991), we accept the extended conceptualization of positive face as having two distinct dimensions: a) the want to be included, and 2) the want that one's abilities be recognized and respected, there seems to be every evidence to indicate that Russian/Ukrainian communicators certainly tend to use more positive politeness strategies, which can be described as "approach-based", since they actively promote penetration of ego-boundaries. In contrast to that, solidarity markers that figure in small talk are mostly "avoidance-based" and are oriented toward negative politeness, stressing formality, mitigating imposition, minimizing face-threatening costs of the speech act used.

To conclude: participating in sociable talk, both Anglo-Americans and Russians/Ukrainians try to accomplish the same goal - to present an attractive sociable picture of themselves to others, but the means of self-presentation apparently differ across the two cultures, and the differences (some of which have been described above) can be linked to culture specific communicative ideologies, solidly embedded in the respective socio-cultural and ethno-psychological contexts.

References:

- Boxer, D. 1993: *Social distance and speech behavior: the case of indirect complaints* // "Journal of Pragmatics", v.19, p. 103-125. Brown, P., Levinson, S. 1987: *Politeness*. Cambridge: Cambridge University Press. Cheepen, C. 1988: *The predictability of informal conversation*. Pinter Publishers. London, New-York. Coates, J. 1997: *Conversation between women friends. Women, men and language*. London. Longman. Coupland, J, Coupland, N., Robinson, J.T. 1993:

"How are you?" Negotiating phatic communication//*"Language in Society"*, v.21, p. 207-230. House, J. 1996: *Routines and metapragmatic awareness*//*"Studies in Second Language Acquisition (SSLA)"*, Cambridge University Press, v.18, #2, p. 378-418. Leech, G.N. 1974: *Semantics*. Harmondsworth: Penguin. Lim, T.C., Bowels, J.W. 1991: *Facework: solidarity, approbation, and tact*//*"Human Communication Research"*, v.17, #3, p 415-450. Ries, N. 1997: *Russian talk (culture and conversation during perestroika)*. Cornell University Press. Shiffrin, D. 1988: *Jewish arguments as sociability*//*"Language in Society"*, v.13, p. 311-335. Simmel, G. 1961: *The sociology of George Simmel*. K Wolf (ed.). New-York: Free Press.

Arthur A. Tyutenko (Charkow)

ZUM PROBLEM DER PRODUKTION UND REZEPTION VON GRUPPENWISSENBEZOGENEN ANSPIELUNGEN IN KABARETT-SPRACHE DER DEUTSCHEN PRESSEJOURNALISTIK

Eine der oft zitierten Definitionen aus der Schrift von Jürgen Henningsen Theorie des Kabarets behandelt das Kabarett als ein "Spiel mit dem erworbenen Wissenszusammenhang des Publikums" (Henningsen 1967). Weiterhin in diesem Artikel werden unter Begriff von Kabarett schriftliche und mündliche Darbietungen in Vers oder Prosa mit witzigem, satirischem, aktuell-politischem oder erotischem Inhalt und von scharf pointierter Form verstanden. Solche Definitionen treffen zweifellos auf die Sprache von einigen journalistischen Texten zu, obwohl das politische Element im Vordergrund steht und das erotische kaum zu belegen ist. Außerdem ist die Presse lediglich auf die geschriebene Sprache angewiesen, was gewisse Einschränkungen für den Sender in seiner Wahl von Ausdrucksmitteln setzt. Die vier am meisten bekannten Methoden des Kabarets - Travestie, Parodie, Karikatur und Entlarvung - sind mit unterschiedlicher Frequenz auch in der Pressesprache zu finden. So bedienen sich Journalisten viel häufiger der Karikatur und Entlarvung, aber Travestie und Parodie kommen sogar in phantasie- und meinungsbetonten Texten offenbar kaum vor, wenn es auch bescheidene Versuche gibt, den Redestil von einigen Prominenzten aus Politik und Wirtschaft zu parodieren oder etwa bei angemessenem Inhalt in der "Sprache" der Werbung zu schreiben. Die Methoden des Kabarets sind vor allem Wege der Bewußtseinsbeeinflussung des Empfängers, was durch eine umfangreiche Auswahl von stilistischen und rhetorischen Mitteln wie Auslassung, Reimzwang, Stilisierung, Abstraktion, Analogisierung, Anspielung, Wortwitz, Kontamination erreicht wird, die obwohl nicht spezifisch für das Kabarett sind, kommen aber kaum irgendwo sonst in solcher Mannigfaltigkeit vor. Bei den weiteren Ausführungen in diesem Beitrag setzt sich der Autor das Ziel, in konzentrierter Form eines von solchen Mitteln, die Anspielungen, mit besonderer Beachtung ihrer Produktion und Rezeption zu behandeln.

Da Presse, wie bereits erwähnt, sich allein der schriftlichen Sprache bedient, kommen einem Wortwitz und Sprachspielereien zentrale Funktionen

zu. Sprachliche Elemente, die sonst mit bestimmten charakteristischen Vorstellungsbereichen verknüpft sind, werden "verpflanzt", in ungewohnte Umgebungen gezwungen. Dadurch entsteht ein Verfremdungseffekt, was eine Ähnlichkeit der publizistischen und der literarischen Texte so deutlich macht. Der Begriff der Verfremdung ist offenbar für die Sprachspielereien der Pressejournalisten zentral. Solche Art der Verfremdung durch sprachliche Zeichen wird auch als literarische Verfremdung bezeichnet (vgl. Link 1974). Der Begriff der Verfremdung stammt aus dem Bereich der Dramaturgie und bezeichnet die im Zusammenhang mit der These des epischen Theaters von B. Brecht geforderte Distanz des Schauspielers zu der von ihm gespielten Rolle und des Zuschauers gegenüber den dramatischen Vorgängen. Für die sprachliche Verfremdung mangelt es noch weitgehend an Definition und Untersuchungen aus rein linguistischen Gesichtspunkten. Wir werden darunter das beabsichtigte Abweichen von der sprachlichen, vor allem der semantischen Erwartungsnorm und von einem vorgegebenen sprachlichen Zusammenhang verstehen, das durch verschiedene sprachliche Manipulationen, wie z.B. durch Wortwitz oder Anspielung, erreicht werden kann. Das Kabarett zählt zu den verfremdungsreichen Textklassen, die bewusst von der sprachlichen Erwartungsnorm abweichen, um besondere Effekte zu erzielen. Die Verfremdung bezeichnet dabei die Methode, während das Ergebnis poetisch-künstlerische Wirkung oder in der Pressesprache sogar in den meisten Fällen Humor, Ironie bzw. Komik ist. Dafür und um den Sachverhalt von vornherein zu klären, einige Beispiele

(1) [...] Darum hat unser Mann nicht mangeln lassen, getreu den Regeln seines Gewerbes. Womit wir erneut das Land betreten, wo die Zitronen blühen und die "Clarlatani". [...] (SPIEGEL 23/1994)

(2) Im Trüben fischen. SPIEGEL-Autor Fritz Rumor über die Erfolge des Johannes von Buttilar (SPIEGEL 23/1994)

Im ersten Beispiel werden vom Autor zum Erreichen eines Effekts der Ironie die bekannten Worte aus J.W.Goethes "Wilhelm Meister" angeführt. Weil der Journalist darunter Italien meint, aber es so nicht nennt, kommt es zur Verfremdung. Im zweiten Beispiel wird das selbe Effekt durch einen Wortwitz erreicht, wobei das weit verbreitete Sprichwort "im Trüben fischen" vom Autor umgewandelt wird. Der Leser muß, will er das oder nicht, solche Transpositionen zunächst einmal nachvollziehen. Ähnliche Effekte erzielen die Journalisten durch sprachliche Anleihen bei der Werbesprache, bei Filmtiteln usw.. Vgl. u.a.:

(3) [...] Über Rezzo ist alles gesagt. Und die anderen? Der CDU-Mann Wolfgang Schuster läßt verkünden: "Ihr Arbeitsplatz würde Schuster wählen." Das ist ein Satz wie "Katzen würden Whiskas kaufen". Der ist lustig. Der mit den Katzen [...] (ZEIT, 46/1996)

(4) MICHAEL JACKSON IST EINE LEICHTE BEUTE. [...] Die Märchenwelt des Exzentrikers mit ihren Süßigkeitsautomaten und singenden

Blumenbeeten war die Fortsetzung eines Steven-Spielberg-Films mit anderen Mitteln: Jackson-Park. (SPIEGEL, 36/1993)

In der literaturtheoretischen Semantik nennt man den ersten Bestandteil der Verfremdungsstruktur - die Erwartungsnorm - *automatisierte Folie*. Ein *Novum* ist dann der zweite Bestandteil - das von dieser Erwartungsnorm abweichende Signifikat. Den Unterschied zwischen automatisierter Folie und *Novum*, also den Ausmaß der Verfremdung bezeichnet man als *Differenzqualität*. Im Fall von Anspielungen und Wortspielen gibt es zwischen Differenzqualität und Genauigkeit der Wiedergabe des Quellentextes offensichtlich einen Zusammenhang. Nämlich steigt die Differenzqualität mit jeder Umwandlung im Quellentext.

Die Abgrenzung von Anspielungen gegenüber Wortspielen bei manchen Sprach- und Literaturforschern ist schwierig. In diesem Beitrag wird unter "Anspielung" Verwendung (sowohl umgewandelte, als auch wörtliche) eines bekannten und generell über ein Einzelwort, ein Kompositum oder eine Wortgruppe hinausgehenden Kontextes (*Die Schöne und das Biest, Unser Mann in Havanna*) gemeint, wobei der Terminus "Wortspiel" lediglich für das semantische oder phonologische Spiel mit einem Einzelwort zu reservieren ist. In den beiden Fällen bewirkt aber die formale Veränderung des Originals eine veränderte Aussage, was man auch als "Verfremdung" bezeichnen könnte. Eine Anspielung setzt beim Adressat im Gegenteil zu gewöhnlichen Wortspielen umfangreichere außersprachliche Kenntnisse als bloß sprachliche Kompetenz voraus.

Je nach dem vom Sender beim Empfänger angenommenen Wissen fallen die Anspielungen offenbar in zwei Klassen auseinander. Wendet sich der Sender an eine ganz konkrete Person oder einen ganz bestimmten Personenkreis und bezieht sich auf ein Objekt oder Ereignis aus dem Alltag von diesen Leuten, das in der Regel nur ihnen bekannt ist, geht es um eine individualwissenbezogene Anspielung. Ein Beispiel dafür wäre Andeutung auf ein Geschehnis bei dem gemeinsamen Ausflug am letzten Wochenende, peinliche Einzelheiten aus dem Privatleben eines Kollegen oder Worte aus einer feierlichen Rede des Bürochefs. Läßt sich das Adressat nicht genau bestimmen, wie es in Literatur und Publizistik immer der Fall ist, kann die Annahme über seine Kenntnisse nur ungefähr sein. Die Autoren können sich dann nur im Allgemeinen nach dem Leser richten und sind nie sicher, ob ihre Äußerungen das beabsichtigte Kommunikationsziel erreichen werden. Die Kommunikation durch Anspielungen beruht dann nur auf der Vorstellung des Autors über das Bildungsniveau seiner Leserschaft. Ist diese Vorstellung falsch, verfehlt auch der ganze Sprechakt das Ziel. Solche Anspielungen lassen sich in eine Klasse von *gruppenwissenbezogenen Anspielungen* einordnen, die in der Literaturtheorie manchmal auch als "Allusionen" bezeichnet werden.

Die Verständigung durch Anspielungen, sowie wahrscheinlich jede Art der Kommunikation, basiert auf dem Inhalt des menschlichen

Langzeitgedächtnisses (Wilss 1989), wo sich der Sprachbenutzer sprachliche und außersprachliche Wirklichkeit einprägt. Dieses Wissen kann generell (z.B. als Kenntnis von grammatischen Regeln) oder episodisch sein. Das episodische Wissen im Gegenteil zum generellen wird nicht gesteuert erworben, sondern gemäß der Aufmerksamkeitskapazität des Menschen, seinen historischen Wurzeln, soziokulturellen Möglichkeiten beiläufig gesammelt. So sind die Bezugselemente der Anspielungen - man lernt sie nicht bewusst. Der Mensch stützt sich bei der Produktion und Rezeption von Informationen auf funktionale Bezüge in den bereits vorhandenen Erfahrungen (Wilss 1989). Anspielungen sind in einem doppelten Sinn assoziationszentriert: Sie setzen voraus, daß nicht nur der Sender, sondern auch der Empfänger erfahrungsreich und assoziationsfähig ist - der eine, um eine Anspielung auf den Weg zu bringen, indem er eine Beziehung zu früheren Spracheindrücken herstellt, der andere, um eine Anspielung zu erkennen.

Das Wesentliche in den Anspielungen ist, daß sie im Text immer unkommentiert und unmarkiert vorkommen, so daß Anführungszeichen oder Quellenangaben jeder Art vollkommen unmöglich sind. Die Anspielungen selbst sind dadurch in manchen Fällen schwach erkennbar für den Leser, wobei das Gebot jedoch gilt, daß ihre Beziehung zum Original immer erkennbar bleiben soll. Die Skala solcher Ähnlichkeit reicht, wie folgende Beispiele illustrieren, von voller Identität bis zur bloßen Andeutung einer Ähnlichkeitsbeziehung.

Voll identisch:

(5) HAUS OHNE HÜTER. Im ersten privat finanzierten Gefängnis Deutschlands, der Justizvollzugsanstalt (JVA) Waldeck bei Rostock, herrscht dank staatlicher Fehlplanung erheblicher Personalmangel. (⇒ Titel des Romans von H.Böll "Haus ohne Hüter" (1954)) (SPIEGEL, 47/1996)

(6) DIE SCHÖNE UND DAS BIEST. Ein bisher einmaliger Skandal erschüttert den Eiskunstlauf-Sport. Nach dem Attentat, bei dem Nancy Kerrigan mit ein Metallstange verletzt wurde, sind mehrere Personen aus dem Umfeld ihrer Konkurrentin Tonya Harding verhaftet worden [...] (⇒ Titel des berühmten Musicals) (STERN, 4/1994).

Teilweise identisch:

(7) IM OSTEN WAS NEUES. Diese Anzeige lassen wir uns etwas kosten. Sie sollen wissen, was uns wichtig ist. [...] Treubandanstalt. Abt. Öffentlichkeitsarbeit. (⇒ Titel des Romans von E.M.Remarque "Im Westen nichts Neues") (SPIEGEL, 15/1993).

(8) ALSO SPRACH ROBERT PARKER. Wein: Der amerikanische Weinguru entdeckte Österreich. Endlich! Robert M. Parker - der Weinkritiker - schrieb zum ersten Mal über österreichische Weine [...] (⇒ Titel des philosophischen Werkes von F.Nietzsche "Also sprach Zarathustra") (STANDARD, 2201/1996)

Schwach merkmalhaltig:

(9) *SPIEL MIR DAS LIED*. Sollen die Rundfunk- und Fernsehsender auch weiterhin verpflichtet sein, Wahlspots für Rechtsradikalen auszustrahlen? (⇒ Melodie von E. Morricone "Spiel mir das Lied vom Tod") (SPIEGEL, 36/1993)

(10) *DIE MACHT AM MAIN*. (Unterschrift zu einer Zeichnung) Die Bundesbank - kein Staat im Staate. (⇒ "Die Wacht am Rhein", der Titel eines 1840/41 entstandenen patriotischen Gedichtes von M. Schneckener) (ZEIT, 46/1996)

Aus den angeführten Beispielen ist auch sichtbar, daß durch Umgestaltung des Originaltextes ein witziger, ironischer Effekt erfolgreicher erreicht wird, obwohl es dem Leser gewisse Rezeptionsschwierigkeiten schaffen kann. Die Anspielungen als Verfremdungsmittel werden eben dadurch auffällig, daß der Autor mit ihrer Hilfe die Erwartungshorizonte des Lesers bricht. Das Verstehen von Anspielungen beruht dann eher auf einem Vorverständnis, daß durch akkumulierte Erfahrungen entsteht und dem Leser erlaubt, Bezugselemente richtig zuzuordnen und Anspielungsstrukturen zu erkennen. Das unmittelbare Erinnern ist Voraussetzung für das Bewußtwerden einer Anspielung. Das Verstehen einer Anspielung bedeutet eine erfolgreiche Realisierung des Kooperationsprinzips in der Kommunikation zwischen Journalist und Leser, die sonst scheitern würde.

BIBLIOGRAPHIE

Henningsen 1967: Henningsen, J. *Theorie des Kabarets*. - Henn: Ratingen, 1967. Link 1974: Link, J. *Literaturwissenschaftliche Grundbegriffe*. - München: W. Fink, 1974. Willss 1989: Willss, W. *Anspielungen. Zur Manifestation von Kreativität und Routine in der Sprachverwendung*. - Tübingen: Niemeyer, 1989.

И.Е. Фролова (Харьков)

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУРАХ ВОПРОСИТЕЛЬНОГО ТИПА

В процессе познания и общения человек не может не выражать своего отношения к миру. Воспринимая мир явлений, мы одновременно выражаем свое отношение к нему. Сознание человека не только объективно отражает действительность, но и вносит в это отражение нечто субъективно-эмоциональное. Выражение эмоций представляет собой неотъемлемый компонент речи. При этом, выражение эмоций может представлять собой как основное значение речевого акта (РА), так и дополнительное.

Те РА, основным коммуникативным значением которых является выражение эмоционального состояния говорящего, мы, следуя точке зрения

Серля (Серль, 1986: 182-212), считаем РА экспрессивами. Однако, помимо прямых, существует и достаточно большое количество косвенных средств выражения эмоций. Как показали предыдущие исследования, наиболее часто косвенные экспрессивы представлены формальными структурами вопросительного типа.

Целью данной работы явилось выяснение того, каковы формально-семантические и коммуникативные параметры выражения эмоций в таких структурах, какие из анализируемых структур содержат выражение эмоций в качестве дополнительного значения либо основного значения, какие случаи можно рассматривать как полные/частичные транспозиции.

Известно, что РА помимо своей основной интенции может также содержать дополнительную или дополнительные интенции; полиинтенциональность или иллокутивный синкретизм являются характерной чертой многих РА.

В то же время, дополнительная интенция (при определенных контекстуальных условиях) может становиться доминирующей, в этом случае имеют место косвенные речевые акты. При этом, транспозиция может быть полной и неполной. Считаем возможным выделить три основные группы синтаксических структур вопросительного типа, содержащих эмоциональный компонент, а именно:

- вопросы, содержащие эмоциональный компонент в качестве дополнительного прагматического значения (запроса информации);
- вопросы, представляющие собой неполную транспозицию в класс РА экспрессивов (прагматическое значение запроса информации и выражения эмоций сосуществуют на приблизительно равных уровнях; достаточно трудно определить, какое из двух прагматических значений является доминирующим);
- вопросы, представляющие собой полную транспозицию в класс РА экспрессивов (значение выражения эмоций является доминирующим, значение запроса информации устраняется полностью или является второстепенным).

В каждой из указанных групп мы рассматривали характеристики формально-семантического плана, характерные для выражения эмоционального значения; коммуникативные условия реализации РА; характер выражаемых эмоций. Степень транспозиции и ее наличие устанавливалось при помощи непосредственного контекстуального окружения. Учитывался также принцип вежливости: косвенные РА рассматривались с точки зрения преобладания в них позитивной или негативной вежливости.

Остановимся подробнее на анализе каждой из групп вопросов, содержащих эмоциональный компонент.

Эмоциональный компонент как дополнительное прагматическое значение в синтаксических структурах вопросительного типа.

Запрос информации, являющийся основной интенцией вопроса может быть как эмоционально нейтральным, так и эмоционально маркирован-

ным. Выражение эмоций, как дополнительная интенция, как правило, находит свое выражение на формально-семантическом уровне.

К чертам формально-семантического плана относятся следующие:

- использование фразеологизмов:

"Where on earth is Kurt?" (C.Dickson);

"Then why in blazes couldn't you drop me a hint?" (C.Dickson);

Наиболее распространенным является фразеологический оборот "the hell":

"What the hell did you bring them for?" (D.Hammett);

- использование поговорок (поговорок):

"And why should he poison the goose that was going to lay nice yellow eggs for him?" (D.Hammett).

- использование эмоционально маркированной лексики (как стандартной, так и нестандартной):

"And you, you damned fool, don't you know they killed your father?" (D.Hammett);

"Do you see now how dreadful the situation is?" (A.Christie);

- вопросительно-отрицательные структуры:

"Haven't you seen, Charles, that I'm fighting all the time?" (A.Christie);

- повторы (как в составе речевого акта, так и последовательность нескольких ПА):

"But why, why did he, why did he do this?" (D.Hammett);

"But how? Why? How can you possibly know?" (A.Christie);

- прерывистость структуры ПА:

"I - you mean - Mr. Leonides was really poisoned?" (A.Christie);

"When - when did it happen?" (D.Hammett);

- неоконченность структуры ПА:

"Why - ? - Is there - ?" (D.Hammett);

"Do you think we should - ?" (D.Hammett);

- особая эмоционально маркированная интонация, передаваемая на письме курсивом либо авторскими ремарками:

"*I'm a police spy? Is that it?*" (A.Christie);

"I think you are mistaken, Hastings." "Where? I cried, learning forward eagerly." (A.Christie).

Довольно часто в составе одного ПА имеет место не одна, а несколько из вышеперечисленных характеристик, например:

"Will - will they be very dreadful?" (A.Christie) (повтор + прерывистость + эмоционально маркированная лексика);

"But who on earth - surely nobody could come in here and do all this and not be heard - or seen?" (A.Christie) (фразеологизм + повтор + прерывистость);

"And you, you damned fool, don't you know they killed your father?

Don't you know?" (D.Hammett) (повтор + вопросительно-отрицательная структура + эмоционально маркированная лексика).

Как видно из приведенных примеров, эмоции, передаваемые в качестве дополнительной иллюстрации, это, в основном, удивление или отрицательные эмоции.

При этом, чем выше степень эмоционального напряжения, тем выше степень дезорганизации синтаксической структуры: прерванность, повторы, неоконченность структуры являются чертами, характеризующими более высокую степень концентрации эмоций. Это же можно сказать и о повторяющихся РА, которые к тому же часто включают повторы, прерывистость, фразеологизмы и эмоционально маркированную лексику.

Кроме того, наблюдаются определенные корреляции между формально-семантическими характеристиками исследуемых единиц и характером выражаемой эмоции. Так, при выражении удивления характерны вопросительно-отрицательные структуры, прерванные и неоконченные структуры, особая интонация. Для выражения отрицательных эмоций характерно использование фразеологизмов, отрицательно маркированной лексики, возможны также повторы, частичная дезорганизация структуры, особая интонация.

В вопросительных синтаксических структурах этой группы эмоциональный компонент сопутствует основному прагматическому значению: выражению эмоций. Несмотря на наличие определенного эмоционального фона, интенция запроса информации является доминирующей. Например, в следующей ситуации:

"Then why was I not told?" vociferated Poirot, striking the table, and working himself into a first-class passion. "I demand of you - why - was - I - not - told?..." (A. Christie).

Пуаро, несмотря на гнев, хочет выяснить у служанки, почему она не предупредила его о том, что ее хозяйка перешла в другую комнату, что едва не послужило причиной ее гибели.

Что касается соблюдения/нарушения принципа вежливости, то очевидно, что в вопросительных структурах данной группы превалирует негативная вежливость. При этом, данные РА угрожают социальному лицу адресата только в случае выражения отрицательных эмоций, при выражении удивления такой угрозы, как правило, не наблюдается. Вместе с тем, представляется, что эмоциогенный характер ситуации, вызывающей довольно высокую степень эмоционального напряжения говорящего, нейтрализует угрозу, содержащуюся в его РА. В большинстве случаев, даже при нарушении принципа вежливости, не возникает опасности помех в коммуникации: либо ролевой статус, либо характер ситуации позволяют говорящему сопровождать запрос информации эмоциональным фоном.

Частичная транспозиция синтаксических структур вопросительного типа в класс РА экспрессивов.

В вопросительных структурах этой группы достаточно сложно определить, какое из выражаемых прагматических значений является превалирующим: запрос информации и выражение эмоций сочетаются и сосуще-

ствують на приблизительно однаковому рівні, в ряді випадків поєднуються з іншими іллокуціями.

Вопросительные структури даної групи неоднорідні, звідси представляється можливим також виділити підгрупи:

- питання - експресиви;
- питання - твердження - експресиви;
- питання - переспроси - експресиви.

Питання - експресиви, як уже відзначалося раніше, поєднують інтенцію питання з інтенцією експресива. Основною інтенцією говорящого є вираження емоцій, однак, облекаючи дану інтенцію в форму питання, говорящий надає адресату можливість прийняти поверхню структуру і дати відповідь на поставлене питання. Наприклад:

"Does that really seem to you a credible suggestion, Mr. Leonides?" Philip did not reply. His face became even more impassive. (A.Christie)

Як бачимо, негативна ввічливість, в даному випадку в основному вираження неохоти, незгоди, іронії, декілька зменшується формальною структурою питання. Говорящий намагається знизити ступінь загрози соціальному об'єкту адресата, надаючи вираженню свого комунікативного наміру не пряму, а косвенну форму. Неповною, з нашої точки зору, транспозиція є тому, що адресат розуміє (або робить вигляд, що розуміє) саме поверхню структуру, зберігається парадигматична зв'язь "питання - відповідь", характерна для власне питань, що свідчить про відсутність повної транспозиції.

Що стосується характеристик формально-семантичного плану, то в питаннях цього типу може використовуватися емоційно маркована лексика і фразеологізми, можливо також наявність особливостей, емоційно маркованої інтонації; однак повторення і дезорганізація синтаксическої структури не спостерігаються.

Ситуації функціонування даних РА характеризуються певною ступенем концентрації емоцій, однак, ця ступінь не настільки висока, щоб дозволити говорящому взагалі не враховувати фактор адресата і не намагатися хоча б мінімальному дотриманню принципу ввічливості.

Питання - твердження - експресиви представляють собою транспозицію питання в емоційне твердження. Стаючи питанням, говорящий не виражає відкрито своє негативне судження, намагаючись уникнути вираження неохоти адресата або незгоди з ним. При цьому, негативне судження емоційно марковано, тобто виражає також емоційну оцінку ситуації:

"What the hell difference does it make?" (D.Hammett) = it doesn't make any difference.

В інших випадках судження не випливає з питання, а міститься в самій його поверхню структурі або в наступній РА, наприклад:

"I tell you, I'm sorry! How was I to know it was you sitting there? I couldn't have know it!" (D.Hammett)

Вопросы - утверждения - экспрессивы употребляются в основном для выражения отрицательных эмоций - неодобрения адресата или несогласия с адресатом. Вопросительная формальная структура несколько уменьшает степень угрозы социальному лицу адресата, тем не менее негативная вежливость безусловно превалирует. Несмотря на формально вопросительную структуру адресат, без сомнения, воспринимает отрицательное суждение и связанное с ним негативное эмоциональное отношение.

В этих случаях транспозиция, с нашей точки зрения, не является полной по следующим причинам: во-первых, помимо выражения эмоций, имеет место утверждение, во-вторых формально вопросительная структура дает возможность адресату воспринимать именно ее и на формальном уровне во многих случаях сохраняется парадигматическая связь вопрос - ответ:

"My dear young lady" said Cartwright in a gentle and world - weary tone, "aren't we merely being childish now!" "I daresay we are." (C.Dickson)

По формальным характеристикам вопросы - утверждения - экспрессивы характеризуются наличием эмоционально маркированной лексики, фразеологизмов, вопросительно-отрицательной структуры, особой интонацией; неоконченность и дезорганизация структуры не наблюдаются.

Характер ситуаций употребления вопросов - утверждений - экспрессивов - это ситуации, связанные с довольно высокой степенью концентрации эмоций, однако в ряде таких ситуаций говорящий все же учитывает фактор адресата и несколько смягчает угрозу его социальному лицу. Здесь также может иметь место и интимизация общения; так, в последнем из приведенных примеров, статус говорящего, человека старшего по возрасту и социальному положению, дает ему возможность по-отечески упрекнуть девушку за ее упрямство, желая установить с ней более доверительные отношения. Средством интимизации здесь также является использование местоимения "we" вместо "you", то есть использование фактора "косвенного адресата".

Фактор адресата в данном случае довольно важен: при близких отношениях коммуникантов, даже в случае нарушения принципа вежливости, не создается помех в коммуникации, в то же время, при более официальных ситуациях или более высоком статусе адресата такие помехи могут возникать.

Вопросы - переспросы - экспрессивы также представляют собой частичную транспозицию: запрашивая дополнительную информацию, говорящий делает это не потому, что не понял или не расслышал чего-либо, а потому, что услышанное (информация, которую он получил) вызывает у него определенную эмоцию. Выражение эмоционального отношения к полученной информации облечено в форму вопроса, так как говорящий

часто на самом деле желает получить дополнительную информацию, однако не ту, что он формально запрашивает, а информацию о том, чем руководствуется собеседник в своих действиях. Характер выражаемой эмоции - это в большинстве случаев удивление, реже удивление и неодобрение. Например:

"You didn't say anything to him, I hope". "Say anything to him?" she seemed amazed. (D.Hammett)

Формальные характеристики, свойственные данному типу - это использование фразеологизмов, повторов, особой интонации, других формально-семантических черт нами не зафиксировано.

Характер ситуации характеризуется определенной степенью эмоционального напряжения, возможно достаточно высокой, однако форма переспроса удобна для выражения коммуникативной цели. Кроме того, удивление представляет собой эмоцию достаточно нейтральную в оценочном отношении, и ее выражение не может нанести ущерб социальному лицу адресата. Следовательно, фактор адресата в этих случаях не столь релевантен.

Вместе с тем, фоновые знания адресата позволяют ему правильно интерпретировать РА и дать на него соответствующий ответ.

Частичный характер транспозиции в этом случае определяется как возможным наличием парадигматической связи вопрос - ответ, так и частично сохраненным значением запроса информации.

Транспозиция синтаксических структур вопросительного типа в класс РА экспрессивов.

Существует также значительное количество вопросов, полностью утративших интенцию запроса информации и функционирующих в речи исключительно с целью выражения эмоций. Такие синтаксические структуры представляют собой полную транспозицию в класс РА экспрессивов, более того они составляют большинство косвенных экспрессивов.

Рассмотрим более подробно их формально-семантические и коммуникативные характеристики.

К чертам формально-семантического плана можно отнести следующие:

- наличие эмоционально маркированной лексики (в том числе и нестандартной):

"Are you crazy?" His young face was bewildered, his young eyes horrified. (D.Hammett)

"Oh, why is living such a rotten thing?" (D.Hammett)

- наличие фразеологизмов:

"What in blazes are you doing here?" (C.Dickson)

"What the devil is the matter with you? Are you crazy?" (C.Dickson)

- использование вопросов фразеологизированной структуры:

"Who do you think are - Joan of Arc?" (D.Hammett)

"What d'you think you are doing?" (C.Dickson)

- использование пословиц, поговорок:

"I've asked him to come here," he said, "He'll be any minute now."

"Will you walk into my parlour, said the spider to the fly?" I murmured.

(A.Christie)

- использование вопросительно-отрицательных структур:

"Aren't you tired of your dirty tricks?" (D.Hammett)

- наличие особой, эмоционально маркированной интонации:

"Why the hell are you starting it all over again?" (C.Dickson)

- использование модальных глаголов dare, should, would и др.:

"He turned his earnest gaze upon me reproachfully. Would I do such a thing?" (A.Christie)

"How should I know who it was?" she grumbled. (A.Christie)

Однако, возможно и полное отсутствие вышеуказанных черт, как в следующих примерах:

"You love me than anyone else in the wold?"

"Are you a bookkeeper?" she demanded. "Must you have amounts, weights and measurements for everything?" (D.Hammett)

Здесь, как видим, определяющим фактором является контекст.

С другой стороны, в ряде РА данного типа возможно наличие не одной, а нескольких черт формально-семантического плана, так, например:

- фразеологизм + эмоционально маркированная + нестандартная лексика:

"What the hell am I doing barbering with a lousy duck?" (D.Hammett)

- вопросительно-отрицательная структура + особая эмоционально маркированная интонация:

"Have you got any sense of decency?" (C.Dickson)

Коммуникативное намерение говорящего, состоящее в выражении эмоций, в вопросах этого типа открыто для распознавания. Ответ не ожидается, несмотря на формальную структуру вопроса. Черты формально-семантического плана либо контекст достаточно четко эксплицируют интенцию, что в большинстве случаев подтверждается парадигматическими связями, характерными для РА экспрессивов:

"Can't you be a little more reasonable?" "Bill, I am sorry." (C.Dickson)

"Well, what are you waiting for? Waiting to be kissed good by?"

"Oh, don't be angry. I'm leaving." (D.Hammett)

Более того, часто говорящий сам дает ответ на поставленный вопрос, либо вопросы этого типа функционируют во внутренней речи. При этом "ответ" говорящего состоит не в сообщении информации, а в прямом, эксплицитном выражении своего эмоционального состояния:

"Get married and part at once? Get engaged and settle down to a long waiting period? I couldn't stand you doing that." (A.Christie)

В большинстве случаев позитивная вежливость отсутствует и косвенный экспрессив является более эмоционально насыщенной формой выражения эмоций, наносящих ущерб социальному лицу адресата (особенно в случае наличия нестандартной и стандартной, отрицательно-марки-

рованной лексики, фразеологизмов, вопросов фразеологизированной структуры). Если соотношение ролевых статусов или экстремальный характер ситуации не снимают действия негативной вежливости, могут иметь место помехи в коммуникации.

Вопросы, представляющие собой полную транспозицию в класс РА экспрессивов, выражают удивление либо отрицательные эмоции.

Таким образом, исследование приводит к выводу о том, что эмоциональный компонент в синтаксических структурах вопросительного типа по-разному соотносится с основным коммуникативным значением вопроса - дополняя его или частично либо полностью подавляя его, при этом данное соотношение также связано с определенными характеристиками формального, семантического, коммуникативного плана; правилами речевого поведения, характером выражаемой эмоции.

Литература.

1. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов. // Новое в зарубежной лингвистике. - М.: Прогресс, 1986, вып. 17, с. 197 - 205.

А.Н. Черноватый (Харьков)

АНАЛОГИЯ, "ЯДЕРНАЯ ГРАММАТИКА" И ИМИТАЦИЯ В УСВОЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

Вынесенные в заголовок механизмы имеют определенное значение в усвоении родного языка (РЯ). Ниже приводятся результаты исследования их роли в усвоении иностранного языка (ИЯ). Эти результаты были получены на основе экспериментального обучения 13 испытуемых (среднего и старшего технического и административного персонала одной из фабрик г. Харькова). Наблюдения проводились в течение двух лет в процессе обучения испытуемых практическому владению английским языком на курсах, организованных управлением фабрики. Ниже приводится анализ результатов теста, проведенного после первых девяти месяцев занятий.

Результаты такого анализа позволили предположить, что причиной более быстрого прогресса взрослых при усвоении ИЯ, вероятно, является активное использование механизма аналогии, которая ввиду развитых умственных способностей взрослых, играет значительно более важную роль, по сравнению с аналогией в усвоении РЯ. Анализ речи испытуемой 5 (И5) показал, что она включает ряд формул (e.g. "What is your name?"; "My name is Ms. F."; "She is 60"; "It's a shame"). Остальная часть высказывания (общий объем около 350 слов) более чем на 90% состоит из предложе-

ний, построенных по 5 моделям, усвоение которых предполагалось в процессе предыдущего обучения. Это позволило предположить, что процесс усвоения ИЯ (на этом этапе и в этом аспекте) может соответствовать теории, предложенной Б.Маквинни (Mac Whinney 1976), т.е. включает в себя построение парадигм и таблиц по применению. В нашем случае, у испытуемой 5, такие таблицы имели вид подстановочных таблиц (ПТ), по которым она чрезвычайно успешно строила свои высказывания. Эти таблицы в порядке их регистрации в речи испытуемой в тесте 1 (после 9 месяцев занятий) и в последующих тестах можно представить так:

ПТ1

There	is are	a bottle windows	in the park in the flat
-------	-----------	---------------------	----------------------------

ПТ2

This	is are shoes	a mirror a table
------	--------------------	---------------------

ПТ3

The His Her	dress shoes hair face	is are	grey oval
-------------------	--------------------------------	-----------	--------------

ПТ4

The His Her	bottle kitchen cooker	is are	nice big in the kitchen
-------------------	-----------------------------	-----------	-------------------------------

ПТ5

I Ms. F	have has	got	a	kitchen bathroom
------------	-------------	-----	---	---------------------

ПТ6

You	can must may	be see drink write
-----	--------------------	-----------------------------

ПТ6А

You	go to take	the stop bus
-----	---------------	-----------------

ПТ6В

Go to	the	stop
Take	bus	

ПТ7

I	is	going to	write
he	are		read
they	am		

ПТ8

It is	in my pocket
	simple

ПТ3 і ПТ4 в структурному відношенні однакові. ПТ3 виділена окремо спеціально для аналізу тестових випробувань. В ПТ3 включаються тільки вказання на колір і форму, а в ПТ4 - всі інші ознаки. ПТ3 дуже інтенсивно оброблялася в вправах протягом практично всього курсу навчання, тому цілком природно відокремити її від інших випадків вказання на ознаку. Розглянемо тепер текст, породжений випробуваною 5 (тема "Квартира") в тесті 1 (пересказ домашнього читання - епізоди 2-5). Для спрощення аналізу в тексті видалені повторення і паузи. Пропущені елементи показані в дужках.

(1) Episode 2. (2) There is a bottle in the park. (3) There is a woman in the bottle. (4) The woman is 60. (5) The dress is grey. (6) The shoes are grey, too. (7) The hair is grey. (8) The face is oval. (9) His (=her) nose is straight. (10) His (=her) lips is (=are) narrow. (11) She look is (=looks) happy. (12) The two fairies go to the woman. (13) What is your name? (14) The woman says: My name is Ms. Furia. (15) The fairies says (=say): You is happy? (=Are you happy?). (16) (a) The Ms. Furia says: My bottle is nice, (b) (but) I have (not) got (a) kitchen. (17) Episode 3. (18) Ms. Furia (is) in the kitchen. (19) The kitchen is very good. (20) There are (an) electric cooker in the kitchen (and) the (=a) microwave in the cooker. (21) There are a white refrigerator... (22) There are (=is) a sink in (=by) the cooker. (23) They go in two fairies (= The two fairies come in). (24) They says: You are happy? (=Are you happy?). (25) Ms. Furia says: No, it is no (=I am not) happy. (26) (a) How can (I be) happy (when) (b) it is (=I have) only a kitchen. (27) (a) If I (can be) happy only (if) (b) there is (a hall here). (28) The fairy (=fairies) says: We have too a hall (=You are going to have a hall, too). (29) Episode 4. (30) The Ms. Furia (is) in your (her) hall. (31) There are (=is) (a) big carpet on the floor. (32). There are (=is) (a) big chest in the hall. (33) There are a mirror and (a) table, (a) coat rack in the hall. (34) There are (=is) a TV-set in the hall. (35) There are (=is) Ms. Furia in the armchair opposite the TV-set. (36) The Ms. Furia is unhappy. (37) The fairy (=fairies) says: You are happy (=Are you happy?). (38) Ms. Furia says: No, it's a shame! (39) (a) How can you (be) happy, (b) when (you) have got

(only) one (=a) hall and (a) kitchen? (40) (If) only (I had a) bathroom, I ('d) be happy. (41) Episode 5. (42) The Ms. Furia have (-has) got (a) bathroom. (43) The bathroom is nice and big. (44) There are (a) bath and (a) shower and (a) towel in the bathroom. (45) There is (a) towel in the bathroom. (46) The bathroom is a tile (=There are tiles on the walls of the bathroom).

Анализ текста, приведенного выше, показывает, что в 16% случаев испытуемая использовала формулы, т.е. предложения, которые она запомнила целиком и в таком виде вставляет в свои высказывания (предложения 1, 4, 13, 14, 17, 29, 38, 41). В таких предложениях, как правило, не бывает ошибок, но и грамматические структуры, по которым они построены, не переносятся на другие предложения, т.к. формулы попадают в память в результате механического запоминания и хранятся там как нерасчленимое целое. Из оставшихся 84% высказывания только 6% построены без применения ПТ (предложения 12, 23 и 40). Предложения 12 и 23 похожи, хотя и построены по разным моделям (в предложении 23 сработал механизм комбинирования, в результате чего глагол был вынесен в начало предложения и размещен на месте подлежащего). Предложение 40 вызвало значительные трудности, т.к. испытуемая не имела в своем репертуаре средств для реализации своего замысла (условное наклонение), хотя соответствующее предложение в тексте для домашнего чтения вводилось лексически (*If only I had a bathroom*), но из памяти извлеклось только слово *only*. К тому же испытуемая колебалась в отношении передачи "бы" и в конце концов ограничилась употреблением инфинитива без *to*. Остальная часть высказывания полностью построена по ПТ1, 3-6, 8. 26% предложений построены по ПТ1 (предложения 2, 3, 20, 21, 22, 27"в", 31-35, 44, 45), 20% (предложения 11, 15 (=24, =37), 16"а", 18, 19, 30, 36, 46) - по ПТ4, 14% (предложения 5-10, 43) - по ПТ3, 8% (предложения 16"в", 28, 39"в", 42) - по ПТ5, 6% (предложения 26"а" (=39"а"), 27"а") - по ПТ6 и 4% (25, 26в) - по ПТ8.

С точки зрения грамматической правильности предложений, построенных по III, то она, вероятно, зависит от времени и интенсивности использования соответствующей ПТ. Так, раньше и интенсивнее всех отрабатывались структуры, построенные по ПТ3 и ПТ4 (которые, как уже говорилось выше, фактически имеют одинаковую структуру). Соответственно, при построении предложений по ПТ3 практически не зафиксировано ошибок, кроме тех, которые характерны для речи испытуемой на данном этапе вообще (замены местоимений, пропуски связки. Предложение 11, с точки зрения формы, правильно, если считать, что испытуемая заменяет *her* на *she*, то же касается и предложения 46). ПТ1 интенсивно отрабатывалась в течение нескольких месяцев, предшествовавших тесту, поэтому в ее употреблении, кроме пропусков, допускавшихся и при использовании ПТ3/ ПТ4 (артикли и связка) практически нет ошибок, если не считать замену предлога *by* на *in* в предложении 22, и пропуск именной части в предложении 27"b". Не-

сколько хуже функционирует ПТ5, в каждом из четырех предложений с которой допускались ошибки: пропуски *not* (16"b") и подлежащего (39"b"), вынесение *too* и функционирования ПТ6, где в (26"а") при инверсии утеряно подлежащее и связка, в аналогичном предложении (39а) - только связка, в (27) пропущено *can* и связка, а *if* присоединяет главное предложение вместо придаточного. Наконец, ПТ8 функционирует пока только в первом приближении, причем границы ее применения пока не установлены. Обе попытки применения ПТ8 оказались неудачными. В одной из них (25) испытуемая неудачно попыталась использовать ПТ8 вместо ПТ4 (*It is no (=I'm not) happy*), а в другом также неудачно - вместо ПТ5 (*It is (=I've got) only a kitchen*). Несмотря на указанные отклонения от нормы, в целом высказывание испытуемой достаточно правильно в структурном отношении, что подтверждает и коэффициент усвоения синтаксиса (КУС) (см. описание методики его определения в *Dulay et al 1982*), который в этом тесте для данной испытуемой составил 77. Это достаточно высокий результат для такого этапа (значение выше 90 считается отличным, от 80 до 89 - хорошо, от 70 до 79 - удовлетворительно).

Таким образом, на основе анализа приведенного выше, можно сделать вывод о том, что взрослые прогрессируют быстрее (во всяком случае, на начальном этапе усвоения), чем дети вследствие того, что благодаря развитому мышлению, они эффективно используют мощный механизм аналогии. Последняя применяется для построения большого количества однотипных предложений, позволяя передавать значительный объем информации уже на начальных этапах усвоения, когда дети, усваивающие РЯ еще заняты формированием основных понятий об окружающей среде и их маркированием в языке. В результате интенсивного применения аналогии в сознании взрослого формируются и фиксируются упрощенные правила, которые можно представить в виде ПТ. Такие ПТ могут соответствовать или не соответствовать норме усваиваемого языка, однако их наличие в сознании учащихся позволяет однозначно определить усвоение ИЯ как правилосообразный процесс, протекающий, как и в РЯ, при участии когнитивного организатора. Система ПТ является эквивалентом "ядерной" грамматики, функционирование которой наблюдается при усвоении РЯ. По сравнению с "ядерной" грамматикой, система ПТ является гораздо более развитой, хотя и промежуточной, грамматикой. По мере использования ПТ и увеличения объема языкового материала, поступающего в сознание учащегося, происходит "складывание" ПТ, их трансформация и постепенная замена более совершенной системой правил. Анализ таких процессов будет проведен в других публикациях.

Литература:

1. Dulay, H., M. Burt, S. Krashen. *Language Two*. - New York: Oxford University Press, 1982;
2. MacWhinney, B. *Hungarian tesearch on the acquisition of morphology and syntax*. - *Journal of Child Language*, 1976, N 3, p. 397-410.

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
КАТЕГОРИИ КОМИЧЕСКОГО

Комическое - одна из самых сложных и разноплановых категорий эстетики. Понятие "комического" охватывает как естественные (то есть появляющиеся независимо от чьего-либо намерения) события, объекты и возникающие между ними отношения, так и определенный вид творчества, суть которого сводится к сознательному конструированию некой системы явлений или понятий, а также системы слов с целью вызвать эффект комического. А кроме того, комическое связано со специфическим кругом переживаний и с многообразием опыта общественного сознания (Борев 1967). Комическое вступает в противоречие с законами логики, правдоподобием ситуаций и образов, привычных связей и закономерностей, играет этими противоречиями, стремясь, однако, оставаться на стороне здравого смысла. Иными словами, основной парадигмой, пронизывающей и объединяющей многочисленные его формы, можно считать парадигму парадоксального.

Наиболее распространенным сигналом комического и вместе с тем видимым его результатом является смех. Но одного этого критерия еще недостаточно, чтобы явления и переживания комического выделить из ряда других явлений и переживаний. Не всегда смех бывает признаком комического, и не всегда комическое проявляется через смех. Смех может быть обусловлен причинами, не имеющими ничего общего с комическим, он может быть выражением и следствием чисто физиологических процессов. Смех может быть также выражением радости жизни, хорошего самочувствия и удовлетворения. Поэтому необходимо отделить смех как явление физиологическое от явления эстетического, которое мы рассматриваем. Таким образом, очевиден факт существования двух видов смеха - "... подлинного, условно говоря, "комического"..." и доисторического (прасмеха), причиной которого всегда являлись и являются чисто физиологические процессы (Карасев 1990, Любимова 1980) (ср. смех младенца и взрослого человека, смеющегося над анекдотом).

Уточним такие понятия, как "комическое" и "смешное", обратившись к основным механизмам создания комического эффекта (в том числе с точки зрения теорий комического британского происхождения.) Отметим отсутствие единства взглядов в специальной литературе в отношении определения категории комического и его составляющих. Наиболее типичные причины этого таковы: во-первых, определению сути комического существенно препятствует его слишком большая подвижность, изменчивость, мгновенность (Любимова 1980); во-вторых, объектом комического, т.е. смешным могут быть весьма различные по своей сути явления; в-третьих, комическое - это родовое понятие для обозначения приемов,

применяемых к различным по смысловой и эмоциональной сложности ситуациям национальной культуры и социальной жизни; в-четвертых, парадоксальное, аномальное несоответствие между положительными эмоциями, порождаемыми смехом, и "мерой зла" (термин Карасева), тающейся в вещи, которая вызвала смех, является основным препятствием уяснения сути комического.

Психически механизм комического может быть определен как неожиданный смысловой перепад, игра на уровне смысла-чувства с ожидаемым развитием мысли или ситуации, которое оказывается "обманутым". Испытывая комфорт и безопасность от точности "обмана", от осуществленного упразднения заложенного в основу комического парадокса, от "разрешения в ничто" (Кант 1966), от "...двойного устранения высоты и глубины ради поверхности..." (Делез 1995) воспринимающий переживает положительные эмоции.

Так, для британского философа Т. Гоббса смех был прежде всего психической проблемой. Он понимал, что смех вызывается не только остроумием. Но какова бы ни была причина смеха, она должна представлять собою новое и внезапное. Тогда у человека возникает чувство ликования от того, что он осознал нечто значительное в себе самом и сравнил это значительное со слабостью других или собственной немощью в прошлом (Гоббс 1964). Гоббс впервые высказал мысль, что смех может быть выражением радости от сознания своего умственного превосходства, что в рамках британской культуры само по себе примечательно и символично, если принять во внимание широко распространенное и устоявшееся мнение об интеллектуальности британского юмора.

Эта мысль развивается и укрепляется в работах другого английского исследователя Александра Бэйна, который определил смех как выражение торжества победы над врагом. Но он же указал еще на функцию смеха как средства умственной разрядки, отдыха, снятия напряженности. Смех настолько связан с радостью победы, что превратился в выражение радости вообще. Таким образом, как две главные причины смеха Бэйн выделяет осознание своей силы и освобождение от напряженности (Muir 1992).

Во второй половине XIX века Герберт Спенсер обратился к структуре ситуаций, вызывающих смех. По Спенсеру, смех вызывается не только приятными чувствами (например, сардонический смех). Комический же смех всегда сигнализирует о "нисходящей несовместимости" (Muir 1992): человек ждет чего-то большего, а находит малое. В этом психологическая основа комических ситуаций. Если же вместо ожидаемого малого обнаруживается неожиданно большое, то возбуждается чувство удивления от "восходящей несовместимости".

Интересной представляется и теория еще одного британца — Д. Хартли, который утверждал, что люди с развитым вкусом смеются лишь над вспышками остроумия, которые поражают необычным совпадением или внезапным сходством и в то же время ассоциативно связаны с прямо противополо-

ложными ощущениями или понятиями: болью и удовольствием, пороком и добродетелью. Наиболее частые поводы для смеха - небольшие промахи знакомых и друзей. Смех - средство оценки поступков, одна из форм общения, и потому он несет социальную функцию (Muir 1992).

Картина теорий комического представителей британской культуры XIX века невозможна без рассмотрения идей Д. Стюарта и шотландского философа Абердина Джеймс Битти.

Стюарт размышлял над этическими сторонами смешного. Он считал, что можно и должно смеяться над людскими несовершенствами при условии, что эти недостатки несущественны и потому не вызывают ни возмущения, ни гнетущего сознания человеческой низости и развращенности. Смешное не обязательно значит безнравственное: смешны могут быть даже случайные ошибки в рассуждениях и оплошности поведения. Но и в этом случае, считает Стюарт, смеются над нравственной слепотой, мешающей осмеянному увидеть свои недостатки. Цель смеха - развлечь и позабавить; в то же время смех - хороший помощник чувства долга (Лук 1977).

А Дж. Битти же еще раз подчеркивает идею о том, что чувство смешного порождается диссонансом явлений одного порядка или, наоборот, сходством далеких и внешне непохожих явлений. Неожиданно обнаруженная противоположность - основная причина смеха (Лук 1977).

Рассмотренные теории комической техники риторики в конечном счете согласны в том, что источником комического является противоречие между жизненными обстоятельствами и логикой человеческих действий. Данное противоречие в каждой конкретной ситуации комического может проявлять в виде одной из дихотомий: действие/результат, несообразность цели/средства, формы и содержания, высшие ценности/низшие ценности и т.д.

Т.Б. Любимова выделяет следующие категории комического (Любимова 1980):

- ирония - сохранение двойного смысла, когда явный смысл противоположен смыслу скрытому, в отличие от обмана, скрытый истинный смысл доступен воспринимающему;
- остроумие - быстрое и нескрываемое переворачивание смысла в речи, жестах или ситуации, которое не ведет к негативному разочарованию, а доставляет воспринимающему удовольствие от самой игры со смыслом;
- юмор, в котором преобладает элемент игры/развлекательности над функцией выявления и уничтожения негативных явлений, с его оттенками по степени интеллектуализации: от грубых, но беззлобных шуток до изысканного шутливого тона (например, Б.Шоу).

Таким образом, сущность комического во всех его разновидностях едина - в основе комизма лежит отклик на определенную отрицательную ценность, иными словами парадоксальная ценностная ориентация - "радость, осмеивающая зло" (Карасев 1990, Рорти 1996). Это - прочувствованное, осознанное воспринимающим зло, а потому прощенное. Однако, сам не-

гативный объект осмеяния, "мера зла" - величина не постоянная для различных культурных и исторических эпох. Для нас особый интерес представляет именно это различие, национально-культурные особенности комического, форм его проявления и объекты осмеяния.

С социальной точки зрения, комическое может быть определено как отрицание чужого мнения в мнении определенной социальной группы, которое само превращается в утверждение норм, принимаемых этой группой (Любимова 1980). На этом свойстве - отрицания, уничтожения объекта комического - и основывается функция комического в рамках определенного социума.

В качестве заключения дадим определение комического, которое ляжет в основу дальнейшего исследования: комическое - это многофункциональная, многоплановая, многосторонняя эстетическая, социально значимая и национально маркированная категория, в основе которой лежит уничтожение одного из членов дихотомии сознательное/ подсознательное, реальное/ирреальное, форма/содержание, абстрактное/конкретное и т.д. во имя обнаружения истинного смысла комической ситуации, благодаря чему реципиент получает положительные эмоции, чаще всего физиологически проявляющиеся в смехе или улыбке. Отражение этих противоречивых отношений в письменной и устной речи носит, на наш взгляд, сугубо специфический, национально обусловленный характер и является продуктом как субъективного восприятия автором художественного произведения выше упомянутых противоречий, так и объективными особенностями мышления каждого члена той или иной этнической совокупности индивидов.

Литература.

1. Боров Ю. О комическом. - М.: Искусство, 1967.
2. Гоббо Т. Избр. Прозв. в 2-х т. - М.: Наука, 1964, т. 1.
3. Делез Ж. Логика смысла. - М.: Academia, 1995.
4. Кант И. Сочинения в 6 т. - М.: Наука, 1966, т.5.
5. Карасев Л.В. Парадокс о смехе // Квинтессенция. Философский альманах. - М., 1990. - С. 341-368.
6. Лук А.Н. Юмор, остроумие, творчество. - М.: Искусство, 1977.
7. Любимова Т.Б. Понятие комического в эстетике // Вопросы философии. - М., 1980. - N 1. - С. 111-123.
8. Рорти Р. Случайность. Ирония и солидарность. - М.: Русск. феномен. с-во, 1996.
9. Muir F. Oxford Book of Humorous Prose. - Oxford University Press, 1992.

Р.С. Черновол-Ткаченко (Харьков)

РЕКЛАМА КАК РЕЧЕВОЙ ФЕНОМЕН И ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИСТИКЕ

Развитие производства товаров массового потребления как в Германии, так и в других странах, вызвало необходимость их распространения, что в свою очередь обусловило появление газетного жанра рекламных объявлений, в которых производители предлагали читателям свои това-

ры, сообщая о месте изготовления товара, о его характере, а также о его функциональных особенностях. Как свидетельствуют данные, объявление-предложение о выпускаемом товаре и возможностях его приобретения продолжает существовать и в настоящее время в виде газетных публикаций, а также листовок, рассылаемых в различные места, в том числе и на торговые предприятия. Естественно, оформление объявления претерпело определенные изменения, но сущность рекламного объявления как описание товара и указание на его производителя остается неизменной.

Начиная с первого десятилетия XX века, наряду с объявлением в газетах появляется новая форма представления товара, которую принято теперь именовать рекламой. Термин реклама (Werbung) (рекламировать (werben)) не нов, он известен с VIII столетия (althochdeutsch „werben“) и имел значение *sich drehen*- „вращаться, вертеться“, *wenden*- „поворачивать“, *umkehren*- „переворачивать, приводить в беспорядок“, *einhergehen*- „шагать, шествовать“, *sich bemühen*- „стараться, добиваться чего-либо“ (Braun 1993). Развитие этого термина ведет начало от “вращаться, вертеться” в значении “быть занятым”. В 17 веке он приобретает значение “вербовать” *Soldaten anwerben*, а в начале XX века используется в значении расхваливания товара, т.е. в узком понимании торговой рекламы: *“Kaufmännische Anpreisung”* (Braun 1993).

В настоящее время термин “реклама” получил дальнейшее развитие. Под рекламой понимается как письменное, так и устное представление товара, его качеств и преимуществ. Но в рекламе, как правило, отсутствует адрес, не указывается производитель или исчерпывающая характеристика товара. В ней дается наименование продукта, краткий перечень его преимуществ, призыв к покупке. Закреплению за этим термином именно такого понимания способствовало то, что рекламу публиковали не только в газетах, но и на плакатах, щитах. Позже появилась придорожная реклама. Особое распространение она получила в первой половине XX века (Grosse 1975).

С новым толчком развития рыночных отношений в Германии после 1945 года появилась потребность в быстром и емком рекламировании товаров. Это повлекло за собой преобладание кратких рекламных форм по сравнению с объявлением. Об этом свидетельствует анализ 1170 примеров за два периода времени с 1870 по 1995 из журнала *“Stern”* и газеты *“Gießener Anzeiger”*:

Объявления	Длинный текст >101mm (DIN 1382)	Краткий текст <50mm (DIN 1382)
1870	84%	16%
1945	63%	37%
1995	30%	70%

Наряду с рекламным объявлением и рекламой возникло новое оформление призыва к покупке товара, получившее в современной германистике наименование рекламного слогана. Термин "слоган" был заимствован в первой половине XX века из английского языка и первоначально означал "боевой клич" (Schlachtruf), т.е. по форме краткое, а по содержанию лозунговое выражение. В рекламном слогане сохранился смысл и цель первоначального значения слогана, изменилась только сфера использования - рекламирование товара. Слоган должен быть кратким и выразительным, однако "логика и точность" могут отсутствовать. В рекламном слогане, как и в "боевом кличе", отсутствует аргументация и информация. Речь идет исключительно о впечатлении и действии, которое слоган оказывает на реципиента.

Появление различных форм предложений возможности приобретения товаров, а именно: рекламное объявление, реклама и рекламный слоган, - не осталось незамеченным языковедами. Изучению их особенностей еще до 1945 года были посвящены некоторые статьи (Heuer 1937), (Basler/Redlich 1933), (Huck 1914), а после этой даты появился ряд диссертаций, положивших начало практическому осмыслению рекламного объявления, рекламы, рекламного слогана, а также их структуры и языкового наполнения (Hundhausen 1954, Möckelmann/Zander 1975).

Так, были проанализированы экстралингвистические факторы взаимосвязи рекламодателя и потребителя, являющиеся по мнению исследователей представителями двух противоположных лагерей. В частности, в задачи первого входит завоевание второго словом, формой высказывания о предлагаемом товаре. Именно это представляет принципиальную особенность рекламы. Отсюда и требование к рекламе как к одному из жанров речевой деятельности: быть краткой и выразительной.

В этой связи Керстиенс (Kerstiens 1970) Макенсен (Mackensen 1971) и Ромер (Romer 1973) указывают на лексическую точность в передаче рекламной информации как на условие четкого понимания покупателем предлагаемого товара. При этом рассматривается использование таких грамматических форм, которые определяют высокое качество товара. Отмечается, что лучше всего для этой цели подходит употребление превосходной степени прилагательных в рекламе "... *der beste wahrscheinlich ist der Cognac Monnet aus Cognac*" (Stern Nr. 7, 1995), "*Das ist meine liebste Seife*" (Nürnberg Heute Nr. 56, 1996).

Гроссе (Grosse 1975) обратил внимание на возможность образования новых слов, построенных на морфемах или их фрагментах "*Mildessa, Milka, Blankin*".

Карстенсен (Carstensen 1965) и Венделькен (Wendelken 1967) подтвердили известную закономерность образования в немецком языке новых слов путем словосложения, широко применяемого в информационных высказываниях. Они считают, что использование необычных, оригинальных сложных слов служит основой для новых выводов и представлений о реклами-

руемом товаре. Новообразованные слова заменяют целые предложения, выражают новые понятия, несущие в себе большой информационный заряд, например: "Klangqualität", "Käsegenuss", "Rauchkultur", "Heizkomfort".

Не осталось незамеченным и рассмотрение рядом ученых проблемы синтаксического строя рекламы. Так, Ремер (Römer 1973) приходит к выводу, что рекламе свойственны простые и краткие предложения, содержащие, в общем, от четырех до шести слов. Гроссе (Grosse 1975) считает, что в текстах рекламы наблюдается тенденция к пропуску основного глагола, так как в действительности в данных текстах, по его мнению, существительное играет гораздо более важную роль, чем глагол.

Общим для всех перечисленных работ является то, что они посвящены изучению рекламных текстов нынешнего этапа, исторический аспект в них отсутствует. Это не умаляет заслуг этих исследований, внесших вклад в изучение и понимание языка рекламы современного немецкого языка. Они описали, классифицировали и обобщили языковой феномен с целью выявления в рекламе языковых приемов, оказывающих влияние на потребителя.

Вместе с тем нельзя не признать того факта, что в осмыслении языкового наполнения каждого из рекламных жанров есть целый ряд нерешенных проблем. Ждут углубленного рассмотрения сложные вопросы, связанные с изучением использования лексики, введения иноязычных элементов в оформление рекламного высказывания. Перечень только этих вопросов позволяет утверждать, что перед исследователями различных жанров рекламы встают новые задачи, решение которых поможет лучше понять не только "секреты" построения рекламы, но и выявить тенденции в их речевом оформлении.

Рассматривая рекламу как исторический феномен, представляется важным и необходимым провести диахроническое исследование языка рекламы и ответить на следующие вопросы: какие языковые средства использовались для рекламного объявления во времена слабо развитого массового производства, применялись ли специфические языковые и стилистические средства, в чем их своеобразие и какова их цель? можно ли определить временные рамки изменения средств языкового выражения рекламных текстов, социально-экономические факторы данных изменений? Эти вопросы на сегодняшний день остаются открытыми, так как ответ может быть дан только на основе диахронического исследования, проведение которого в этой связи представляется актуальным.

Литература.

1. Basler/Redlich 1933: Basler O. / Redlich F. *Reklame. Die Bezeichnung und ihre Geschichte*//*Preußische Jahrbücher*.-1933.-Nr.12.-S.24.
2. Braun 1993: Braun W. *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen*, 2. Auflage ergänzt von Pfeifer Wolfgang. - Akademie Verlag.-Berlin, 1993.
3. Carstensen 1965: Carstensen B. *Englische Einflüsse auf die deutsche Sprache nach 1945*. - Heidelberg, 1965.
3. Grosse 1975: Grosse S. *Reklamedeutsch*. - München, 1975.

4. Heuer 1937: Heuer F. *Entwicklung der Annoncen-Expeditionen in Deutschland*//*Zeitschrift für Volkskunde*.-1937.-Nr.62.-S.67 5. Huck 1914: Huck W. *Die kleine Anzeige, ihre Organisation und volkswirtschaftliche Bedeutung*//*Zeitschrift für deutsche Sprache*.-1914.-Nr.26.-S.120. 5. Kerstiens 1970: Kerstiens L. *Das werbende Sprechen*//*Zeitschrift für deutsche Sprache*.-1970.-Nr.26.-S.129. 6. Mackensen 1971: Mackensen L. *Die deutsche Sprache in unserer Zeit, 2.Auflage*.-Heidelberg, 1971. 7. Römer 1973: Römer R. *Die Sprache der Anzeigenwerbung, 3.Auflage*.- Düsseldorf, 1973. 8. Wendelken 1967: Wendelken P. *Der Einfluß des Englischen auf das heutige Werbedeutsch*//*Muttersprache*. - 1967. - Nr.77.

С.О. Швачко (Суми)

СУТНІСТЬ МОВОТВОРЧОЇ ФУНКЦІЇ

У сучасному мовознавстві існують теорії монофункціоналізму, біфункціоналізму та поліфункціоналізму. Монофункціоналісти висловлюють думку про можливість логічного зведення до комунікативної функції когнітивної, ментальної, експресивної, емотивної та інших епіфункцій (Пазухін 1991). Якщо біфункціоналісти признають комунікативну та пізнавальну функції, то поліфункціоналісти - різні за характером функції. У науковій літературі кількість функцій коливається від однієї до двадцяти шести (Яворська 1989).

Мова знаходиться у стані безперервного розвитку, вона служить не тільки засобом спілкування, знаряддям думок і почуттів, але й засобом переоцінки, переосмислення соціального та лінгвістичного досвіду (Швачко 1992). Серед багатьох функцій мови значне місце посідає лінгвокреативна або мовотворча функція (МТФ). Термін лінгвокреативний появився в роботах Б.А.Серебреннікова (Серебренніков 1970). Згідно з твердженням вченого МТФ безпосередньо пов'язана з лінгвокреативним мисленням (ЛКМ), що спрямоване на породження нових концепцій та бачень. Слово лінгвокреативний у науковій літературі вживається з іменниками мислення, діяльність, функція (Серебренніков 1970, Звегінцев 1973, Алефіренко 1988). У вітчизняних наукових джерелах вживається термін мовотворчий (Яворська 1989, Кобякова 1996). Недостатнє вивчення природи МТФ, великий інтерес сучасного мовознавства до антропоцентризму та текстоцентризму об'єктивує актуальність дослідження зазначеної функції. Розгляд деяких аспектів МТФ на емпіричному матеріалі різних за характером текстів дає змогу у майбутньому осмислити природу МТФ, ідентифікувати її статус серед інших практичних та непрактичних функцій (термін К.Бюлера).

Вибір способів та засобів МТФ зумовлений умовами комунікації та характером текстів. У наукових текстах думки-інновації позначаються за допомогою діаграм, графіків, формул, схем, малюнків тощо. У художніх

текстах, на відміну від наукових, перевага надається вербальному, а не пікторіальному викладу нових концепцій. У художніх текстах чільне місце посідає експресивно-емотивна лексика. У загадках, скоромовках, віршах широко використовуються такі стилістичні засоби, як: рима, ритм, алітерація, асонанс. Загадкам, наприклад, притаманна особлива структура, де рематична зона подається у тексті, а тематична виноситься за його межі, яку потрібно відгадати (Журавльова 1996). МТФ у загадках репрезентує нове бачення, нову оцінку референта. З цією метою у зоні реми згаданих текстів вживаються парафрази, незвичні аксіологічні позначення думко-мовлень.

Пор.- Що то за твір, що ні чоловік, ні звір, а має вуса? (Ячміль)

- Як гукне, то відзивається, все йде далі й не вертається. (Луна)

- Коли небо нижче землі? (Коли відображається у воді)

- Дуже люблять молодця, а б'ють його без кінця. (М'яч)

(Загадки 1962 : 75, 74, 379, 391, 357).

МТФ у скоромовках дивує адресата інформаційною лакуною, абсурдними, алогічними ствердженнями, які призводять до появи гумористичного ефекту. Пор. англ. *Peter Piper picked a peck of pickled pepper, a peck of pickled pepper Peter Piper picked; if Peter Piper picked a peck of pickled pepper, where's a peck of pickled pepper Peter Piper picked?* У цих текстах МТФ не має практичного характеру, вона не спонукає адресата до дій. Наближаються до скоромовок і каламбури - мовотворчі одиниці кумедного характеру. Пор.

- Сідайте, на чому стоїте, ще й ноги звішуйте.

- Як гороху, тих знайомих: куди не піду, то випхнуть.

- На городі бузина, а в Києві дядько.

- Давай дружити: то я до тебе, то ти мене до себе.

- Ви мовчіть, а ми будемо потакувати.

- Хлопче, що ти робиш? - Їм. - А собі коли?

- Василь бабі сестра в перших.

(Українські народні прислів'я та приказки 1955: 312, 317, 323, 324).

МТФ проявляється і в мовленнєвій діяльності дітей, які, перевіряючи свої незначні фонові знання, специфічно омовляють досвід (а) або творять неочікувані слова (б). Пор. рос.

а) Ты видишь, я вся босая; вот откуда облака! Их паровозы делают; ложись на мою подушку, будем вместе мой сон смотреть; а у Аленки на руках одни мизинчики;

б) Я мамина и больше никовойная; но ведь папа самее мамы; муж стрекозы - стрекозел; жил-был пастух, его звали Макар. И была у него дочь - Макарона; спой мне, мама, баюльную песню; я иду за ещём; мазолин - вазелин (Чуковский 1970: 76, 159, 161; 73, 75, 78, 84, 87).

Кожний письменник має свій індивідуальний підхід до мовотворчої діяльності. Майстерність не існує окремо від митця, вона визріває у надрах його досвіду, черпається із народних джерел колективного досвіду. На-

родно-пісенний принцип омовлення думок притаманний багатьом письменникам, серед них - О.Вишні, О.Гончару. Так, у народній пісні "А в нашого Омелечка" кількісний склад сім'ї іронічно подається шляхом поєднання контрастивних фраз, паралельними структурами та відкритим переліком. Пор.

А в нашого Омелечка
Невеличка сімечка, -
Тільки він та вона,
Та старий та стара,
Та діток череда:
Два парубки усатеньких,
Дві дівочки косатеньких,
Два дрова рубає,
Двох вдома немає,
Та дві Насті в запасці,
Та дві Христі в намисті,
Та дві ляльки в колиці,
Та дві няньки колише. (Народна пісня)

Подібний механізм переліку використовує і Остап Вишня, коли він описує базар на Сумщині. Пор.

... І все це ворухиться, дихає, курить, говорить, кричить, лається, мучає, мекає, ірже, ігікає, ремигає, позіхає, кувікає, хреститься, божиться, матюкається, заприсягається, пахне, кудкудахтає, квочє, смалить одне одного по руках, грає на гармонію, на скрипку, причитує, п'є квас, їсть тараню, будькає, лускає насіння, і крутиться на каруселі (Вишня 1956:43).

О.Гончар у своїй мовотворчій діяльності майстерно творить нові мовні одиниці для образного, поетичного зображення подій. Під поетичністю прозового твору письменник розумів високу емоційну насиченість художньої тканини, плавну гармонійну форму, у якій наявне широке філософське узагальнення. Пор.

ракета - "Опечкувата блискуда ... Викапаний літак, тільки крила обрубані";

"Буває вечірня зоря золота, буває рожева, а ця ось багрянисто-туманна, червона, густа";

"А степ сизіє, бузковіє, гасне. Вечірня зірка, далека невідома красуня, алмазно світить з неба";

"Повний місяць як матове сонце осявав океан хребтів".

(Гончар 1966-1967 : V 13, 18, 20; I 141)

Читача вражає вогонь творення О.Гончара : широка гама мистецьких засобів, ювелірна вишуканість, прозора простота, лаконізм, філософський підтекст кожного слова. Олесь Гончар як чарівник-пейзажист перегукується з Г.Байроном, з його шанобливим ставленням до природи : *I love not man the less but nature more.*

Невід'ємною рисою МТФ є постійна гра думкою або словом. МТФ по-різному актуалізується у типових та нетипових текстах. До нетипових текстів належать гумористичні висловлювання, прислів'я, лимерики, загадки. Нетиповість цих текстів проявляється у відсутності хронотопа, заголовка, фабули, гармонії між формою і змістом, принципів правди і ясності (Грайс 1985). Основним локусом реалізації МТФ вважають авторські гумористичні висловлювання (АГВ) - малі за обсягом, стислі за формою та нетрадиційні за поданням. Інформативність, закінченість, лінеарність, зв'язність і повторюваність по-особливому представлені в АГВ. Гумористичний ефект реалізується тут за допомогою МТФ у процесі відходу від норми, переоцінки попереднього лінгвістичного і соціального досвіду. Пор. англ. *California is a nice place to live in - if you happen to be an orange* (Allen). Гумористичний ефект передається в основному за допомогою необразних мовних засобів. Пор. англ. *Man weeps to talk that he will die so soon. Woman, that she was born so long ago* (Mencken). МТФ може омовлювати нову думку шляхом використання образних, тропічних засобів - метафор, метонімії, що сприяє експресивно-емоціональному оформленню думки-інновації. Метафора використовується МТФ для переоцінки стереотипних уявлень про референт. Пор. англ. *Discontent is the first step in the progress of a man or a nation* (Wilde). Розширена метафора реалізується в якості субстрата референта у зоні реми жартівливого висловлювання. Пор. англ. *America is the paradise of women. That is why like Eve, they are so extremely anxious to get out of it* (Wilde). Модифікація значення АГВ реалізується за формулою $S1 \ S2 \rightarrow S3$. Весь контекст $S1$ діє на значення окремого слова $S2$, а потім народжується нове значення $S3$. Конотативно "заряджене" слово діє на весь контекст, перетворюючи його в гумористичне висловлювання типу *Popularity is the crown of laurel which the world puts upon bad art. Whatever is popular is wrong* (Wilde). Метонімічні переноси включаються в процеси деталізації, генералізації та нейтралізації. В умовах АГВ авторські новації є значно сильнішими за норму мови. Прагнення до семантичної зміни допомагає МТФ створити гумористичний ефект. Пор. англ. *The two maxims of any great man at court are always to keep his countenance, and never to keep his word* (Swift). Художні образи (метафори, метонімії, епітети) використовуються МТФ для зображення світу не таким, який він є насправді, а таким, яким його уявляють у творчій лабораторії АГВ.

Існують стабільні прийоми МТФ: 1) вибір незвичайних засобів вираження; 2) побудова своєрідних одиниць за формою та змістом. Пор. англ. 1) *Woman is at once the serpent, the apple - and the bellyache* (Mencken); *The report of my death is an exaggeration* (Twain); *The more I see of men, the better I like dogs* (Roland); 2) *Orthodoxy is my doxy; heterodoxy is another man's doxy* (Warburton); *When I am good I am very very good, but when I am bad I am better* (West). Актуалізація незвичайних засобів позначення референтів свідчить про адап-

тивність мови, про її значні потенції у розв'язанні суперечностей між кінчними ресурсами мови та некінченими ситуаціями її вживання.

Мовотворча функція, яка нерозривно пов'язана з іншими практичними та непрактичними функціями, знаходить свій вираз у творчому використанні мовних засобів у процесі переоцінки соціального та лінгвістичного досвіду мовців, переосмислення картин світу та мови. Призначення МТФ - породження нових думко-мовлень, які використовують мову у відповідності з її іманентною сутністю. МТФ співвідноситься з ЛКМ і матеріалізує індивідуальне бачення світу у процесі кваліфікативного, аксіологічного осмислення досвіду мовного соціуму.

Література.

1. Алефіренко Н.М. Лінгвокреативні процеси формування фразеологічної семантики // Мовознавство. - К. 1988 №3.
2. Бюлер К. Теория языка. Экспрессивная функция языка. - М., 1993.
3. Остап Вишня. Твори в двох томах. Том перший. - К., 1956.
4. Олесь Гончар. Твори в п'яти томах. - К., 1966-67.
5. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. - Москва, 1985.
6. Журавлева С.И. Реализация вопросительности как супрасинтаксического элемента в нетипичных текстах (на материале англоязычных текстов) // Дисс... канд. фил. наук - К., 1996.
7. Загадки - Киев, 1962.
8. Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория - М., 1973.
9. Кобякова И.К. Реализация лингвокреативной функции в английских текстах малого жанра // Дисс... канд. фил. наук - К., 1996.
10. Пазухин Р.В. Язык. Функция. Коммуникация. - М., 1989.
11. Серебрянников Б.А. К проблеме сущности языка // Общее языкознание: формы существования, функции, история языка. - М., 1970.
12. Українські народні прислів'я та приказки. - К., 1955.
13. Корней Чуковский. Сочинения в двух томах. Том первый. - М., 1990.
14. Швачко С.О. Лінгвістичні курйози як естетико-розумова категорія мовлення // Гуманістичні аспекти лінгвістичних досліджень і методика викладання іноземних мов. - К., 1992.
15. Яворська Г.М. Нові аспекти у розробці функцій мови. - Мовознавство, 1989 №5.
16. The Concise Oxford Dictionary of Quotations - London, 1992.

И.С. Шевченко (Харьков)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ПРАГМАТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК АНГЛИЙСКИХ МЕЖДОМЕТИЙ

Функционирование междометий привлекает внимание исследователей в различных аспектах: на уровне семантики подчеркивается их принадлежность к чисто эмотивным средствам языка (Quirk et al., 1985:853), на уровне прагматики получает освещение их современное состояние и речеактовые характеристики (Journal of Pragmatics, 1992, т. 18), ставится вопрос об их прагматических особенностях в более ранние исторические периоды, в частности, в ранненовоанглийском языке (Taavitsainen, 1995),

однако до настоящего времени не исследованным остается процесс диахронического развития прагматических характеристик междометий. Данная статья является одной из первых попыток динамического подхода к рассматриваемой проблеме.

Выбор междометий как объекта динамического исследования в аспекте исторической прагмалингвистики не случаен. Эти элементы языка в силу своих структурно-семантических особенностей представляют собой прекрасный объект для наблюдений в прагматике, часто выступая как маркеры иллокутивной силы речевых актов, что делает исследование более наглядным и увеличивает степень достоверности полученных данных.

Междометие - часть речи, сигнализирующая эмоциональное состояние говорящего, не называя его. Традиционно выделяют междометия первичные, не производные от иных частей речи, и вторичные, производные. Первичные междометия чаще всего однословны. В прагматическом плане они характеризуются способностью выражать отношения говорящего и коммуникативные интенции, служить прагматическими маркерами речи, в отличие от рутинных фраз, клишированных выражений, функционирующих как стереотипная реакция в дискурсе (приветствия, прощания и т.п.) /Амека, 1992:102, 106/. Именно первичные междометия и избраны объектом данного исследования.

Материалом исследования послужили драматургические произведения пяти английских авторов, написанные с интервалом в столетие: В.Шекспир (конец 16 в.), Дж.Вильерс (конец 17 в.), О.Голдсмит (конец 18 в.), О.Уайлд (конец 19 в.) и Дж.Пристли (20 в.), в среднем по 2500 строк каждого автора. Такой выбор обеспечивает достаточную надежность полученных данных поскольку, с одной стороны, в диахроническом прагмалингвистическом исследовании единственным источником сведений о функционировании языковых средств, дающим представление о разговорной речи своей эпохи, выступает письменный текст, а драматургический текст, несомненно, наиболее приближен к естественной коммуникации. С другой стороны, все источники принадлежат к одному жанру, что немаловажно для исследования междометий, которые в силу особенностей своей семантики существенно варьируются в зависимости от жанра коммуникации (они преобладают в устной неофициальной речи и существенно менее употребительны в качественном и количественном плане в официальном деловом, научном и пр. видах общения). Информация о значениях междометий и, частично, о времени их употребления, почерпнута из Оксфордских толковых словарей английского языка, словарей Collins Cobuild, McMillan, Webster.

Дополнение традиционного семантического анализа английских междометий их изучением в аспекте прагмалингвистики позволило выделить некоторые из их наиболее значимых функций на современном этапе: эмоциональная, когнитивная и фатическая /Амека, 1992:113-114/. Рассмотрим некоторые наиболее типичные лексические формы междометий в раз-

личные эпохи, выделим присущие им функции и определим тенденции исторической динамики функционирования междометий.

Для ранненовоанглийского периода в драматургии наиболее частотны, по нашим данным, междометия "O" (54%), "Marry" (26%), "Ha" (12%). Первое, как правило, употреблялось в вокативной функции и сопровождалось именем личным собственным. В отдельных примерах в соответствии с нормами речевого этикета данного периода имя адресата сопровождалось одним или несколькими гонорифичными прилагательными, придающими всему речевому акту эмотивную окраску, например:

"O, sweet Benedick" /Shake., MA, II, 3, 132/, "O, Hero, ..." /ibid, IV, 1, 98/.

Помимо вокативной функции, что наиболее типично, данное междометие функционировало также как маркер эмоций адресанта изолированно: "O, she is fall'n into a pit of ink..." /ibid, IV, 1, 139/, либо в сочетаниях типа O God, O Fate и пр., выражающих божбу, клятвы и т.п.

Междометие "O" зафиксировано также как средство передачи очередности говорения и выступает, тем самым, как маркер фатической иллюкативной силы, сохраняя некоторый эмотивный оттенок, что особенно характерно в репликах-отказах типа "O, by no means" /ibid, IV, 1, 315/.

Междометие "O" в отдельных случаях реализует когнитивную функцию, выражая мыслительные процессы адресанта: "O, a stoll and a cushion" /ibid, IV, 2, 3/, при этом также сохраняя сопутствующую иллюкацию экспрессивности.

Типичным для ранненовоанглийского периода является функционирование междометия Marry, которое становится архаичным уже к концу 17 в. (только 1 пример в более поздней выборке). В 16 в. оно выражает согласие с элементом удивления, чаще всего положительно окрашенным. Этимологически корни этого междометия - в наименовании святой деви Марии, поэтому неудивительно, что это междометие было весьма частотным в позднем средневековье. В высказывании оно располагается, как правило, в препозиции, а в отдельных случаях - в интерпозиции внутри реплики.

Среди функций междометия Marry в высказывании - конативная функция, обращенная к сфере мыслительной деятельности адресанта: "Officers, what offence have these men done? - Marry, sir, they have committed false report" /ibid, V, 1, 203/. Данное междометие выполняет также и когнитивную функцию в высказывании, например: "Yea, marry, that's the efteway" /ibid, IV, 2, 32/. В последнем случае наличие утвердительного ответа увеличивает воздействующую силу высказывания. К редко встречающимся относятся примеры функционирования данного междометия с негативной коннотацией: "Marry, thou dost wrong me" /ibid, V, 1, 52/.

В 16-17 вв. функционируют междометия, не зарегистрированные в более поздних произведениях: "Fie, tush, lo". Эти ныне обветшалые формы обладали частотностью 5-10% в выборках указанных периодов. Междометие "fie (fy, fye)" употреблялось в качестве проклятий, выражений отвращения, ненависти, презрения, обвинения и т.п., а иногда и имело шутили-

вую форму. Наиболее частотно формы *fie* сочетаются с предлогом *on* либо входят в устойчивое сочетание *fie for shame*, например: "Fie upon thee!" /*ibid*, III, 4, 25/. Чаще всего данное междометие выступает в эмоциональной функции.

Междометие "tush(e)" используется для передачи резкого отрицания предыдущего высказывания, а также несогласия, нетерпения, презрения: "Tush! I may as well say that ..." /*ibid*, III, 3, 112/. Тем самым анализируемое явление можно считать, с одной стороны, средством выражения эмотивности, а с другой, средством реализации когнитивной функции высказывания - свидетельством мыслительной деятельности адресанта.

Междометие "lo" по своей семантике неоднозначно, что определяется его этимологией: с одной стороны, оно восходит к древнеанглийскому *la*, выражавшему горе, удивление, радость, с другой - к глаголу "смотреть" в форме "посмотри". В выборках 16-17 вв. обнаруживаются употребления данного междометия, соответствующие обоим этимонам. Например, "Lo, you now; there he's again" /*Villers*, p.32/.

Междометие *ha* функционирует в шекспировских диалогах как звуковое подражание смеху - эмотивная функция, а в 17 в. помимо данной функции употребляется в постпозиции к предложению-вопросу, подобно современному *eh*, сравним: "How do you like it now, ha?" /*Villers*, h. 13/. Последнее может быть расценено как проявление фатической функции междометий. В 18-20 вв. данная форма не зарегистрирована как фатическая и практически выходит из употребления и как эмотивная тоже.

В 17 в. функционирует междометие "pish"- "восклицание, выражающее презрение и нетерпение" /*Hornby*/, которое практически не зарегистрировано в выборках иных исторических периодов. Помимо данной формы к 18 в. выходит из употребления целый ряд междометий типа *hey ho*, *who*, *alack*.

Наибольшая частота и разнообразие форм первичных междометий отмечается, по нашим данным, в английском языке 18 в. (хотя нельзя не учитывать при этом фактор авторской манеры письма). Так, в пьесах О. Голдсмита встречаются междометия, не отмеченные в иные исторические периоды: *zounds* (*waunz*), этимологически восходит к *God's wounds* и употребляется как мягкая форма божбы, в этой же функции встречаются *egad* (*ecod*) - эвфемические формы, восходящие к *by God*. Как эмотивное междометие функционирует и позднее утраченная форма *lud*. В общей сложности междометия - выражения эмоций говорящего функционируют более, чем в 60% нашей выборки 18 в. Например: "Why don't you move? - Ecod, your worship, I never have courage..." /*Goldsmith*, p.385/; "Zounds, man! We couldn't as soon ..." /*ibid*, p.356/; "Lud, this news of papa's put's me all in a flutter" /*ibid*, p.351/.

Как средства реализации когнитивной функции в этот период функционируют формы *so*, *o*, *oh*, причем последняя также способна сигнализировать эмотивные и фатические речевые акты.

К экспрессивным средствам следует отнести впервые зарегистрированные в 18 в. и функционирующие до настоящего времени междометия *psaw*, заимствование *bravo*.

К фатическим средствам на протяжении всего изучаемого периода относятся *hem* (18 в.), *hm*, *mm* (20 в.).

В целом в 16-18 вв. междометия обладают значительным разнообразием и, поданным нашей выборки, из частотность возрастает к 18 веку. В качественном плане, помимо названных, встречаются формы *eh*, *ah*, *Oh*, *A*, *ha*, *alack* (*alas*). В выборке каждого столетия зарегистрировано 15-20 различных форм междометий.

Существенно сужается качественный состав английских междометий в 19-20 в. по сравнению с предыдущими периодами: это 5-6 междометий в пьесах О.Уайльда и Дж.Пристли, хотя их средняя частотность в целом, по нашим данным, не снижается (ее показатель колеблется от 0,02% до 0,04% на 1 строку текста в среднем). Большинство функций, выполнявшихся в 16-18 вв. разнообразными местоимениями, в 19-20 вв. обслуживают междометия *oh*, *eh*, *ah*.

Междометие *Oh* в этот период становится своеобразным универсальным способом выражения названных выше функций междометий. Так, *oh* может выражать эмоции говорящего и в этой функции выражать широкий спектр состояний: удивления, огорчения, радости и пр.: "*Oh I didn't even know...*" /Schiffirin, 1987:86/.

Междометие *Oh* способно реализовать функцию привлечения внимания в сочетаниях типа "*Oh listen!*", тем самым выступая как фатическое средство.

Форма *Oh* служит также сигналом "приема информации" по определению Д.Шиффрин, то есть реализует когнитивную функцию, как, например: "*He didn't know it*" - "*Oh*". /Schiffirin, 1987:93/.

Однако данная форма не зарегистрирована в конативной функции. Вероятно, это можно объяснить тем, что она является "средством для говорящего стимулировать ответное уточнение информации, получаемой в ходе дискурса" /там же: 84/.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в целом междометия в прагматическом плане относят к числу маркеров дискурса (Д.Шиффрин, *Op.cit.*), причем указывается на прагматический в отличие от идеационного характер данных маркеров /Redeker, 1990/. Их способность служить маркерами прагматической структуры дискурса сближает их, в этом смысле, с союзами, клишированными фразами, вторичными междометиями.

По нашим данным, типичные для междометий 16-18 вв. функции вокатива не характерны для них в 19-20 вв. Если прежде использование препозитивных междометий, нередко сопровождавшихся обращениями, было практически регулярным, то в более поздние периоды междометия утрачивают способность сигнализировать смену очередности говорения в дискурсе. Вероятно, это объясняется не только лингвистическими, но и

экстралингвистическими причинами, среди которых немаловажны традиции литературы, книгопечатанья, просвещения, а также изменения в природе и способах реализации коммуникативных принципов и принципов вежливости на протяжении исторического развития языка и социума.

Сравнивая прагматические функции междометий в изучаемые периоды, отметим, что вокативная функция была и остается наиболее значимой для этих форм, способных также реализовать эмотивную, когнитивную и (реже) конативную функции в дискурсе (см. табл. ниже):

Функции междометий	16-18 вв.	19-20 вв.
Фатическая:		
вокативная (контактоустановление)	Oh, Ah, O!	Oh!
контактопродолгация	hem	mm, hm
Когнитивная	Ah! Eh! O! Oh! Marry	A ha! Oh!
Эмотивная (экспрессивная)	Ah, Alack, Fy(e)! Tut! Oh, O!	Alas! Oh, wow!
	Pshaw! Tush! Lo!	
Конативная	Ha! Hush! Lo! Marry	eh?

Таким образом, краткий обзор динамических процессов в прагматике междометий дает новые данные для развития исторической прагмалингвистики.

Литература.

Ameka F. *Interjections//Journal of Pragmatics*. - 1992. - v.18. - P.101-118.
 Quirk R. et al. *University Grammar of English*. - L,N.Y, 1985. Redeker G. *Ideational and pragmatic markers of discourse structure//Journal of Pragmatics*. 1990. No 3. - P.367-381. Schiffrin D. *Discourse markers*. - Cambridge: CUP, 1987. Taavitsainen I. *Interjections in Early Modern English//Historical Pragmatics/ed. by A.Jucker*. - Amsterdam, 1995. - P. 439-465.

И.В. Яковенко /Харьков/

ПРИЧИНЫ МОТИВАЦИИ НАУЧНЫХ И ОБИХОДНЫХ ТЕРМИНОВ

Различие научного и обыденного сознания в настоящее время находится в центре исследования философов, лингвистов, культурологов. Специалисты различных направлений указывают на чрезвычайно высокую роль чувственного познания во всех видах человеческой деятельности. В освоении передачи человеческих знаний ведущая роль принадлежит метафоре.

Данная статья посвящена метафорическим терминам в научном и обыденном сознании. Примером словарей, сочетающих как научное, так и обыденное сознание, являются использованные в работе следующие словари (Попов 1967, Смык 1991).

Важно отметить, что появление некоторых терминов в естественных науках связано с историей народа, его культурой, традициями и религией. " Культура как интегративный образ человеческой жизнедеятельности неразрывно связан с языком, в формах которого получают закрепление способы и результаты общественно-исторического опыта " (Кукушкина 1984: 107). Например, "снігурка", "царська свічка", "бояринка" и др.

Но в то же время в силу диффузной природы метафоры очень трудно определить причину мотивации растений. Это касается метафор, заключенных в яркую образную оболочку (см. Н.Д. Арутюнова (Арутюнова 1990 : 25)). Например, "орех ведьмин", "божі ручки", "боже тіло", "божа кривця", "ангельське зілля" и др. В данном случае можно говорить о формальной мотивировке, так как остаются совершенно неясными конкретные признаки растений.

Для этого вида наименований уместно применить оценочную шкалу "хорошо - плохо" в связи с тем, что "оценка, заключенная в этих словах, является социальной, ибо отражает оценочное отношение языкового коллектива или его части к объекту оценки" (Ретунская 1989 :27). Поэтому к подобным понятиям мы отнесем такие термины, как "боже деревцо", "богослав", "ангельське зілля" и др., а к противоположной шкале - "біс дерево", "чортова м'ята", "орех ведьмин" и др. Интересным представляется и тот факт, что такие противоположные по оценке термины, как "біс дерево" и "боже дерево" является наименованиями одного растения. Здесь расплывчатость мотивировки достигает максимума. По-видимому, за основу данных наименований были взяты разные функции растения. С одной стороны, термин "боже дерево" можно соотнести с ароматическими и целебными свойствами этого растения при лечении эпилепсии и туберкулеза. С другой стороны, издавна считается, что "эпилепсия" - бесовская болезнь и термин "біс-дерево" полностью соответствует этому понятию. Таким образом, в двух названиях одного растения переплетаются как свойства, так и функциональная направленность растения.

Кстати сказать, иногда термины отражают некоторые различительные внешние признаки растения, но не всегда существенные. Например, термин "омела белая" имеет дополнительные народные названия: "чертов куст", "ведьмины метлы" и др. Указанный научный термин отражает только цветовую гамму этого растения, игнорируя его остальные свойства, в то время как обиходные слова характеризуют его с функциональной стороны в соответствии с поверьями. Может быть из-за экзотического вида дерева, на голом стволе которого оставались большие листья после листопада, они казались колдовскими и вследствие этого растению приписывали чудодейственные свойства, способные предохранять от огня и молнии.

Как научной, так и народной ботанической терминологии свойственно наличие наиболее употребительных имен. Например, "Адамов корень", "Анютины глазки", "Петрова закуска", "Марьян корень", а также имена, символизирующие типичного украинца и русского: "Иван-чай", "Іванок",

"головастий Іван", "Іван-да-Марья" и др. В этом случае также можно говорить о типично формальной мотивировке слова. Поэтому здесь следует привести высказывание А.А. Потебни, что "... пісня, переказ, легенда у деяких випадках виникли під впливом самої назви рослини тобто, можливо, не народні твори, звичаї пояснюють її назву, а, навпаки, сама назва спричинила виникнення легенди, міфа, пісні" (Марченко 1994 :71).

Другая группа терминов непосредственно связана с характеристиками человека, "аконит стройный", "ласкавец золотистый", "глухая крапива" и др. Эти термины из-за сходства с портретом человека в какой-то степени приобретают эмоциональную окраску.

Оценочная мотивация проявляется в таких обиходных названиях, как "красавка", "чарівна ліщина", "дівоча краса", но при этом выражается только высокая общая оценка без указания конкретного признака растений.

Однако в ботанической терминологии нередко встречается слово "обыкновенный", которое является как бы точкой отсчета или средней нормой при портретировании образа человека, например: "черника обыкновенная", "абрикос обыкновенный", "крыжовник обыкновенный" и др. (ср., к примеру, разницу эмоциональной окраски в "коровяк обыкновенный" и "коровяк великолепный").

Кроме флоры в мотивировке ботанической терминологии активно участвует также и фауна. Этот вид мотивировки нередко лежит в основе научных и обиходных терминов, например: "раувольфия змеиная", "ослиник двулетний", "каштан конский", "зайцегуб опьяняющий", "заячий горох", "жаб'ячі огірочки", "котики" и др. В этом случае также можно говорить о диффузной мотивировке, так как при анализе этих наименований мы прибегаем к интуиции и догадке. "Интуитивное чувство сходства играет огромную роль в практическом мышлении" (Арутюнова 1990 : 8). Невозможно точно объяснить причину мотивировки таких терминов, как "собачий мак", "ива козья", "лук медвежий", "воробейник лекарственный" и др. Может быть перечисленные в данных терминах животные едят эти растения.

Но иногда прозрачность мотивировки этого вида терминов достаточно отчетлива, так как на первый план выступает сходство формы с определенной частью тела. Например, "ведмеже вухо", "вовчий зуб", "журавлині носики" и др.

Особенно активно участвуют в создании зооморфных метафор образы хорошо известных человеку домашних и диких животных, таких как конь, кот, собака, гусь, волк, медведь, заяц.

Названия могут также отражать основные проявления жизнедеятельности растений, которые указывают на место произрастания. Этому виду наименований характерны как научные, так и обиходные термины, например: "водяной перец", "цмин песчаный", "чистец лесной", "подорожник", "гроб-трава" и др.

Кроме этих характеристик растений в них иногда прослеживается время, сезон их произрастания, а также ассоциации, связанные с возрастом и продолжительностью жизни человека. Например, "безвременник осен-

ний", "зимоцвіт", "горицвет весенний", "зімолюбка зонтична", а також "бессмертник песчаный", "столетник", "стародубка" и др.

Многие из научных терминов включают указания на такие отличительные признаки, как большая или малая величина, чрезвычайно существенные для человеческого сознания, например: "золототысячник малый", "подорожник большой", "чистотел большой", "барвинок малый" и др.

Некоторые растения получили свое название по форме листа, корня, стеблей, веток или соцветия. Как данная, так и предыдущая группа обладает ясной прозрачной мотивировкой, потому что в этом случае причина выбора наименования не вызывает сомнений. Например, "липа сердцевидная", "болиголов пятнистый", "подофил щитовидный", "лютик ползучий", "желтушник раскидистый" и др.

Таким образом, в заключение следует отметить, что отсутствует достаточно отчетливая граница в принципах мотивации научных и обиходных терминов. Можно говорить лишь о большей степени мотивированности обиходных терминов.

Литература:

1. Арутюнова 1990: Арутюнова Н.Д. Теория метафоры: Сборник. - М.: Прогресс, 1990.
2. Кукушкина 1984: Кукушкина Е.И. Познание, язык, культура: (Некоторые гносеологические и социологические аспекты проблемы). - М.: Изд-во МГУ, 1984.
3. Марченко 1994: Марченко Т.Я. Походження назв рослин у сербській мові // Мовознавство. - 1994. - №6. - С. 68-73.
4. Попов 1967: Попов А.П. Лекарственные растения в народной медицине. - К.: Здоров'я, 1967.
5. Ретунская 1989: Ретунская М.С. Тематические группы социально-маркированной лексики в английском языке // Язык и общество. Межвузовский научный сборник. - Изд-во Саратовского ун-та, 1989. - С. 22-31.
6. Смик 1991: Смик Г.К. Корисні та рідкісні рослини України. Словник - довідник народних назв. - К., 1991.

Б.С. Хаймович, Б.Й. Роговська

ПРО КЛАСИФІКАЦІЮ РЕЧЕНЬ ВІДНОСНО ЇХ ГРАМАТИЧНИХ КАТЕГОРІЙ

Якщо парадигматика слова, пов'язана з його граматичними категоріями числа, відмінка, стану, виду, тощо, була об'єктом тривалого вивчення, парадигматика речення, пов'язана з його граматичними категоріями, мало досліджена. "Знаменно, - пише Є.В. Гулига, - що в синтаксисі питання парадигматики тільки починають розроблюватися і вирішуються в різних напрямках" [1, 22].

Оскільки синтаксис поряд з морфологією є загально визнаною невід'ємною частиною граматики, поняття і термін "граматична категорія" правомірні тільки тоді, коли вони однаково застосовуються у всій граматиці: і морфології, і синтаксисі. Інакше слід було б говорити тільки про морфологічні категорії, або про принципово різні категорії морфології та синтаксису.

З цього погляду існуючі концепції синтаксичних категорій можна поділити на ті, що однорідні з концепціями морфологічних категорій, отже підводяться під загальну концепцію граматичної категорії, і ті, що відривають синтаксичні категорії від морфологічних.

У сучасній лінгвістиці концепції другого типу переважають, внаслідок чого до синтаксичних категорій відносять різноманітні та різнорідні явища: члени речення (підмет, присудок), функції морфологічних одиниць (відмінків, прийменників), ознаки речення (предикативність, комунікативність), тощо. Ці синтаксичні категорії відповідають не морфологічним категоріям відмінка, числа тощо, а таким явищам, як частини слова (корінь, префікс, суфікс), функції морфем у слові, комунікативність слова тощо.

Деякі автори з різною мірою послідовності переносять на синтаксичні категорії ознаки, властиві також морфологічним категоріям [2; 3; 4].

Ми вважаємо, що на всіх рівнях структури мови (на рівні фонем, морфем, слова, речення) є явища, однорідні за будовою або, інакше, гомоморфні, названим морфологічним категоріям. Вони найкраще вивчені у фонології, де їх називають не категоріями, а кореляціями.

Якщо відкинути спірну теорію обов'язкового бінаризму, то класичне визначення кореляції [5; 95] зведеться до "сукупності пропорційних одномірних опозицій з тією самою корелятивною ознакою". На рівні фонем кореляцією дзвінкості є сукупність таких опозицій, як /б/-/п/, /з/-/с/, /д/-/т/, з корелятивною ознакою "дзвінкість" - "глухість". Кореляцією локальності є сукупність таких опозицій, як /р/-/л/-/к/, /б/-/д/-/г/, з корелятивною ознакою "лабільність" - "дентальність" - "велярність". Так само, на рівні слова кореляцією (категорією) числа є сукупність таких опозицій, як "стіл" - "стол", "ніж" - "ножі", "хата" - "хати", з корелятивною ознакою "однина" - "множина". Аналогічно, на рівні речення сукупність таких опозицій, як "Він іде". -

"Він іде?", "Сьогодні холодно". - "Сьогодні холодно?", "Страус не літає". - "Страус не літає?", з корелятивною ознакою "твердження" - "питання", є синтаксичною кореляцією (категорією) питальності.¹

У всіх наведених випадках члени опозицій розрізняються лише елементами корелятивної ознаки, інші елементи плану виразу (у фонем) і плану змісту (у слів і речень) тотожні і складають загальну основу для порівняння. Отже, опозиції однорідні. Вони також пропорційні, бо з кожних двох опозицій однієї кореляції можна скласти пропорцію.

Наведені опозиції всіх рівнів можуть нейтралізувати під впливом якогось зовнішнього елемента. Тоді опозиція згортається і зводиться до одного члена нейтралізації. Так, опозиція дзвінкості під впливом елемента "назальності"; членами нейтралізації становляться фонemi /м/, /н/, які не мають "глухих" протичленів. Опозиція числа нейтралізується під впливом таких елементів лексики, як "сани", "ворота"; відповідні слова становляться членами нейтралізації і не мають протичленів "однини". Опозиція питальності нейтралізується під впливом елемента "підрядності": членами нейтралізації становляться підрядні речення, які не мають протичленів "питання".

Вважають, що фонemi /з/ і /м/ в рівній мірі містять в собі "дзвінкість". Але дзвінкість /з/ опозитивна (/з/-/с/), або пряма, а дзвінкість /м/ не опозитивна, непряма. Вважають, що слова столи і сани в рівній мірі містять в собі "множину". Але множина в слові столи опозитивна (столи - стіл), пряма, а в слові сани, не опозитивна, непряма. Вважають, що в складнопідрядному реченні *He knows she'll come* і головне і підрядне речення містять в собі "твердження". Але в *"He knows ..."* "Does he know?" пряме, а в *"...she'll come"* воно не опозитивне, непряме.

Усі приголосні української мови можна класифікувати по відношенню до кореляції дзвінкості на ті, що містять в собі прямі члени цієї кореляції, і ті, що мають лише непрямі члени. До перших в англійській мові належать фонemi /р/, /б/, /т/, /д/, /ф/, /в/ та інш. До других належать /м/, /н/, /л/, /г/, /ж/, /х/ та інш. Усі йменники української або англійської мови можна класифікувати відносно кореляції (категорії) числа на ті, що містять в собі прямі члени цієї кореляції, і ті, що мають лише непрямі члени. До перших в англійській мові належать слова *pen, pens, child, children* та інш. До других - слова *milk, china, tongs, stairs* та ін. Усі речення української чи англійської мови можна класифікувати відносно кореляції (категорії) питальності на ті, що мають прямі члени цієї кореляції, і ті, що містять в собі тільки непрямі члени. До перших в англійській мові належать речення *"They are blowing it up."*, *"Are they blowing it up?"*, *"It's the only place."*, *"Is it the only place?"* та ін.

До других - речення з питальними словами *"What are they leaving?"*, *"Why are they leaving?"* тощо, спонукальні речення *"Come at seven."*, *"You stay here!"* тощо, підрядні речення усіх типів.

1. На зразок фонологічних кореляцій дзвінкості, вазальності та ін., які названі за маркованими членами опозицій. Запропонована О.Д.Смирнитським [6, 88] назва "заява-питання" або І.П.Распоповим [2, 34] назва "категорія цільового призначення" надто довгі та незручні.

Класифікація мовних одиниць відносно мовних кореляцій має багато переваг перед існуючими класифікаціями. По-перше, це перевага єдиного класифікаційного принципу для фонологічних, морфологічних та синтаксичних одиниць. По-друге, класифікація кожного рівня проводиться відносно кореляції цього ж рівня. Так що замість суміші логічних, фонетичних, лексико-граматичних та інших класифікацій ми одержуємо чисто фонологічні, чисто морфологічні та чисто синтаксичні класифікації одиниць. По-третє, класифікація відносно певної кореляції має вичерпний характер. Кожна одиниця або є прямим членом відповідної опозиції даної кореляції, або ні. Існуючі класифікації часто не мають цієї властивості. Наприклад, М.О.Ганшина та Н.М.Василевська [7, 16] поділяють загальні іменники на конкретні та абстрактні, а потім додають, що до загальних іменників належать і збірні.

Відповідно до назви статті розглянемо тепер класифікацію речень англійської мови відносно інших синтаксичних кореляцій (категорій).

Сукупність опозицій типу *He's ill - He isn't ill, Does he smoke? - Doesn't he smoke? Open the door! - Don't open the door!* та ін., з корелятивною ознакою "позитивність" - "негативність", є синтаксичною кореляцією (категорією) сполучності. Адже позитивне речення *He's ill* містить в собі значення позитивної сполучності *he i ill*, а негативне речення *He isn't ill* - значення негативної сполучності *he i ill*. Саме сполучність відрізняє наведені вище негативні речення від негативних слів (*nobody, nothing*) або негативних морфем (*un-, -less*).

Паралельно загальним та спеціальним питанням існують загальні та спеціальні заперечення. Перші відносяться до сполучення елементів предикації, тобто є предикативними запереченнями рівня речення. Другі відносяться до окремих елементів речення і є запереченнями словесного рівня.

Заперечні слова нейтралізують опозиції сполучності так само, як питальні слова нейтралізують опозиції питальності. Не тільки речення *Something happened*, а й речення *Nothing happened* містить в собі позитивну сполучність, але в першому реченні це значення опозитивне, пряме, а в другому непряме. Опозиція сполучності нейтралізується також в одночленних "фонових" реченнях типу *"Night."*, *"Silence."*

Таким чином, відносно кореляції сполучності англійські речення поділяються на дві нерівні групи. Більшість речень є прямими членами опозицій цієї кореляції. Лише порівняно невелика група має непрямі значення сполучності.

Сукупність опозицій типу *It's raining - It is raining, He came - He did come*, з корелятивною ознакою "емфатичність" - "неемфатичність", утворюють синтаксичну категорію експресивності.

Так само, як питальність та заперечність, емфатичність може бути загальною і частковою або спеціальною. Загальна емфатичність відноситься до предикативного зв'язку, а спеціальна до окремого слова в реченні.

Аналогічно опозиціям питальності та сполучності, опозиція експресивності нейтралізується під впливом спеціальної емфатичності. Речення *He came yesterday, not to-day* не має протичлену опозиції експресивності, себто прямого значення цієї опозиції. Зв'язок між *he i came* не-емфатичний, але це - непряме значення кореляції експресивності. Не мають протичленів

експресивності і речення типу "Night", "Silence", і ті питальні, заперечні, емпатичні речення, що утворені без одного з 24 структурних виразників предикативних зв'язків: *am, is, are, was, were, have, have, has, do, does, did, shall, should, will...* Маркіровані члени опозицій описаних вище трьох синтаксичних кореляцій, як норма, побудовані за допомогою однієї з цих структурних одиниць.

Отже відносно кореляції експресивності усі англійські речення теж діляться на дві групи - з прямим та непрямим значенням експресивності.

Як свідчать багато авторів [8, 9, 10] та ін., речення типу *He's nice, isn't he?*, які традиційно вважаються розчленованими питаннями, насправді не є питаннями. Вони висловлюють не бажання одержати інформацію, як це власливо питальним реченням, а запрошення підтвердити сказане. Отже вони відносяться до контактоустановлюючих або фатичних засобів. Точніше, спеціальним синтаксичним засобом виразу фатичності є додаток до речення питальної предикативної структури, співвідносної з предикацією речення. Така фатична структура може додаватись не тільки до розповідних речень (*He's nice, isn't he?*), але й до спонукальних (*Come here, will you?*) і окличних (*What a lovely morning, isn't it?*).

Отже можна назвати синтаксичною категорією (кореляцією) фатичності сукупність опозицій типу " *He's nice, isn't he?*" - " *He's nice.*" " *He hasn't gone, has he?*" - " *He hasn't gone.*", " *Come here, will you?*" - " *Come here!*", " *What a lovely morning, isn't it?*" - " *What a lovely morning!*", з корелятивною ознакою "експресивна фатичність" - "неекспресивна фатичність".

Опозиція фатичності нейтралізується під впливом питання, загального, чи спеціального. Тому питальні речення (*Is he clever? Why is he absent?*) не мають протичлена експресивної фатичності, тобто вони мають непряме значення неекспресивної фатичності.

Таким чином: відносно кореляції (категорії) фатичності англійського речення можна ділити на дві групи - з прямими і непрямыми значеннями фатичності.

У даній невеличкій статті ми змогли показати тільки принципи класифікації мовних одиниць, в тому числі речень, відносно їх кореляцій. Сподіваємося, що цей тип класифікації зацікавить лінгвістів.

Література.

1. Е.В.Гулыга, ФН, 1973, № 3.
2. И.П.Распопов. Очерки по теории синтаксиса. Воронеж, 1973.
3. О.И.Москальская. Системный подход к синтаксису предложения. ИЯШ, 1971, № 6.
4. B.S.Khaimovich, D.J.Rogovskaya. A course in English Grammar. М., 1967.
5. Н.С.Трубецкой. Основы филологии. М., 1960.
6. А.И.Смирницкий. Морфология английского языка. М., 1959.
7. М.А.Ganshina, N.M.Vasilevskaya. English Grammar. М., 1964.
8. B.Foster. The Changing English Language, Penguin Books, 1970.
9. W.Allen. Living English Speech. Hong Cong, 1969.
10. V.Cook. Active Intonation. London, 1971.

Оглавление

Л.Р. Безуглая (Харьков)	
К РАЗГРАНИЧЕНИЮ ПОНЯТИЙ "МАРКЕР" И "ИНДИКАТОР"	
ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ КВЕСИТИВОВ	3
Е.В. Бондаренко (Харьков)	
ЛАТЕНТНАЯ ТЕМПОРАЛЬНАЯ СЕМА КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗА-	
ЦИИ "ТЕПЛОЙ" КАРТИНЫ ВРЕМЕНИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	7
Е.В. Бутенко (Харьков)	
MITTEL ZUM AUSDRUCK DER INTENSITAET IN RAHMEN DER	
KATEGORIE DER QUALITAET IN DEUTSCHEN APHORISMEN	11
Е.Д. Геращенко (Харьков)	
ОТНОШЕНИЯ ЯЗЫКА И ВЛАСТИ И ПРОЦЕСС НОМИНАЦИИ	
В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ	13
В.И. Говердовский (Харьков)	
МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТЕОРИИ КОННОТАЦИИ	16
Т.И. Гончарова (Харьков)	
ЗООСЕМАНТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	20
К.В. Гулый (Харьков)	
ОБ ОДНОМ ТИПЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИРОНИИ	
В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ	24
Dr. L. Grigorieva (Charkow)	
ÜBER MODERNE LINGUISTISCHE FORSCHUNGSEINRICHTUNGEN, DIE BEI	
DER FREMDSPRACHENLEHRERAUSBILDUNG ZU VERWENDEN SIND	29
В.А. Дмитренко, Н.А. Олейник (Харьков)	
ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ АМЕРИКАНСКОЙ ЮМОРИСТИКИ	
19-20 ВЕКОВ И ЕЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	33
Я.В. Долгополова (Харьков)	
ЛАКУНЫ КАК ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ	37
И.Ю. Евдокимова (Харьков)	
АНТОНИМЫ И ОППОЗИТИВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ДИСКУРСЕ	
(на материале учебных текстов по теории менеджмента)	42
Heinrich Ejger, Ljudmila Grigorjewa (Charkow)	
DIE ERSPARUNG VON ELEMENTEN IN DEN ALTERNATIVEN	
STRUKTUREN DER DEUTSCHEN GEGENWARTSSPRACHE	45
Г.В. Ейгер, И.С. Шевченко (Харьков)	
ПРИНЦИПЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ РЕЧЕВЫХ АКТОВ	51
Т.А. Иванченко (Луцк)	
ТИПОЛОГИЯ АДРЕСАТНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ	
ОТРИЦАТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В СОВРЕМЕННОМ	
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	58
С.В. Кабанова (Суми)	
КОМУНІКАТИВНО-ФУНКЦІОНАЛЬНІ ОСОБЛИВОСТІ	
КІЛЬКІСНО-ЯКІСНИХ СЛОВОСПОЛУЧЕНЬ	62

V. Karavashkin, V. Krivenko, I. Panassyk (Charkow)	
SPRECHHANDLUNGEN UND IHRE ARTEN IM DEUTSCHEN	65
Л.А. Кедова (Харьков)	
К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ	
ВИЛЬЯМА ШЕКСПИРА	71
Е.В. Корень (Сумы)	
О СТАТУСЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ПОСЛОВИЧНЫХ ТЕКСТАХ	76
І.В. Крижанська (Харків)	
СПОСОБИ ВИРАЖЕННЯ ПІДСИЛЕННЯ ДІЄСЛОВНОЇ ДІЇ	
ЗА ДОПОМОГОЮ ІНТЕНСИФІКОВАНИХ ДІЄСЛІВ У МЕЖАХ	
ФУНКЦІОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧНОГО ПОЛЯ	
АСПЕКТУАЛЬНОСТІ У СУЧАСНІЙ ФРАНЦУЗСЬКІЙ МОВІ	79
А.Э. Левицкий (Киев)	
ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПЕРЕОРИЕНТАЦИИ	
РАЗНОУРОВНЕВЫХ ЕДИНИЦ СОВРЕМЕННОГО	
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	82
Т.Ф. Локшина (Харьков)	
АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ МОДЕЛИ МЕЖКУЛЬТУРНОГО АСПЕКТА В	
ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ	89
А.В. Малина (Харьков)	
ЗАПРЕТИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ	
В ДРЕВНИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ	93
А.П. Мартынюк, Е.В. Пищикова (Харьков)	
ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ ПОЛОВ	95
Н.И. Маслова, Э.Г. Паловянец (Харьков)	
О НЕКОТОРЫХ ПРАГМА-СИНТАКСИЧЕСКИХ	
ОСОБЕННОСТЯХ ДИАЛЕКТА АФРО-АМЕРИКАНЦЕВ	100
Е.Н. Медведь (Сумы)	
ПАРАДИГМАТИКА КВАНТИТАТИВНЫХ АСПЕКТОВ	105
В.Я. Мизецкая (Одесса)	
СОКРАЩЕНИЯ-КАПИТАЛИЗАЦИИ	
В СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	109
Л.М. Минкин, Н.Г. Дворцова (Харьков)	
ИНТЕГРАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ И РЕЧЕВОЙ СИСТЕМ:	
ФРАНЦУЗСКИЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ	
ГЛАГОЛЬНО-СУБСТАНТИВНОГО ТИПА	113
Л.В. Михайлова (Харьков)	
К ПРОБЛЕМЕ ЭВОЛЮЦИИ ДИРЕКТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТОВ	117
И.И. Морозова (Харьков)	
ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЖАНРА ПИСЬМА	
ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ	
ЖЕНЩИНЫ ВИКТОРИАНСКОЙ ЭПОХИ	120
Т.В. Насалевич (Одеса), В.О. Дмитренко (Харків),	
В.Я. Мізецька (Одеса)	
ПОРІВНЯЛЬНЕ ДОСЛІДЖЕННЯ ПОРТРЕТНИХ ОПИСІВ	
У РІЗНИХ ТИПАХ ТЕКСТУ	124

Е.Д. Нефёдова (Харьков)	
ГОВОРЯЩИЕ ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ КАК ТЕКСТООБРАЗУЮЩИЙ ЭЛЕМЕНТ АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ	129
О.И. Панасенко (Харьков)	
ШКАЛА МАРКЕРОВ ИЛЛОКУТИВНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В ОБЩЕВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ОТРИЦАНИЕМ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ	133
В.Г. Пасынок (Харьков)	
КУЛЬТУРА РЕЧИ УЧИТЕЛЯ КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	137
Ю.Г. Перлина (Днепропетровск)	
ГИБРИДНЫЕ ФОРМЫ В РАМКАХ ЭПИГРАММАТИЧЕСКОГО ЖАНРА	141
Н. Петрищева (Харьков)	
ТЕМАТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НЕСТАНДАРТНОЙ ИНИЦИАЛЬНОЙ ФАЗЫ ДИАЛОГА	147
О.Г. Пироженко (Харьков)	
"КОММУНИКАТИВНАЯ СТРАТЕГИЯ" КАК ЕДИНИЦА РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ	151
Л.С. Пихтовникова (Харьков)	
ЭВОЛЮЦИЯ НЕМЕЦКОЙ СТИХОТВОРНОЙ БАСНИ В СИСТЕМНО-СТИЛИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	154
С.В. Подолкова (Сумы)	
СТРУКТУРНО-ЛЕКСИЧЕСКИЕ И КОММУНИКАТИВНО-ИНФОРМАЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ	159
В.С. Полина (Харьков)	
УЧЁТ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ТРАНСФЕРЕНЦИИ ПРИ ОБУЧЕНИИ ФОНЕТИКЕ	161
В.І. Пушкар (Полтава)	
АРХІТЕКТОНІКА ТВІРНИХ ТА ПОХІДНИХ ОСНОВ АНГЛІЙСЬКИХ ПРЕФІКСАЛЬНИХ ДІЄСЛІВ	164
А.В. Ребрий (Харьков)	
ПРАКТИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ВЫДЕЛЕНИЯ ОККАЗИОНАЛИЗМОВ В ПОТОКЕ РЕЧИ	169
Н.В. Рябых (Харьков)	
ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА С УЧЁТОМ НЕКОТОРЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК УЧАЩИХСЯ	174
I. Sverdlova (Kharkiv)	
EVOLUTION OF SYLLABUS DESIGN	177
В.Н. Сердюк (Харьков)	
ИЗУЧЕНИЕ ПРОЦЕССА СТАНОВЛЕНИЯ ФОРМ ДЛИТЕЛЬНОГО ВИДА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	181
В.П. Сімонок (Харків)	
ВЗАЄМОДІЯ МОВ	185
I.B. Соколова (Сумы)	
РЕАЛИЗАЦИЯ ПОВТОРОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ...	189

С.И. Сотникова (Харьков)	
ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ КОМИЗМА В НЕМЕЦКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ	192
И.И. Степанченко (Харьков)	
ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ КАК СИСТЕМОЕ ЯВЛЕНИЕ В ЯЗЫКЕ	197
Н.И. Сукаленко (Харьков)	
О РАЗЛИЧНОЙ СТЕПЕНИ СОКРЫТИЯ СМЫСЛОВ КУЛЬТУРНЫХ ТАКСОНОВ	199
Y. Tarasova (Kharkiv)	
"SOCIAL" BEHAVIOR: A CROSS-CULTURAL SOCIO-PRAGMATIC OVERVIEW OF ENGLISH AND RUSSIAN STRATEGIES	203
Arthur A. Tyutenko (Charkow)	
ZUM PROBLEM DER PRODUKTION UND REZEPTION VON GRUPPENWISSENBEZOGENEN ANSPIELUNGEN IN KABARETT-SPRACHE DER DEUTSCHEN PRESSEJOURNALISTIK	208
И.Е. Фролова (Харьков)	
ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУРАХ ВОПРОСИТЕЛЬНОГО ТИПА	212
Л.Н. Черноватый (Харьков)	
АНАЛОГИЯ, "ЯДЕРНАЯ ГРАММАТИКА" И ИМИТАЦИЯ В УСВОЕНИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА	220
О.А. Черновол-Ткаченко (Харьков)	
К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ КОМИЧЕСКОГО	225
Р.С. Черновол-Ткаченко (Харьков)	
РЕКЛАМА КАК РЕЧЕВОЙ ФЕНОМЕН И ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИСТИКЕ	228
С.О. Швачко (Суми)	
СУТНІСТЬ МОВОТВОРЧОЇ ФУНКЦІЇ	232
И.С. Шевченко (Харьков)	
ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ПРАГМАТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК АНГЛИЙСКИХ МЕЖДОМЕТИЙ	236
И.В. Яковенко /Харьков/	
ПРИЧИНЫ МОТИВАЦИИ НАУЧНЫХ И ОБИХОДНЫХ ТЕРМИНОВ	241

— 3 НАУКОВОЇ СПАДЩИНИ —

Б.С. Хаймович, Б.И. Роговська	
ПРО КЛАСИФІКАЦІЮ РЕЧЕНЬ ВІДНОСНО ЇХ ГРАМАТИЧНИХ КАТЕГОРІЙ	245

Notes

Notes

С.И. Сошникова (Харьков)	ПРАГМАТИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СООБРАЖЕНИЙ	192
И.И. Степанченко (Харьков)	КОМИЗМА В НЕМЕЦКОМ НАРОДНОМ СКАЗКАХ	197
Н.И. Султанова (Харьков)	ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ	197
У. Теллеров (Шарфа)	КАК СИСТЕМНОЕ ЯВЛЕНИЕ В РОЗЫКЕ	199
А.А. Тустерке (Шарков)	О РАЗЛИЧНОЙ СТЕПЕНИ СОКРЫТИЯ СМЫСЛОВ	203
А.А. Тустерке (Шарков)	КУЛЬТУРНЫХ ТАКСОНОВ	203
А.А. Тустерке (Шарков)	"SOCIAL" BEHAVIOR: A CROSS-CULTURAL SOCIO-PRAGMATIC	203
А.А. Тустерке (Шарков)	OVERVIEW OF ENGLISH AND RUSSIAN STRATEGIES	203
А.А. Тустерке (Шарков)	ZUM PROBLEM DER PRODUKTION UND REZEPTION VON	203
А.А. Тустерке (Шарков)	GRUPPENWISSENSZUGEBENEN ANSPIELUNGEN IN	203
А.А. Тустерке (Шарков)	KABARETT-SPRACHE DER DEUTSCHEN PRESSEJOURNALISTIK	203
И.Е. Фролова (Харьков)	ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В СИНТАКСИ-	212
Л.Н. Черноватый (Харьков)	ЧЕСКИХ СТРУКТУРАХ ВОПРОСИТЕЛЬНОГО ТИПА	212
О.А. Чернозал-Тарченко (Харьков)	АНАЛОГИЯ, "ЯДЕРНАЯ ГРАММАТИКА" И ИМИТАЦИЯ	220
Р.С. Чернозал-Тарченко (Харьков)	В УСЛОВИИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА	220
Р.С. Чернозал-Тарченко (Харьков)	К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ КОММЕРЧЕСКОГО	225
С.О. Шапка (Сум)	РЕКЛАМА КАК РЕЧЕВОЙ ФЕНОМЕН И ОБЪЕКТ	225
И.С. Шапка (Харьков)	ИЗУЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИСТИКЕ	225
И.С. Шапка (Харьков)	СУЩНОСТЬ ИСХОДНОЙ ФУНКЦИИ	232
И.С. Шапка (Харьков)	ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ПРАГМАТИЧЕСКИХ	235
И.С. Шапка (Харьков)	ХАРАКТЕРИСТИК АНГЛИЙСКИХ МЕЖДОМЕТИЙ	235
И.С. Шапка (Харьков)	ПРИЧИН МОТИВАЦИИ НАУЧНЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ТЕРМИНОВ	241
Б.С. Хаймович, Б.И. Роговская	ПРО КЛАССИФИКАЦИЮ РЕЧЕВЬ ВІДНОСНО ЇХ	245
	ГРАМАТИЧНИХ КАТЕГОРІЙ	245

— З НАУКОВОЇ СПАДЩИНИ —

ВІСНИК ХАРКІВСЬКОГО ДЕРЖАВНОГО УНІВЕРСИТЕТУ

№ 406

ПРОБЛЕМИ МОВИ, МОВЛЕННЄВОЇ ДІЯЛЬНОСТІ
ТА ВИКЛАДАННЯ ІНОЗЕМНИХ МОВ

ISSN 0453-8048

Ответственный редактор
Редактор
Художественное оформление

И.С. Шевченко
Л.П. Зябченко
Г.П. Ульянич

Здано до набору 25.05.98.

Підписано до друку 23.06.98. Формат 60х84/16

Папір офсетний. Друк офсетний. Гарнітура Прагматика.

Умовн. друк. арк. 16. Умовн. вид. арк. 24.8.

Наклад 300 прим. Зам. У 0106/98

Віддруковано в друкарні видавництва «КОНСТАНТА»

310145, м. Харків, вул. Космічна, 26, к. 113.

тел. (0572) 30-36-88